

Н. БУТОВСКИЙ

О СПОСОБАХ

ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

СОВР. СОЛДАТА .

2 .

И

53

181

U $\frac{53}{181}$

Tom

53

12

181

О СПОСОБАХЪ

ОБУЧЕНІЯ И ВОСПИТАНІЯ

СОВРЕМЕННАГО СОЛДАТА.

(ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КОМАНДИРА РОТЫ)

ИЗДАНИЕ 4-е.

Соч. НИК. БУТОВСКАГО.

ТОМЪ II.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

1909.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСК АГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Психологическія основы воспитанія солдата. Очерки военной педагогики. Сост. П. К. 75 к.

Цѣль военнаго воспитанія. Данныя психологіи. Средства и методъ
воспитанія. Заключение.

... Горячо рекомендуемъ всѣмъ офицерамъ-воспитателямъ ознакомиться съ ней. Время, необходимое для ознакомленія съ нею, не будетъ потеряно, а съ избыткомъ вознаградится тѣми указаніями о методахъ воспитанія, которыя почерпнетъ въ ней читатель... содержаніе книги можетъ послужить прекрасной и благодарной темой для сообщенія.

С. М. „Братская помощь“ 1908 г. № 2.

Служебная книжка строевого офицера.

Составилъ капитанъ *Гоффманъ*. Изд. 11-е, совершенно переработанъ *И. Зацукъ*. Спб., 1908 г. Въ коленкоровомъ переплетѣ . . . . . 1 р.

Кто служитъ въ строю, тотъ прекрасно знаетъ, что войсковыя канцеляріи постоянно наполнены офицерами, пришедшими туда навести *служебную справку*, относящуюся до прохожденія службы или какого-либо вида довольствія. Какъ ни отбиваются адъютанты и дѣлопроизводители отъ непрошенныхъ посѣтителей, но они немудимы. Справка каждому изъ нихъ нужна во что бы то ни стало и изъ канцеляріи неудовлетворенными они не уйдутъ. Сборища сослуживцевъ въ канцеляріяхъ составляютъ наше большое зло, которое ведетъ къ тому, что переписка замедляется до крайности. Должностной чинъ приступаетъ къ своей работѣ лишь тогда, когда канцелярію покинутъ гости.

Нѣкоторыми войсковыми начальниками воспрещается входъ въ канцелярію посѣтителемъ, но отъ этого адъютантамъ и дѣлопроизводителямъ не легче. Тогда къ нимъ поступаетъ масса писемъ и записокъ, что еще хуже личныхъ справокъ.

Отчего же происходитъ все это? Главнымъ образомъ отъ того, что, какъ сказалъ безсмертный знатокъ нашего офицерскаго быта Федотовъ,

...Какъ дѣла самъ не знаешь
Да въ законахъ не смекаешь,
Поневолю всякой мошкѣ
Поклонись чернильной въ ножки.

Вышеозначенная книжка, давая массу свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ, отвѣчающимъ служебной дѣятельности офицера, можетъ избавить его отъ необходимости обращаться за справками къ какимъ бы то ни было канцелярскимъ докамъ.

9/53
181

12

О СПОСОБАХЪ
ОБУЧЕНІЯ И ВОСПИТАНІЯ

СОВРЕМЕННАГО СОЛДАТА.

(ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КОМАНДИРА РОТЫ)

ИЗДАНИЕ 4-е.

Соч. НИК. БУТОВСКАГО.

ТОМЪ II.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,
КОМИССИОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

1909.

2632.

2011096607

Муштровка—какъ элементъ искусства.

(По поводу примѣчаній М. И. Драгомирова къ статьѣ „Муштровка или воспитаніе“?).

Нѣкоторыя недоразумѣнія въ дѣлѣ нашего военного воспитанія, выступившія на сцену въ послѣднее время и могущія повредить этому неутвердившемуся дѣлу, заставляютъ насъ разобрать статью, написанную шесть лѣтъ тому назадъ австрійскимъ авторомъ, эрцгерцогомъ Іоанномъ, которая появилась у насъ въ переводѣ съ примѣчаніями г. Драгомирова (см. «Военный Сборникъ» 1884 г. № 3). Статья эта до сихъ поръ возбуждаетъ большіе толки, при чемъ интересъ сосредоточивается не столько на мысляхъ автора самой статьи, сколько на словахъ автора примѣчаній, соглашающагося съ нѣкоторыми пунктами текста, идущими въ прямой разрѣзъ съ основными задачами военного воспитанія.

Въ послѣднее время, даже можно сказать, въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, въ нашей арміи замѣчается готовность вполне разстаться съ старыми приѣмами военного обученія, несостоятельность которыхъ особенно почувствовалась на первыхъ ступеняхъ, а именно — при обученіи новобранцевъ. То, что прежде проповѣдывалось только въ теоріи, въ настоящее время становится достояніемъ практики: всѣ понемногу убѣждаются, что

господство грубой муштровки, особенно при вступленіи новобранца въ область военнаго дѣла, не только вредитъ успѣху занятій, но и отражается на здоровьи людей. Не только разумнѣе, но и выгоднѣе, въ смыслѣ экономіи во времени, вызывать въ человѣкѣ сознаніе, возбуждать въ немъ охоту къ дѣлу, вообще вызывать къ жизни тѣ средства человѣческаго духа, которыми только и можно достигать скорого и прочнаго успѣха.

Полное утвержденіе этой рациональной системы, основанной на изученіи человѣческихъ свойствъ, не можетъ совершиться сразу: тутъ неминуемо произойдетъ борьба разума съ рутиной, образованія съ невѣжествомъ, но побѣда несомнѣнно останется на той сторонѣ, которая наглядно докажетъ высокое преимущество воспитательной работы передъ безразличнымъ отношеніемъ къ человѣку, какъ къ номеру.

Существенная разниа между старой и новой системой на первыхъ ступеняхъ обученія заключается преимущественно въ томъ, что прежде васъ мало занимали, напримѣръ, такія вещи: боленъ ли человѣкъ или здоровъ; охотно ли онъ занимается или по принужденію; понимаетъ ли онъ то, что заучиваетъ или нѣтъ; бодръ ли онъ духомъ, веселъ ли или скучаетъ по родинѣ; спокойны ли у него нервы или, можетъ быть, онъ страдаетъ той опасной нервной слабостью, которая заѣдаетъ новобранца на первомъ же году, и т. д.

Барабанъ билъ отъ такого-то до такого-то часа, и вся эта масса людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ особую душу, проходила передъ вами вытянувшись, а вамъ было рѣшительно все равно, какого содержанія драму носилъ въ своемъ сердцѣ дефилировавшій передъ вами человѣкъ.

Вамъ рѣшительно не было никакого дѣла — хочетъ ли человѣкъ заниматься или занятіе составляетъ для него родъ наказанія; тяжело ли ему заниматься или легко и т. д. Отъ

вась (человѣка разумнаго) ускользали, напримѣръ, такія простыя соображенія: занимаясь съ охотой, человекъ можетъ изучить свое дѣло вдвое скорѣе, а занимаясь съ запасомъ силъ, который не разстраивается чрезмѣрными, а главное — принудительными упражненіями, онъ успѣетъ въдесятеро противъ того нравственно или физически потрясеннаго человекъ, котораго въ лазаретѣ не признають больнымъ и котораго можетъ такимъ признать только одинъ педагогъ. Вы знали только свои казенныя учебныя часы, всегда для вась надоѣдливыя; подсчитывали на маршировкѣ: «разъ! два!» курили, зѣвали, дѣлали монотонныя и всегда банальныя замѣчанія, и талисманъ успѣха усматривали не въ качествѣ преподаванія, не въ разумномъ пользованіи свойствами духа и тѣла солдата, а только въ количествѣ учебныхъ часовъ, несмотря на то, что они даже вась самихъ всегда тяготили.

Новая система, основанія которой впервые были разъяснены даровитѣйшимъ изъ нашихъ военныхъ ученыхъ, г. Драгомировымъ, горячо возстала противъ такой рутины. Разумъ и человѣколюбіе, влекомые патріотическими чувствами, пришли на помощь не только солдату, но и тому офицеру, который не умѣлъ его обучать. О воспитательныхъ элементахъ заговорили еще тогда, когда солдатъ долго служилъ и потому легче выносилъ неумѣлое обученіе. Что касается нашего времени, то мы прямо утверждаемъ, что, напримѣръ, при обученіи новобранцевъ, рѣшительно нельзя обойтись старыми приѣмами, и если мы замѣчаемъ дурную подготовку, всегда сопровождаемую большимъ процентомъ болѣзненности, то можемъ навѣрно сказать, что во всякомъ такомъ случаѣ отсутствуютъ руководящія начала хорошей школы.

Теперь стало яснымъ, какъ дважды два, что лучше заниматься съ здоровымъ новобранцемъ одинъ мѣсяцъ, чѣмъ со слабымъ четыре мѣсяца (поэтому давайте полный отдыхъ всѣмъ

слабымъ и нервно-разстроеннымъ людямъ, отнюдь не дожидаясь заключенія врача, который можетъ оказаться въ этомъ дѣлѣ человекомъ не компетентнымъ); ни для кого не секретъ, что во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, требующихъ ловкости, успѣхъ зависитъ отъ охоты, съ которой они дѣлаются; охота зависитъ отъ состоянія духа солдата, отъ его довольства своимъ служебнымъ положеніемъ, а это послѣднее зависитъ отъ общаго служебнаго духа всей роты, который держится вами при помощи вашихъ помощниковъ. Слѣдовательно, заботьтесь прежде всего о воспитаніи хорошаго строя помощниковъ (отъ младшихъ офицеровъ до дядекъ). Этотъ строй — ваши воспитательныя средства, безъ которыхъ вы будете, какъ говорится, «одинъ въ полѣ не воинъ»¹⁾.

Вотъ съ чего должно начаться практическое приложеніе той широкой воспитательной системы, которой предстоитъ блестящая будущность. Мы говоримъ не голословно, а имѣемъ фактическія данныя утверждать, что это приложеніе, явившееся сначала въ видѣ отдѣльныхъ и беспорядочныхъ попытокъ, въ послѣднее время начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторую стройность. Уже есть роты (и ихъ немало: мы имѣемъ о томъ письма отъ гг. офицеровъ изъ провинціи), гдѣ умѣютъ не только хорошо обучать новобранцевъ, но и сохранять запасъ принесеннаго ими съ родины здоровья. Къ этимъ ротамъ присматриваются сосѣди. Скоро наступитъ время, когда сидѣть на старыхъ приѣмахъ окажется не только невыгоднымъ, но даже и невозможнымъ.

Однако и въ этой новой, только что нарождающейся системѣ также возможны своего рода увлеченія, разительный

---

¹⁾ Способы подготовки такого строя помощниковъ подробно изложены нами въ книгѣ: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“. Томъ I.

примѣръ которыхъ находимъ въ бесѣдѣ эрцгерцога Іоанна, съ примѣчаніями къ ней М. П. Драгомирава.

Правду сказать, для насъ не составляетъ большой важности, что извѣстный иностранный авторъ, писатель-диллетантъ по многимъ вопросамъ, не исключая и спиритизма, является такимъ же диллетантомъ и въ военной бесѣдѣ; но если эта статья сопровождается одобрительными примѣчаніями чловѣка съ заслуженной извѣстностью, сочиненія котораго стали классическими въ нашей военной литературѣ, то этимъ самымъ статья австрійскаго автора приобретаетъ въ военной средѣ значеніе, какъ нѣкій вкладъ въ военную литературу, а потому мы должны отнестись къ ней съ полной серьезностью.

Несмотря на то, что мы не такіе ученые люди, какъ авторъ статьи, для насъ все-таки (мы въ этомъ извиняемся) заглавіе: «Муштровка или воспитаніе»? не имѣетъ серьезно-научнаго смысла: чловѣкъ, который серьезно задается такими вопросами, по нашему разумѣнію, прямо обличаетъ себя въ недостаточно ясномъ пониманіи произносимыхъ имъ словъ.

Высшая и конечная цѣль военнаго воспитанія—искусство побуждать непріятеля; въ этомъ искусствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть *навыкъ*, достигаемый цѣлесообразной муштровкой, и есть умственное *развитіе*. Навыкъ безъ развитія даетъ ремесленника, который, при соответствующемъ развитіи, становится художникомъ; одно же развитіе безъ навыка представляетъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ путей къ диллетантизму.

Поэтому задаваться вопросомъ: «Муштровка или воспитаніе»? и затѣмъ приходитъ къ конечному тезису: «Не муштруйте, а воспитывайте!» значить отымать у воспитанія существенную его часть—навыкъ, т. е. готовить въ военномъ чловѣкѣ не искуснаго исполнителя, а только чловѣка, имѣющаго понятіе объ этомъ исполненіи. Чловѣкъ съ навыкомъ—все-таки ремесленникъ, который можетъ исполнять чужіе планы,

а человекъ безъ всякаго навыка, а только съ однимъ развитіемъ, не исполнить даже и своего...

Едва ли такой рѣзкій выводъ автора, основанный на ошибочныхъ положеніяхъ, можетъ способствовать правильному выясненію вопросовъ о воспитаніи, которые въ настоящее время волнуютъ просвѣщенную часть военнаго общества. Воспитывать не значить — упразднять муштровку: разумное воспитаніе только отводитъ ей должное мѣсто, очищая область правильному развитію ¹⁾).

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію приводимыхъ авторомъ положеній, необходимо замѣтить, что муштровка (цѣлесообразная) имѣетъ мѣсто во всякой сферѣ человѣческой дѣятельности и составляетъ неотъемлемую часть всякаго разумнаго воспитанія. Въ жизни, напримѣръ, человекъ муштруетъ сама природа, приучая его члены исполнять извѣстные движенія до степени рефлекса, чтобы избавить его мозгъ отъ управленія той *неслучайной* работой, которая гораздо успѣшнѣе можетъ быть исполнена безсознательно. Если человекъ посвящаетъ себя какому-нибудь искусству, то для него является необходимость въ обязательной муштровкѣ для той же разумной цѣли. Приведемъ два соответствующихъ примѣра: 1) Если бы человекъ съ дѣтства не муштровалъ своихъ ногъ для того, чтобы при ходьбѣ удерживать равновѣсіе, а только развивалъ бы въ себѣ понятіе объ этомъ, то навѣрно падалъ бы при малѣйшемъ невниманіи къ ногамъ. 2) Солдатъ можетъ отлично

¹⁾ Здѣсь необходимо замѣтить, что въ военномъ просторѣчи слово „муштровка“ употребляется совсѣмъ не въ научномъ смыслѣ: съ нимъ соединяется представленіе о подтягиваніи и вообще о жестокомъ и суровомъ обращеніи. Однако, мы не видимъ въ этомъ достаточнаго повода къ тому, чтобы въ серьезной статьѣ употреблять это слово съ нѣкоторой проницей, какъ это дѣлаетъ авторъ статьи, а также и авторъ примѣчаній. Отождествлять муштровку съ дрессировкой, палкой и т. д. можно только для оживленія слога...

понимать, что ему слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы сохранять дистанцію и идти въ затылокъ товарищамъ; но если онъ не будетъ въ этомъ вымуштрованъ, то при малѣйшемъ невниманіи, а тѣмъ болѣе при отвлеченіи высшихъ центровъ мозга случайностями минуты, навѣрно станетъ ошибаться и производить въ строю беспорядокъ. Рота, состоящая изъ такихъ людей, не взирая на ихъ отмѣнное развитіе, все-таки будетъ представлять нѣчто безобразное, совсѣмъ не похожее на строй. Даже общія гуманныя цѣли требуютъ вымуштровать такую роту, ибо при всякихъ передвиженіяхъ она будетъ въ своемъ родѣ мученицей: усталые люди затолкаютъ другъ друга ранами, локтями и т. д.

Въ виду серьезности вопроса обращаемъ вниманіе читателей на употребляемое нами выраженіе «цѣлесообразная военная муштровка». Подъ этимъ мы разумѣемъ, во-первыхъ, только тѣ упражненія, которыя ложатся въ основаніе боевой подготовки; во-вторыхъ, считаемъ разумной и вполне естественной цѣлью такихъ упражненій полное уничтоженіе въ ихъ исполненіи разсужденія. Вотъ это послѣднее, какъ увидимъ ниже, составляетъ главный пунктъ нашего разногласія съ обоими авторами.

Правду сказать, въ началѣ чтенія статьи и сопровождающихъ ее примѣчаній мы долго оставались при убѣжденіи, что авторъ статьи, а также и соглашающийся съ нимъ авторъ примѣчаній ратуютъ только противъ безцѣльной или чрезмѣрной муштровки, заключающейся въ излишнихъ увлеченіяхъ, наносящихъ ущербъ развитію. Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «По уставу, солдатъ долженъ стоять прямо, но непринужденно; каждое движеніе солдата должно быть исполнено при вольномъ и непринужденномъ положеніи корпуса; а между тѣмъ чело-вѣка ставятъ въ неестественную позу, заставляютъ его неестественно подымать ногу и отбивать тактъ...» Въ общемъ мы съ

этимъ согласны, хотя это нѣсколько условно: солдатъ, разви-
вшійся на гимнастикѣ, самъ станетъ подымать выше ногу, чѣмъ
его не размятый товарищъ; нѣкоторая отбивка такта требуется
отъ людей, не обладающихъ слухомъ, безъ чего ихъ нельзя
выучить ходить въ ногу и т. д. Въ одномъ изъ примѣчаній
г. Драгомирова читаемъ: «Ошибка муштровщиковъ не въ томъ,
что они вѣрятъ въ муштру, а въ томъ, что они вѣрятъ только
въ одну муштру». Съ такимъ мнѣніемъ мы не только согласны,
но и готовы горячо его защищать.

Читая дальше, мы были рѣшительно приведены въ недо-
умѣніе словами автора, которыми начинается глава «о разум-
ныхъ требованіяхъ»: «самый ожесточенный врагъ муштровки
согласится съ тѣмъ, что въ колоннѣ надо строго требовать
сомнѣности и точнаго соблюденія дистанцій, какъ на мѣстѣ,
такъ и на ходу. Отвергающій поклоненіе внѣшности (формѣ)
будетъ стоять за практику сомнѣтыхъ построеній не только
на учебномъ плацу, но и на мѣстности, но не въ видѣ дисци-
плинарной мѣры, а какъ за необходимую школу для быстрого
приведенія части въ порядокъ».

Послѣ этихъ словъ, выражающихъ полное признаніе муш-
тровки, у насъ невольно явился вопросъ: о чемъ же собственно
авторъ хлопочетъ? Если онъ ратуетъ только противъ увлеченія
муштровкой, тогда надо было иначе озаглавить статью.

Отвѣтъ на это мы отчасти находимъ въ укорѣ, съ которымъ
авторъ говоритъ слѣдующія слова: «совершенно опредѣленная
цѣль муштровки — парализація разсужденія...» Совершенно
вѣрно; но смѣемъ утверждать, что это цѣль всякой разумной
муштровки, даже той, о которой говорятъ оба автора въ выше-
приведенныхъ выдержкахъ. Зачѣмъ же объ этомъ сожалѣть,
когда это вполне естественно? Цѣлесообразная муштровка
производитъ такую же, т. е. цѣлесообразную парализацію раз-
сужденія: человѣкъ, муштрующій въ дѣтствѣ свои руки для

машинальнаго доставанія предметовъ, парализируетъ разсужденіе мозга, предпосылаемое каждому изъ такихъ движеній; солдатъ, приучая свои руки машинально заряжать ружье, парализируетъ разсужденіе мозга, предпосылаемое этому дѣйствию, т. е. избавляетъ его отъ совершенно ненужной работы: головѣ некогда будетъ руководить заряданіемъ въ то время, когда она будетъ занята распознаваніемъ цѣли, соображеніемъ съ погодой и мѣстностью, вообще тѣмъ, что называется «разумомъ стрѣлка» и т. д. Мы рѣшительно не понимаемъ, о чемъ тутъ можно сожалѣть? Если сама природа съ разумной цѣлью доводитъ исполненіе нѣкоторыхъ неслучайныхъ движеній до степени рефлекса, отдавая ихъ въ распоряженіе низшихъ центровъ, то что же тутъ можетъ быть неестественнаго?

Однако, если авторъ допускаетъ необходимость извѣстной муштровки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстаетъ противъ ея цѣли, то здѣсь либо ясное противорѣчіе, либо намѣреніе установить другую цѣль, которая бы не возбуждала сожалѣнія.

Нѣчто подобное послѣднему и самое интересное, въ смыслѣ крайне ошибочнаго взгляда, мы находимъ въ слѣдующей главѣ. Признавая необходимость практики сомкнутыхъ построеній, авторъ замѣчаетъ: «что же можно дисциплинировать въ сомкнутомъ строю? *Видь только сумасшедшій по командѣ «направо кругомъ» повернется «налево кругомъ»...*

Такое ясное обозначеніе степени, до которой должна доходить муштровка, совершенно противорѣчитъ азбучнымъ понятіямъ объ этомъ предметѣ. Значить, авторъ, а также и авторъ примѣчаній, который ничего на это не возражаетъ, допускаютъ присутствіе сознанія при исполненіи человѣкомъ заучиваемыхъ движеній, т. е. проводятъ въ область воспитанія какую-то половинную муштровку, которая не парализовала бы разсужденія, или, такъ сказать, не признаютъ общепризнанной цѣли навыка во всякомъ искусствѣ. Это не муштровка,

а что-то новое, для насъ совершенно непонятное, и мы были бы крайне признательны, если бы намъ это объяснили.

Вообще понятія о муштровкѣ очень сбивчивы. Многіе защитники воспитанія выставляютъ ее какимъ-то страшилищемъ, совершенно не соображая того, что полного воспитанія безъ муштровки нѣтъ, а есть только развитіе. Муштровку допускаютъ только тамъ, гдѣ отвергать ее было бы очевидной нелѣпностью, при чемъ часто добавляютъ, что отъ нея слѣдуетъ требовать только нѣкоторой твердости, но не красоты, которая въ исполненіи движеній безцѣльна. Это совсѣмъ невѣрно: твердость и красота въ исполненіи—вещи другъ отъ друга нераздѣлимыя: исполненіе какого-нибудь физическаго движенія только тогда можно назвать твердымъ, когда оно перешло въ навыкъ, т. е. стало непринужденнымъ, а гдѣ непринужденность—тамъ и красота ¹⁾).

Поэтому, не будетъ ли легкомыслиемъ то поспѣшное осужденіе, съ которымъ мы (въ видахъ остроумія) любимъ относиться къ начальнику, требующему (иногда по разумѣнію, иногда просто—по инстинкту опытности) красиваго исполненія пріемовъ?

Конечно, мы говоримъ о пріемахъ, имѣющихъ практическій смыслъ. Иногда, впрочемъ, любители красоты пересаливаютъ и ищутъ ее не тамъ, гдѣ она есть въ дѣйствительности. Авторъ очень удачно указываетъ на требованіе нѣкоторыхъ неестественныхъ движеній, которое, по нашему, представляетъ извращеніе вкуса: истинная красота неразлучна съ непринужденностью.

Говоря вообще объ увлеченіяхъ муштровкой, авторъ задается

---

¹⁾ Мы предложили бы лицамъ, сбивающимся въ этихъ понятіяхъ, прочесть: „Философско-литературные этюды“ Спенсера, напримѣръ, статью „О граціи“.

вопросом: «Убѣжденіе ли это или опортунизмъ, или, наконецъ, свойственное человѣческой натурѣ властолюбивое желаніе подчинить другихъ своей волѣ?»

По-нашему, здѣсь главную роль играетъ отсутствіе въ военномъ дѣлѣ простаго и общаго для всѣхъ идеала, который могъ бы объединить всѣ хорошія стремленія; неопредѣленность стремленій ведетъ иногда къ полному отсутствію критериума при оцѣнкѣ извѣстной воспитательной работы.

Говоря о той части воспитательной работы, которая посвящается муштровкѣ, авторъ опять впадаетъ въ ошибку, происходящую отъ недостаточнаго уясненія предмета. Вотъ слова автора статьи, на которыя авторъ примѣчаній ничего не возражаетъ: «Для такой работы, говоритъ первый авторъ, не нужны ни военныя способности, ни размышленіе, ни воздѣйствіе на нравственныя свойства—однимъ словомъ,—не надо ни ума, ни характера...»

Откуда авторъ статьи выводитъ такое грубо-ошибочное заключеніе? Для насъ просто непонятно, почему и здѣсь авторъ примѣчаній, котораго мы привыкли считать нашимъ учителемъ, ничего ему не возражаетъ. Мы полагаемъ, что воспитательная работа, посвящаемая какой бы то ни было муштровкѣ, даже безцѣльной (если таковая значится въ уставахъ), настолько же почтенна, какъ и та, которая посвящается развитію: не слѣдуетъ забывать, что удачное приобрѣтеніе навыка зависитъ отъ развитія въ ученикѣ охоты къ извѣстнымъ упражненіямъ, а это одна изъ труднѣйшихъ воспитательныхъ задачъ. Удачно вымуштровать человѣка, чтобы онъ скоро приобрѣлъ навыкъ и при этомъ не заболѣлъ отъ сильныхъ напряженій, можно только посредствомъ разумнаго преподаванія: иной учитель можетъ научить упражненію въ одинъ урокъ, а другой на томъ же упражненіи можетъ измучить человѣка и все-таки ничему его не научить. Значитъ, здѣсь нужны и размышленіе, и воздѣй-

ствіе на нравственныя свойства, для чего учитель долженъ обладать и умомъ, и характеромъ. Конечно въ безцѣльной муштровкѣ, которая иногда (по ошибкѣ) попадаетъ въ наши уставы, приходится только сожалѣть, что такія педагогическія способности тратятся по пустякамъ.

Далѣе, развивая мысль о вредѣ муштровки, авторъ отчасти преувеличиваетъ этотъ вредъ, отчасти видитъ его не тамъ, гдѣ онъ есть въ дѣйствительности. «Но, можетъ быть, увлеченіе муштровкой,— говоритъ онъ,— не болѣе какъ безцѣльная, но безвредная забава?—Нѣтъ! эта система влечетъ за собою опасныя послѣдствія; и не въ томъ они заключаются главнымъ образомъ, что излишняя муштровка уничтожаетъ волю человѣка, что она его нравственно забиваетъ; опасность лежитъ въ притупленіи, которому подвергается человѣкъ, въ томъ, что никогда не вызываютъ его разума, мышленія, и поэтому онъ совсѣмъ отвыкаетъ работать».

Здѣсь авторъ не совсѣмъ ясно выражается; по смыслу его словъ можно подумать, что онъ говоритъ о вредѣ одной голой муштровки, безъ развитія, т. е. о предметѣ уже отжившемъ и при нынѣшнихъ условіяхъ даже невозможномъ. Затѣмъ мы не знаемъ, что онъ разумѣетъ подъ словомъ «излишняя?» Если это относится къ произвольно выдуманнѣмъ приѣмамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ боевой подготовкой, то это отчасти вѣрно. Если же авторъ говоритъ объ излишне потраченномъ времени на муштровку, относящуюся къ дѣлу, то здѣсь опять недоразумѣніе: вы можете (конечно, безъ ущерба для здоровья человѣка) сколько угодно добиваться отъ солдата, напримѣръ, быстрого и ловкаго заряжанія, и это до тѣхъ поръ не будетъ излишнимъ, пока вы не упустите изъ вида соотвѣтствующаго развитія стрѣлка. Относительно же притупленія, которому будто бы подвергается человѣкъ при усиленной, но цѣлесообразной муштровкѣ, мы съ авторомъ рѣшительно не согласны.

Признаемся, намъ въ первый разъ приходится слышать такой рѣзкій приговоръ навыку. Однако, мы знаемъ, что есть приемы, требующіе постояннаго и самаго настойчиваго упражненія, которые не только не притупляютъ человѣка, а, напротивъ, способствуютъ практическимъ проявленіямъ пріобрѣтеннаго имъ развитія. Можно ли представить человѣка, болѣе подвергающагося муштровкѣ, какъ, на примѣръ, піанистъ, котораго мы идемъ слушать въ концертѣ; но это ему только помогаетъ быть великимъ исполнителемъ; вѣдь не одно развитіе дѣлаетъ его такимъ, но и муштровка, усиленная и продолжительная, до которой солдатской муштровкѣ далеко. Говоря о хорошемъ исполненіи въ какомъ бы то ни было искусствѣ, мы одинаково относимся, какъ къ выраженію, такъ и къ техникѣ, а послѣдняя вся зависитъ отъ муштровки.

Надо разъ навсегда понять, что воспитаніе обязательно должно захватывать извѣстныя намъ двѣ стороны человѣческаго духа, вполне совмѣстимыя. Разумность воспитанія—не въ вытѣсненіи которой-нибудь изъ этихъ сторонъ, а только въ отведеніи каждой изъ нихъ ея надлежащаго мѣста.

Мы усматриваемъ притупленіе не въ излишествѣ муштровки и даже не въ ея безцѣльности: забиваетъ солдата не муштровка, а дурные учителя, не умѣющіе какъ слѣдуетъ подойти къ человѣку, обойтись съ нимъ, вызвать къ жизни и разумно воспользоваться способностями его духа и тѣла. Если вы видите, что ученикъ, отданный по принужденію въ музыкальную школу, вдругъ начинаетъ съ удовольствіемъ разыгрывать экзерцисы, а солдатъ маршируетъ точно барщину исполняетъ, то изъ этого слѣдуетъ, что у перваго хорошій учитель, а у втораго плохой; тамъ будутъ муштровать, сколько угодно, и не забьютъ, а здѣсь—понемножку—и все-таки забьютъ. Значитъ, дѣло въ учителѣ, а не въ муштровкѣ.

Мысли, высказываемыя авторомъ противъ муштровки, по-

нашему, вредно пускать въ оборотъ: видя, что противъ нихъ не возражаетъ такой авторитетный ученый, какъ авторъ примѣчаній, иной, пожалуй, подумаетъ, что, вообще, муштровка — нелѣпость. Заразясь такими идеями, все, относящееся къ муштровкѣ, станутъ исполнять какъ барщину, и это для солдата будетъ въ нравственномъ смыслѣ гораздо хуже; онъ будетъ видѣть, что даже офицеръ не любитъ того дѣла, которое его заставляютъ исполнять. Перестанутъ выработывать въ солдатѣ твердаго строевика, ловкаго гимнаста, неуязвимаго фехтовальщика, — исчезнетъ лихость, молодцеватость, гордость своимъ мундиромъ, бойкое отданіе чести начальнику, вообще исчезнетъ весьма желательный типъ солдата, производящій впечатлѣніе военной удали.

Мы сами горячо ратуемъ за воспитаніе, но мы всегда имѣли въ виду и разумную муштровку и даже писали о томъ, какъ надо муштровать. Намъ никогда и въ голову не приходило упразднить хорошій типъ солдата посредствомъ вытѣсненія муштровки; мы только хотимъ, чтобы этотъ лихой человекъ не дѣйствовалъ какъ фридриховская машина, а былъ бы въ своей маленькой области человекомъ разумнымъ, инициаторомъ. Всякій смысленный человекъ долженъ, наконецъ, понять, что это вполне совмѣстимо. Развитіе безъ соотвѣтствующей муштровки, даетъ въ результатѣ не солдата, а своего рода философа — типъ весьма уродливый въ военной службѣ. Это надо установить разъ навсегда, иначе произойдетъ путаница въ понятіяхъ.

Муштровка имѣетъ огромное значеніе не только въ первоначальныхъ шагахъ обученія, но и вообще въ военномъ искусствѣ, при чемъ она относится къ начальнику еще больше, чѣмъ къ солдату: спутавшійся солдатъ путаетъ самого себя, да еще развѣ затолкаетъ товарищей, а спутавшійся начальникъ путаетъ сотни и тысячи. Путаница въ бою происходитъ въ

тѣхъ *неслучайныхъ* дѣйствійхъ (ихъ не особенно много), исполненіе которыхъ должно быть намуштровано до рефлекса, иначе вниманіе начальника, которое должно быть всецѣло отданнымъ случайностямъ минуты, будетъ постоянно отвлекаться водвореніемъ порядка въ строю. Начальникъ, команды котораго не исполняются рефлексивно и который настолько не вымуштровалъ самого себя, чтобы не ошибаться въ перестроеніяхъ и командахъ, будетъ постоянно связанъ въ бою.

Человѣкъ высокообразованный, но не вымуштрованный въ качествѣ начальника, можетъ быть въ сраженіи только совѣтникомъ, составителемъ плана, обозрѣвателемъ чужого исполненія—всѣмъ, чѣмъ хотите, только не исполнителемъ.

Попробуйте дать такому человѣку, ну, хоть баталіонъ, и вы увидите чистое безобразіе: пока онъ будетъ придумывать самыя умныя команды для умнѣйшаго передвиженія баталіона, которыя у муштрованного начальника относятся къ области рефлекса, всякій набѣжавшій въ головѣ планъ, даже гениальный, будетъ немедленно разстраиваться. Мы видѣли такихъ самолюбивыхъ умниковъ и были свидѣтелями, какъ они путали на маневрахъ, сбивая не только себя, но и часть: у людей навѣкъ ворочаться подъ правую ногу, а они командовали подъ лѣвую; навѣкъ—«кругомъ марш!» а они командовали «кругомъ» и т. д. Часть людей ворочалась, а часть продолжала идти. Каково же вспотѣвшимъ и усталымъ людямъ толкать другъ друга ранцами, благодаря отсутствію муштровки въ военномъ воспитаніи ихъ отмѣнно развитаго начальника?

По поводу факта въ сраженіи при Рудерсдорфѣ, гдѣ командиръ въ безпорядкѣ отступавшей прусской гвардейской роты сумѣлъ собрать ее по командѣ, г. Драгомировъ замѣчаетъ: «мы предложили бы лицамъ, ссылающимся на подобные примѣры, нѣсколько задуматься надъ тѣмъ: сама ли рота пришла въ порядокъ, благодаря дрессировкѣ (?), или собралъ ее рот-

ный командиръ? Слѣдовательно, дѣло тутъ въ личности ротнаго командира, а не въ командѣ. Одинъ соберетъ только взглянувши, а другой не соберетъ никакими командами».

Это только отчасти вѣрно, ибо лихая, а главное — увѣренная команда въ бою также производитъ нравственное впечатлѣніе (въ смыслѣ надежности молодца-начальника, съ которымъ, какъ говорятъ солдаты, «не пропадешь»); но не въ этомъ дѣло: здѣсь рѣчь идетъ о значеніи муштровки... рота собрана, а дальше-то что жъ? Дальше надо командовать. Зачѣмъ же авторъ игнорируетъ слѣдующій актъ боя? Неужели рѣшительно все равно — разыграется ли онъ немуштрованными, ворушающимися куда попало, или хорошо вымуштрованными солдатами? Вотъ тутъ-то и явится муштровка, ибо безъ нея въ повернутыхъ на непріятеля ротахъ произойдетъ такая невообразимая путаница, что даже трудно будетъ разобрать — куда эта масса двинулась? Конечно, бываютъ случаи, когда можно, собравши часть, крикнуть «ура!» — и готово! Но это только случаи; а если намъ будутъ возводить ихъ въ типы, то мы позволимъ себѣ спросить: при чемъ же тогда останутся прекрасныя наставленія автора для употребленія войскъ въ бою, которыя заключаются въ нашей настольной книжкѣ?...

Итакъ, выраженіе автора статьи: только сумасшедшій по командѣ «направо кругомъ» повернется «налѣво кругомъ», представляетъ глубокую и вредную для выясненія вопроса ошибку. Мы не будемъ распространяться о томъ, что наши офицеры, командовавшіе добровольцами въ арміи генерала Черняева, приходили въ ужасъ отъ того, что ихъ солдаты (не сумасшедшіе, а напротивъ — развитые), послѣ каждой команды, распозались, куда кто гораздъ. Зачѣмъ далеко ходить? — возьмемъ мирное время: недостатокъ извѣстной муштровки ведетъ къ постояннымъ и труднымъ для самого солдата

безпорядкамъ, которые, раздражая людей, дурно отражаются и на ихъ нравственности.

Возьмемъ для примѣра два баталіона, которые нужно установить на бивакъ: 1-му баталіону вы подаете всего какихъ-нибудь три команды: «направо, стой, во фронтъ»,—и готово дѣло: уже люди стоятъ на бивакѣ и отдыхаютъ. Вспомнимъ, какъ заботился объ этомъ скорѣйшемъ послѣ перехода отдыхѣ великій Суворовъ: «пришли на бивакъ; палатки разбиты, каша готова, пей, ѣшь, отдыхай»;—кажется, это его подлинныя слова.

Теперь возьмемъ 2-й баталіонъ, невымуштрованный. Вы командовали «направо!» а часть задумавшихся людей повернулась «налѣво», не отъ сумасшествія, а просто отъ недостаточнаго навыка—и пошла толкотня ранами, локтями... Вы командовали «стой!»—а половина людей задней шеренги не сразу останавливается и наталкивается на переднюю шеренгу и т. д. Согласитесь, что просто жаль бываетъ на маневрахъ ту часть войска, которая не вымуштрована.

Солдатъ не любитъ постоянно думать о командахъ, чтобы ихъ правильно исполнить; ему гораздо пріятнѣе думать о чемъ-нибудь другомъ; а навыкъ, господа, заключается въ томъ, что человѣкъ можетъ думать о своемъ домѣ, какъ ему тамъ жилось хорошо, какіе кулички пекли къ пасхѣ, и въ это же время безъ ошибки ворочаться направо, налѣво—куда хотите...

Итакъ, не будетъ ли жестоко требовать отъ солдата вниманія къ этимъ, постоянно повторяющимся, мелочамъ? Не лучше ли разъ навсегда сдать ихъ въ распоряженіе низшихъ центровъ, перевести въ область рефлекса? Такъ будетъ и для дѣла, и для людей удобнѣе или, какъ говорятъ солдаты, «способнѣе».

Еще больше жаль солдата на маневрахъ, когда онъ попадаетъ подъ команду высокоразвитаго, но невымуштрованнаго

начальника: этотъ, какъ пойдетъ налаживаться ставить баталіонъ на бивакъ, какъ пойдетъ... просто душу вытянуть изъ человѣка... а все потому, что не вѣрять въ разумную муштровку, т. е., вѣрѣе, не понимаетъ ея значенія.

Итакъ, вмѣсто тезиса: «не муштруйте, а воспитывайте!» мы приходимъ къ другому тезису: *и муштруйте, и воспитывайте, но только — сначала себя, а потомъ солдата.*

Въ заключеніе мы должны помянуть объ одномъ, не относящемся къ разбираемой статьѣ, но очень близкомъ къ этимъ вопросамъ, фактѣ. Г. Драгомировъ давно уже высказалъ мысль о возможности имѣть въ мирное время обстрѣливаго солдата; командуя дивизіей въ Кишиневѣ, онъ самъ на себѣ показалъ примѣръ такого обстрѣливанія — на практической стрѣльбѣ онъ заставилъ стрѣлять солдата въ мишень, а самъ стоялъ рядомъ съ мишенью. И думалось намъ (тогда еще юношамъ и конечно поклонникамъ борца противъ рутины): неровень часъ — какой-нибудь дураковатый солдатъ (а это случается даже съ отличными стрѣлками) возьметъ да и хватить въ сторону, — для чего? — да такъ, просто, онъ и самъ этого не объяснить... а Драгомирова не станеть...

Вдумавшись глубже въ это явленіе, пришлось просто развести руками: человѣкъ, ратовавшій всю жизнь противъ безцѣльной муштровки (разумная — имъ признавалась всегда), вдругъ, хочеть перевести въ ея область самые высокіе военно-воспитательные акты, т. е. проповѣдуетъ такое господство муштровки, далѣе котораго она уже не можетъ идти. Человѣкъ, утверждающій нынѣ (случай при Рудерсдорфѣ), что муштровка не гарантируетъ даже внѣшняго порядка, хочеть воздѣйствовать ею на порядокъ духа! Кончилось воспитаніе, больше его не существуетъ!..

Конечно, нѣтъ войска, гдѣ бы смѣлость не была высоко чтима во всѣхъ ея проявленіяхъ. Все дѣло въ томъ, что Драгомировъ самъ показалъ примѣръ... Новая идея была пущена въ оборотъ и произвела нѣкоторый эффектъ.

Для уясненія этого (извиняемся) страннаго явленія мы позволимъ себѣ произвести нѣкоторый анализъ тѣхъ чувствъ, которыя руководятъ человѣкомъ въ бою, чтобы увидѣть — поддается ли здѣсь что-нибудь муштровкѣ (навыку подъ выстрѣлами) или все относится къ области воспитанія; а, можетъ быть, есть и такія чувства, надъ которыми мы напрасно только будемъ трудиться.

Вступая въ сферу огня съ своей ротой, вы можете послѣ нѣсколькихъ перебѣжекъ уже точно сказать, что у васъ есть пять-шесть человѣкъ несомнѣнно храбрыхъ людей, и можете поручиться, что они окажутся такими же, а можетъ быть еще и лучшими во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

Число этихъ молодцовъ можетъ при слѣдующихъ стычкахъ увеличиться, но вы можете отвѣчать чѣмъ угодно, что никакія неудачи, никакія нравственныя невзгоды, кромѣ конечно убыли изъ строя, не разстроитъ этой рвущейся впередъ силы.

Если вы сами попали въ огонь въ первый разъ, то васъ крайне поразить, просто даже огорчить: почему это люди, на которыхъ вы больше всего надѣялись — вотъ хоть этотъ вашъ любимецъ, красивый унтеръ-офицеръ, который всю службу такъ искренно къ вамъ былъ привязанъ, или хоть этотъ шустрый ефрейторъ, всегда готовый по вашей командѣ въ огонь и въ воду, — почему же эти люди, которые должны бы служить оплотомъ ротѣ, не поднимаются первыми, услышавъ вашу команду «встать и бѣгомъ», а поднимаются и летятъ, какъ стрѣлы, все какая-то шушваль, отрешыши: отчисленный отъ офицера за пьянство денщикъ; кривобокій кашеваръ, котораго вы давно уже хотѣли куда-нибудь сбыть въ нестрое-

вые, да еще шельма-барабанщикъ, перяха, съ продранными локтями, до котораго вамъ никогда не было никакого дѣла и т. д. Оказывается — сколько бы вы ни старались, вы никого и никогда храбрымъ не сдѣлаете: храбрыми будутъ только тѣ, которымъ это дано.

Мы можемъ точно и достовѣрно сказать, что храбрость не воспитывается, т. е. она воспитывается, только не въ военной школѣ, а гдѣ-нибудь глубже—въ семьѣ, въ родѣ, во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ складывается дѣтство человѣка. Тутъ могутъ быть даже этнографическія причины.

Казалось бы, что, не воспитываясь, храбрость не даетъ и матерьяла для школы, ибо ее въ мирное время нельзя даже нащупать, а на повѣрку выходитъ, что даетъ: хорошая школа, вообще воспитывая людей, захватываетъ и храбрыхъ изъ нихъ, хотя они ей даже неизвѣстны. Сдѣлавъ изъ храбраго солдата члена хорошей военной семьи (роты), вы получаете въ немъ человѣка, который въ походѣ будетъ нянчиться со своими слабыми духомъ товарищами, и это приноситъ огромную пользу, ибо отражается въ духѣ всей роты. Стало быть, не воспитывая храбрости въ существѣ, вы все-таки можете дать ей хорошее направленіе.

Вслѣдъ за храбрыми поднимаются тѣ изъ нехрабрыхъ людей, которые воспитаны въ духѣ хорошаго товарищества (это и есть взаимная выручка, о которой говорятъ многіе авторы): вотъ и любимецъ вашъ поднялся, и тотъ ефрейторъ, что готовъ былъ по вашему знаку въ огонь и въ воду, словомъ, всѣ люди, на которыхъ вы, какъ хорошій начальникъ, имѣли право надѣяться, и вы не ошибались, когда надѣялись; вы можете водить ихъ въ какой угодно огонь, только пустите кого-нибудь впередъ: себя или вотъ тѣхъ храбрыхъ, что побѣжали, ибо эти прекрасные, но нехрабрые люди, первыми идти не расположены, а заставлять — непедагогично по отно-

шенію къ нервамъ. Между ними конечно есть люди съ задатками храбрости, которые при слѣдующихъ стычкахъ пристроятся къ передовымъ (это — воспитательное вліяніе войны).

Эта секунда, пока за храбрыми двинутся прочіе люди, чрезвычайно тягостна для всякаго офицера съ военной жилкой, а особенно для того, который потрудился надъ воспитаніемъ; вы перестаете любить своихъ людей, разочаровываетесь въ возможности сдѣлать ихъ воинами, а главное — васъ огорчаетъ, что вы ошиблись въ своей ротѣ. Это чувство не проходитъ даже и тогда, когда люди тронутся, и будетъ мучить васъ до тѣхъ поръ, пока вы не поймете, въ чемъ дѣло...

Но у васъ половина роты не ваша, есть люди, прибывшіе изъ запаса, съ которыми въ первыхъ стычкахъ нужно держать ухо востро, иначе половина изъ нихъ расползется по кустамъ. Вонь одинъ тяжело-тяжело подымается и все озирается на начальство, норовясь спрятаться или, какъ говорятъ солдаты: «хоронится отъ начальства»; попробуйте оставить его безъ присмотра — онъ такъ и пролежитъ подъ кустомъ. Другого, такого же, фельдфебель шашкой вытянулъ, и онъ, корчась и нагибаясь, догоняетъ товарищей... Впечатлѣніе рѣзкое, непріятное, но что дѣлать, въ первыхъ стычкахъ оно неизбежно, — все это чужой народъ, вовсе не привязанный къ ротѣ; зато потомъ вашъ средній солдатъ будетъ наблюдать за «хоронящимися».

Вотъ приблизительное состояніе тѣхъ взаимныхъ другъ къ другу чувствъ, съ которыми вступаетъ рота въ бой. Воспитаніе вполне можетъ дать того средняго солдата, который не только дѣлаетъ въ бою второй шагъ, но и увлекаетъ чело-вѣка, оставшагося на третьемъ шагѣ. Дальнѣйшее воспитаніе въ этомъ направленіи даетъ уже сама война, ея внутреннее содержаніе, въ которомъ много увлекательнаго, эстетическаго,

манящаго человѣка къ подвигамъ, къ славѣ, къ защитѣ вѣры и родины и т. д.

Иногда какой-нибудь самый простой случай, ну, просто— особенное выраженіе передъ боемъ въ лицѣ любимаго товарища, въ которомъ вамъ показалось что-то необычайно благородное, рыцарское—одно это иногда въ состояніи увлечь васъ за этимъ товарищемъ и даже перевести со второго шага на первый.

Вотъ тѣ высокіе военно-воспитательные акты, которые въ мирное время, какъ нѣчто святое, не могутъ даже снизить въ грѣшную область нашего воспитанія,—и вдругъ, о, ужасъ!— ихъ переводятъ въ область самой грубой муштровки!

Каждый мыслящій и заинтересованный этимъ дѣломъ человѣкъ невольно задаетъ себѣ вопросъ: зачѣмъ понадобились эти неясности и противорѣчія въ той стройной и цѣльной системѣ, которую такъ долго и съ такимъ оригинальнымъ талантомъ создавалъ г. Драгомировъ?

Вотъ вопросы, которые беспокоятъ насъ—скромныхъ строевыхъ работниковъ. Пусть же намъ это хорошенько объяснятъ, а мы послушаемъ да поучимся.

Причины болѣзненности въ войскахъ.

I.

Военная гигиѣна, какъ отрасль спеціальной науки, не въ состояніи обнять всѣ нужды солдата относительно сбереженія его здоровья: многія изъ этихъ существенныхъ нуждъ совершенно недоступны наблюденію гигиениста и могутъ быть изслѣдованы только въ области военной педагогики, гдѣ наблюдателемъ является офицеръ, близко стоящій къ солдату.

Требованія гигиѣны, вошедшія въ наши инструкціи, даже при самомъ лучшемъ ихъ исполненіи принесутъ только незначительную часть той пользы, которую имѣютъ въ виду гг. гигиенисты, если общія условія воспитанія солдата въ ротѣ не будутъ отвѣчать интересамъ его здоровья: недостаточно обезпечить человѣка теплымъ и сухимъ жильемъ, чистымъ воздухомъ, здоровой пищей, соразмѣрнымъ съ силами трудомъ и т. д.,—надо внести въ его жизнь и службу нравственное и физическое спокойствіе, которое достигается не только правильнымъ распредѣленіемъ физическаго и умственнаго труда, но и тѣми приемами въ обученіи и воспитаніи, при которыхъ солдатъ охотно занимается, меньше устаетъ и, хорошо справивъ свое дѣло, чувствуетъ себя бодрымъ и веселымъ.

Гигиенистъ, на основаніи клиническихъ опытовъ, можетъ

выводить очень вѣрныя заключенія о потребностяхъ физическаго организма солдата, но другая, не менѣ существенная сторона дѣла—нравственное состояніе человѣка, особенно, какъ ученика военной школы—не относится къ его компетенціи и потому мало его занимаетъ. Оттого, напримѣръ, добиваясь уменьшенія занятій въ войскахъ, гигиенистъ хлопочетъ только объ уменьшеніи учебныхъ часовъ, но не о качествахъ преподаванія, которыя въ дѣйствительности играютъ первостепенную роль: можно учить человѣка три часа подрядъ и нисколько его не утомить и можно очень утомить въ одинъ часъ,—все зависитъ отъ умѣнія заниматься. Иногда трудныя физическія упражненія меньше утомляютъ человѣка, чѣмъ самыя легкія: это зависитъ отъ охоты, съ которой человѣкъ занимается, отъ спокойнаго состоянія его духа, которое не разстраивается неумѣльнымъ обращеніемъ. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что требуемое гигиенистомъ уменьшеніе учебныхъ часовъ безъ соотвѣтствующаго уменьшенія курсовыхъ требованій обыкновенно ведетъ къ весьма вредной для здоровья солдата форсировкѣ обученія.

Мы можемъ сказать прямо, что матеріаломъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ гигиениста служить не столько солдатъ, сколько вообще человѣкъ, живущій въ извѣстномъ казенномъ помѣщеніи, употребляющій извѣстную пищу, занимающійся столько-то часовъ въ сутки и т. д. Мелочи внутренняго войскового быта, изъ которыхъ складывается жизнь солдата, почти игнорируются гигиеной. Однако, занимаясь изслѣдованіемъ видимыхъ вліяній на здоровье людей, не мѣшаетъ подумать и о томъ, что иногда болѣзнь человѣка (мы не говоримъ о болѣзняхъ инфекціонныхъ) складывается изъ многихъ, трудно уловимыхъ для медика, причинъ, иногда чисто нравственныхъ, устраненіе которыхъ настолько же важно, какъ и хорошая пища, хорошая вентиляция и т. д.

Упрекать въ бездѣтельности нашихъ гигиенистовъ никто, конечно, не рѣшится: уничтоженіе гнѣздъ заразы въ войсковыхъ помѣщеніяхъ; значительное уменьшеніе процента инфекціонныхъ болѣзней, замѣчаемое въ послѣднее время въ войскахъ; неустанная забота о качествахъ пищи, почти устранившая въ войскахъ цынгу, и т. д.,— все это свидѣтельствуєтъ о томъ, что къ вопросу о здоровьи солдата прилагаются выводы добросовѣстныхъ научныхъ изслѣдователей.

Однако, несмотря на полезную дѣятельность нашихъ гигиенистовъ, статистика о движеніи болѣзненности въ войскахъ все-таки показываетъ значительный процентъ неспособныхъ къ службѣ солдатъ, и вопросъ о дѣйствительныхъ причинахъ этой болѣзненности до сихъ поръ остается открытымъ.

Къ качествѣ строевого начальника, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе гигиенистовъ и вообще лицъ, интересующихся сбереженіемъ здоровья солдата, на нѣкоторыя вещи, оставшіяся до сихъ поръ въ совершенной тѣни, и по возможности иллюстрируемъ ихъ примѣрами и фактами, вынесенными изъ служебнаго опыта.

Правду сказать, насъ—строевыхъ работниковъ—мало интересуютъ общіе статистическіе выводы, напримѣръ, вычисленіе работы солдата въ пудо-футахъ. Все это кажется намъ очень теоретическимъ: тяжесть этого пудо-фута очень условна, ибо она зависитъ отъ постановки самой работы, что мы уже неоднократно доказывали въ нашихъ замѣткахъ о казарменномъ воспитаніи¹⁾. Насъ больше интересуетъ статистика, которую мы видимъ, такъ сказать, въ натурѣ: если изъ тридцати новобранцевъ, ежегодно назначаемыхъ въ роту, черезъ пять лѣтъ увольняется въ запасъ только пятнадцать, то что же можетъ быть краснорѣчивѣе этой статистики? Наученные опытомъ,

¹⁾ См. книгу: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“. Томъ I.

мы придаемъ огромную важность той кропотливой воспитательной дѣятельности, которая на нашихъ глазахъ значительно уменьшала этотъ огромный процентъ неспособныхъ къ службѣ людей: мы были свидѣтелями, какъ нѣкоторымъ ротамъ, отличающимся условіями правильнаго воспитанія, удавалось сохранять въ теченіе пяти лѣтъ до 70⁰/₀ людей одного набора въ то время, какъ въ другихъ ротамъ ихъ не оставалось и 40⁰/₀. Къ сожалѣнію, это мало замѣчается вслѣдствіе ежегоднаго уравниванія рядовъ въ ротамъ, при чемъ рота, хорошо сохраняющая здоровье своихъ людей, ежегодно надѣляетъ рядами своихъ сосѣдей, а потому число старослужащихъ, увольняемыхъ изъ роты въ запасъ, никогда не сойдется съ числомъ людей, которымъ рота сохранила здоровье; чтобы получить это число, нужно принять въ соображеніе всѣ переводы изъ ротъ въ роты, а также всѣ командировки въ теченіе пяти лѣтъ.

Итакъ, намъ надлежитъ выяснитъ, въ чемъ заключаются тѣ условія правильнаго воспитанія солдата, которыя имѣютъ огромное вліяніе на пониженіе болѣзненности въ войскахъ. Мы не будемъ останавливаться на всѣмъ извѣстныхъ причинахъ этой болѣзненности, которыя всегда заслуживали общаго вниманія, а прямо перейдемъ къ тѣмъ мелочнымъ причинамъ, которыя въ суммѣ составляютъ нѣчто солидное, но, къ сожалѣнію, почти не имѣютъ мѣста въ такъ называемыхъ гигиеническихъ трактатахъ. Однако и здѣсь не мѣшаетъ замѣтитъ, что даже выполненіе, такъ сказать, казенныхъ требованій, которыя вошли въ инструкціи, опять-таки зависятъ отъ общаго воспитанія: такъ, напримѣръ, казарменный воздухъ въ извѣстные часы дня находится въ рукахъ унтеръ-офицера, а неразвитый унтеръ-офицеръ не въ состояніи отнестись сознательно, напримѣръ, къ толковому открыванію форточекъ; ненадежный же унтеръ-офицеръ, работающій только на вашихъ глазахъ, будетъ открывать форточки только въ вашемъ при-

сутствіи. Оба эти унтеръ-офицера, конечно, не умѣютъ и не желаютъ думать о томъ, что воздухъ—обоюдоострое оружіе, съ одной стороны поправляющее человѣка, съ другой—подвергающее его простудамъ. Словомъ, при дурныхъ условіяхъ воспитанія, солдатъ ставитъ гигиеническія требованія на одну доску съ военными формальностями и не только не сознаетъ, что все это для него необходимо, но даже не повѣритъ вамъ въ этомъ на слово.

Изслѣдуя условія жизни и службы современнаго солдата, доискиваясь настоящаго корня его болѣзненности, многіе дѣльные ротные командиры натолкнулись на очень важные и интересные выводы, которые помогли имъ ориентироваться въ трудномъ дѣлѣ сохраненія здоровья людей: оказывается, на примѣръ, что жертвами инфекціонныхъ болѣзней и смертности въ этихъ болѣзняхъ становятся преимущественно такъ называемые «слабые» люди, которые и безъ того подавали мало надежды на благополучное окончаніе службы. Люди завѣдомо здоровые рѣдко заболѣваютъ и благополучно переносятъ эти болѣзни, а затѣмъ очень скоро поправляются въ ротѣ. Сама наука утверждаетъ, что, чѣмъ слабѣе организмъ человѣка, тѣмъ онъ становится интенсивнѣе къ воспринятію заразы. Стало быть, слабость организма солдата—очень важное явленіе въ казарменной жизни, а потому интересно прослѣдить, откуда она происходитъ.

Попробуемъ сдѣлать въ любой ротѣ медицинскій осмотръ—и мы непременно найдемъ отъ 10-ти до 15-ти человѣкъ болѣе или менѣе «слабыхъ», т. е. кандидатовъ на увольненіе въ неспособные. Это самая ужасная казарменная болѣзнь по своей неизлечимости и—что всего удивительнѣе—она не имѣетъ даже опредѣленнаго названія. Мы можемъ ручаться, что развѣ только половина изъ этихъ «слабыхъ» будетъ вамъ жаловаться на что-нибудь опредѣленное: грудь, животъ и т. д., намекая

на признаки начинающейся чахотки, желудочно-кишечного расстройства и прочее; большая же половина, а иногда и двѣ трети, на вопросъ о томъ, что они чувствуютъ, только и будутъ отвѣчать: «весь ослабъ».

Это характерное: «весь ослабъ» требуетъ самаго тщательнаго анализа, ибо, по нашему убѣжденію, именно здѣсь кроется главный корень болѣзненности въ войскахъ.

Оказывается, что наибольшій процентъ «слабыхъ» представляютъ новобранцы и вообще люди молодыхъ сроковъ службы; человѣкъ, благополучно прошедшій четырехмѣсячную школу обученія молодыхъ солдатъ, рѣдко затѣмъ ослабѣваетъ, а потому «слабые», напримѣръ, предпослѣдняго набора, представляютъ въ большинствѣ случаевъ результатъ первогодняго обученія; это тѣ самые люди, которые ослабѣли еще въ прошломъ году и преимущественно въ первый и второй мѣсяцы обученія. Съ тѣхъ самыхъ поръ они сдѣлались усердными посѣтителями лазарета во время утреннихъ докторскихъ осмотровъ; тамъ имъ постукиваютъ въ грудь и, не найдя ничего особеннаго, возвращаютъ въ роту безъ лекарствъ, давая отдыхъ на одинъ или на два дня. Въ солдатскомъ быту ихъ называютъ просто «ходящими», т. е. ходящими въ лазаретъ.

Однако, что же это за состояніе? Попробуемъ справиться объ этомъ у самого солдата. Формальные разспросы ни къ чему не приведутъ; надо обласкать человѣка, прежде заговорить о чемъ-нибудь другомъ и потомъ уже перейти къ болѣзни.

— Чѣмъ ты боленъ?—спрашиваете вы ласково, вызывая человѣка на откровенность. Вамъ приходится вызывать его изъ какого-нибудь угла, ибо въ такихъ людяхъ замѣчается наклонность къ уединенію.

— Не могу знать,—отвѣчаетъ новобранецъ, и вы замѣчаете въ тонѣ его голоса полный упадокъ духа.

— Что же съ тобой? ты похудѣлъ, ослабъ?

— Такъ точно,—«весь ослабъ»... отвѣчаетъ онъ, точно обрадовавшись, что вы подсказали ему это слово. При всѣхъ отвѣтахъ онъ слегка вздрагиваетъ, какъ-то болѣзненно суетится и вообще обнаруживаетъ сильное расстройство нервной системы.

— Что же у тебя болить: грудь, голова, животъ?

— Никакъ нѣтъ... маленько сердце подводить (тоска), я по ночамъ маюсь безъ сна, а то—ничего...

— Ну, а пища идетъ тебѣ?

— Даве, съ опредѣленія, шла, а нонѣ въ родѣ, какъ нудить:—начнешь ѣсть—и не ѣшь...

— Ну,—а какъ занятія?

При этомъ вопросѣ слышится глубокой вздохъ; вы прямо видите, что этимъ вопросомъ вы наступили на самое больное мѣсто человѣку.

— Памяти нѣту,—отвѣчаетъ онъ прежде всего:—я бы радъ всѣми силами стараться, а только, значить, не заучиться мнѣ супротивъ другихъ...

— Можетъ быть, хочешь къ другому дядькѣ?

— Никакъ нѣтъ:—все единственно...

Какая-то особенная, трогаящая за душу, безнадежность слышится въ этихъ отвѣтахъ, но замѣчательно, что это состояніе духа почти никогда не бываетъ сопряжено съ упадкомъ, свойственнаго новобранцамъ, старанія; поставьте этого человѣка на занятія, и онъ будетъ тянуться до послѣдней степени, зная навѣрно, что изъ этого ничего не выйдетъ.

Вотъ приблизительное состояніе такъ называемаго «слабаго» новобранца. Опытъ показалъ, что человѣкъ, доведенный до такого сильного упадка духа, которому непременно сопутствуетъ и физическое расстройство, становится почти неизлечимымъ; но мы знаемъ ротныхъ командировъ, которые

идуть навстрѣчу этому злу, захватываютъ его на первыхъ ступеняхъ развитія и возвращаютъ ротѣ человѣка, уклонившагося къ той пропасти, которая ежегодно уноситъ изъ нашей арміи такъ много неспособныхъ къ службѣ людей. Конечно, въ ротѣ, обладающей хорошими воспитательными средствами, такихъ случаевъ гораздо меньше, ибо, какъ увидимъ ниже, здѣсь большую роль играетъ учитель; а въ хорошей ротѣ всѣ лучшія силы направлены къ толковой подготовкѣ учителей. Помимо этого у хорошаго ротнаго командира всегда найдутся средства поддержать нравственно разстроеннаго новобранца, для котораго въ нашихъ лазаретахъ не имѣется никакихъ лекарствъ. Мы знаемъ ротныхъ командировъ, которые, напримѣръ, вовсе увольняютъ отъ занятій новобранца при первыхъ признакахъ ослабленія или просто—упадка духа. Его сводятъ съ однимъ изъ самыхъ добродушныхъ людей роты и посылаютъ ихъ вмѣстѣ гулять. Опытъ показалъ, что достаточно двухъ недѣль такого отдыха, чтобы новобранецъ, какъ говорится, пришелъ въ себя и сталъ успѣшно заниматься своимъ дѣломъ.

Подумаешь,—отчего эта простая логика не присуща каждому начальнику? Неужели можно думать, что «слабый» человѣкъ успѣшно пройдетъ курсъ въ четыре мѣсяца, и не предпочесть ограничиться тремя съ половиною мѣсяцами, давъ этому человѣку двѣ недѣли на оправленіе? Отчего новобранцу дозволяютъ давать отдыхъ не иначе, какъ по заключенію врача, который не обязанъ входить въ мелочи нашей воспитательной дѣятельности и потому является здѣсь человѣкомъ некомпетентнымъ? Чѣмъ объяснить присутствіе этой рутинѣ въ такомъ живомъ и интересномъ дѣлѣ, какъ обученіе новобранцевъ? Вотъ простые вопросы, съ которыми необходимо считаться лицамъ, заинтересованнымъ санитарнымъ состояніемъ нашей арміи.

Итакъ, начало серьезной болѣзни, называемой «общей сла-

бостью», относится преимущественно къ первымъ ступенямъ обученія солдата въ ротѣ. Что бы тамъ ни говорили, какъ бы насъ ни увѣряли, что у мужика желѣзные нервы, которыхъ ничѣмъ не проймешь, — мы все-таки останемся при убѣжденіи, что «общая слабость», особенно та, которая проявляется у новобранцевъ, болѣзнь преимущественно нервная. У мужика дѣйствительно крѣпкіе нервы, воспитанные здоровымъ и спокойнымъ трудомъ, при тихой и мирной обстановкѣ деревенской жизни, но разъ эти нервы разстроились, — человѣкъ становится въ положеніе, требующее особеннаго ухода, особенныхъ нравственныхъ и физическихъ удобствъ, которыхъ въ казармахъ, а особенно при дурномъ воспитаніи въ ротѣ, доставить ему невозможно. Если въ интеллигентномъ классѣ у людей съ разстроенными нервами дурно функціонируетъ желудокъ, то какое же основаніе отвергать возможность такого явленія и у солдата. Это болѣзнь очень упорная; противъ нея иногда оказываются безсильными лучшіе въ мірѣ цѣлебные источники; сами врачи утверждаютъ, что ее можетъ радикально вылечить только полная перемѣна образа жизни. Отсюда ясно, что человѣкъ, сильно ослабѣвшій на службѣ, не только не поправляется, а напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше слабѣетъ. Бороться съ этой болѣзnią, захватывая ее въ первомъ фазисѣ, можетъ, такъ сказать, школьная гигиена, имѣющая шансы явиться на сцену только тогда, когда военная гигиена вступить въ связь съ военной педагогикой, которую она до сихъ поръ игнорируетъ.

«Общая слабость» — болѣзнь не новая: старые офицеры могутъ подтвердить, что она встрѣчалась и въ доброе старое время, вливаясь въ войска изъ резервныхъ баталіоновъ, которые обучали новобранцевъ; но процентъ этой болѣзни былъ все-таки меньше, ибо обученіе было не такъ поспѣшно. Кромѣ того, тамъ занимались этимъ дѣломъ специально и, несмотря

на превобытныя приемы, дѣло велось болѣе или менѣе гладко, находясь въ привычныхъ, опытныхъ рукахъ. Старые кадровые учителя все-таки были мастерами своего ремесла, чего никакъ нельзя сказать о слабо обученныхъ современныхъ учителяхъ новобранцевъ. Мы еще захватили въ своей службѣ унтеръ-офицера стараго типа, который занимался, правду сказать, плохо, но за то спокойно, не суетливо, не запугивая и не забывая ученика. Стало быть, эта главная сторона воспитательной дѣятельности все-таки была удовлетворительной.

Между тѣмъ, отъ современнаго солдата требуется вдесятеро больше, чѣмъ отъ стараго, и притомъ — при короткомъ срокѣ службы, когда подготовка не только новобранца, но и его учителя становится, такъ сказать, форсированной. Потребность въ правильномъ воспитаніи, дающемъ твердое основаніе дѣлу, приносящемъ экономію въ трудѣ и во времени, никогда такъ не чувствовалась въ войскахъ, какъ въ настоящее время. Только этими средствами, а не легкимъ шаблоннымъ «надзоромъ», дѣлающимся больше для очистки совѣсти, можно добиться не только удачной подготовки солдата, но и уменьшенія процента его болѣзненности.

Первымъ и главнымъ врагомъ солдата въ первоначальномъ его обученіи или, если можно такъ выразиться, съ самымъ нѣжнымъ военномъ возрастѣ человѣка, является дурно подготовленный учитель. Что бы тамъ ни говорили о необходимости непосредственнаго участія офицера въ мелочахъ обученія новобранца—это будетъ только доказывать незнаніе истиннаго положенія дѣла. Офицеръ не можетъ обучать въ отдѣльности каждаго изъ 30-ти чековѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ учебныхъ часовъ, — да и что бы оставалось тогда на долю дядекъ? Мы уже замѣтили въ I-мъ томѣ, что въ учебные часы новобранцы вообще взволнованы, а потому, на примѣръ, устные познанія въ это время воспринимаются тупо; гораздо скорѣе

человѣкъ ихъ усваиваетъ въ свободное отъ занятій время въ простомъ разговорѣ съ дядькой. Въ учебныя часы офицеръ только провѣряетъ тѣ познанія, которыя въ свободное время проходятся исподволь.

Кромѣ общаго, даваемого офицеромъ, направленія въ обученіи и постоянныхъ поправокъ въ преподаваніи, онъ имѣетъ еще особыя обязанности, къ которымъ, между прочимъ, относится и выполненіе гигиеническихъ требованій; поэтому офицеръ рѣшительно не имѣетъ возможности принимать личнаго участія въ мелочахъ обученія каждаго человѣка. Между тѣмъ, этими мелочами можно, какъ говорится, извести человѣка, если къ нему будетъ приставленъ неспособный и дурно подготовленный учитель, который, кромѣ того, живетъ съ новобранцемъ, слѣдя за каждымъ его шагомъ. Отсюда ясно, насколько важна при нынѣшнихъ условіяхъ службы подготовка хорошихъ учителей.

Для наглядности иллюстрируемъ первый мѣсяцъ пребыванія новобранца въ полку.

Представимъ себѣ вполне здороваго, но простодушнаго новобранца, готоваго не только стараться, но и безропотно приносить себя въ жертву тому, неизвѣстному для него, дѣлу, къ которому онъ призванъ. Такими свойствами обладаютъ почти всѣ новобранцы, прибывающіе изъ глубокой, удаленной отъ культурныхъ центровъ, деревни. Предположимъ, что этого человѣка снабдили всѣмъ рекомендуемымъ гигиеной: хорошими казармами, аккуратнымъ съѣстнымъ довольствіемъ, соответствующей климату одеждой, — котораго, наконецъ, сводили въ баню, вымыли, вычистили, положили спать на хорошую койку и т. д., — словомъ, сдѣлали, повидимому, все, чтобы человѣкъ не испортилъ принесеннаго съ родины хорошаго здоровья. Одна бѣда — человѣку не дается наука, и не потому, что онъ глупъ, а потому, что у него «плохой учитель».

Подъ этимъ эпитетомъ не слѣдуетъ разумѣть человѣка дурнаго, а тѣмъ болѣе — незнающаго уставныхъ правилъ: дурные люди могутъ попасть въ учителя только въ очень распущенныхъ ротахъ, а человѣка, не знающаго уставныхъ правилъ, не пропустятъ на испытаніи. Средній учитель въ большинствѣ случаевъ человѣкъ простой и добродушный и притомъ ловкій и проворный малый, лихо вытягивающійся передъ начальствомъ и исполняющій всякое приказаніе шустро, но не толково. Это — типъ браваго ефрейтора, бойко прошедшаго суровую строевую школу, но не развившагося и потому не попавшаго въ унтеръ-офицеры. Школа разныхъ физическихъ упражненій, которыя полюбились ему больше, чѣмъ умственныя, наложила отпечатокъ на всѣ его манеры: онъ даже бѣжитъ исполнять ваше приказаніе съ какими-то особенными гимнастическими вывертами, точно собирается прыгнуть въ ширину.

Надежда, что такой человѣкъ можетъ передать свою молодежавость новобранцамъ, къ сожалѣнію, никогда не оправдывается: это не на лихость, которая сопровождается разумной исполнительностью. Бѣда въ томъ, что этотъ человѣкъ не развитъ, не воспитанъ и рѣшительно не умѣетъ преподавать. Кромѣ того, онъ имѣетъ общія свойства всякаго не развитого человѣка, выскочившаго въ начальство: черты самаго низменнаго властолюбія проявляются въ каждомъ его шагѣ. Строгость и грубость у такого начальника синонимы, и онѣ же составляютъ главный его принципъ. Для такого человѣка немислимо поддерживать свой престижъ, а также и воинскую дисциплину, какими-нибудь болѣе гуманными средствами; высшее удовольствіе, ласкающее самолюбіе начальника, онъ чувствуетъ, на примѣръ, въ то время, когда самъ сидитъ подбоченясь, на койкѣ, а новобранецъ стоитъ передъ нимъ на вытяжку и дрожитъ отъ его грознаго взгляда. Замѣчательно, что въ осно-

ваніи всего этого лежит все-таки убѣжденіе въ необходимости ограждать интересы службы такими средствами. Даже въ самомъ властолюбіи «плохого учителя» нѣтъ ничего злого и эгоистическаго: это просто—увлеченіе военной службой, которая, по его понятіямъ, только и можетъ держаться страхомъ, внушаемымъ начальникомъ своему подчиненному.

— Терентьевъ!—обращаетесь вы къ такому учителю:— вотъ тебѣ новобранецъ...

— Слушаю, ваше благородіе!—бойко и привѣтливо отвѣчаетъ онъ, подскакивая къ вамъ какимъ-то не то бѣгомъ, не то—гимнастическими прыжками. — Ну! иди за мной!—обращается онъ къ новобранцу совсѣмъ другимъ тономъ, точно заговорилъ другой человѣкъ. Строгимъ кивкомъ головы показываетъ направление, по которому новобранецъ долженъ слѣдовать.

Съ этого момента начинается воспитаніе новобранца въ ротѣ.

Дядька ведетъ его къ своей койкѣ, понуждая дорогой, чтобы скорѣе шель, потому что въ военной службѣ такъ ходить не полагается.

— Ну, тюлень,—поворачивайся! экой ты нескладный, даромъ, что дылда... Подошли къ койкѣ; дядька усѣлся, а новобранца поставилъ передъ собой; для важности откашлялся, подражая манерѣ фельдфебеля, и подбоченился лѣвой рукой, а правой взялъ новобранца за борть поддевки.

— Какъ тебя звать?—спрашиваетъ онъ тѣмъ тономъ, который употребляется, напримѣръ, волостнымъ писаремъ при производствѣ дознанія.

— Иваномъ,—отвѣчаетъ новобранецъ со вздохомъ. Онъ уже вспотѣлъ отъ волненія, чувствуя вступленіе въ суровую военную школу, которою напугали его дома.

— Ты прозвище сказывай: у насъ имя ни къ чему...

Новобранецъ называетъ свою фамилію.

— Чего ты голову повѣсилъ? чай есть у тебя?

— Нѣту.

— И денегъ нѣту?

— Нѣту: мы бѣдные...

— Эхъ, ты,—мусорный!

Затѣмъ слѣдуетъ молчаніе. Дядька не придумалъ, что дальше дѣлать, и потому хочеть на время отдѣлаться отъ новобранца.

— Ну! чего стоишь—шони распустилъ! походи маленько, побѣгай...

Новобранецъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, пугливо озираясь по сторонамъ; прошелся разъ десять, остановился.

— Чего оторопѣлъ!?!—толкають его подъ-бокъ проходящіе мимо старые солдаты. Они тоже считаютъ себя старшими надъ новобранцами, а потому и имъ надо показать свое преимущество.

Новобранецъ машинально отходить въ сторону и пробирается въ дальній уголъ, гдѣ и усаживается на чужой койкѣ, положивъ на колѣни шапку и опустивъ голову. Скучно и страшно становится новобранцу въ чужой, незнакомой средѣ; голова завертѣлась отъ непривычнаго шума; онъ сильно усталъ и нравственно, и физически, и потому хотѣлъ бы успокоиться, отдохнуть. Не замѣчая вокругъ себя солдатъ, онъ потихоньку склоняеть голову на подушку и въ сидящемъ положеніи засыпаетъ...

— Эй! малышь! ты что это на чужую койку забрался? вишь, ловкій какой!—толкаетъ его хозяинъ койки.

Расторошный Терентьевъ не позаботился даже указать новобранцу отведенную для него койку.

— Ай, Господи! да гдѣ-жь это я?—говорить новобранецъ, судорожно протирая глаза.

— Кто у тебя дядька?—слышится строгій голосъ фельдфебеля.

— Мы не знаемъ... мы вновь... отвѣчаетъ новобранецъ растерявшись.

Фельдфебель дѣлаетъ внушительный жестъ шустро подбѣжавшему Терентьеву. Этотъ жестъ равносильнъ выговору. Терентьевъ сердится и вымѣщаетъ его на новобранцѣ.

— Не блажи! говорить онъ строго.—Только ругаются изъ-за тебя! Уже завтра проберемъ тебя на гимнастикѣ,— можетъ, эта самая осовѣлость и пройдетъ.

Наступаетъ вечеръ. Новобранца ведутъ ужинать вмѣстѣ съ другими людьми, при чемъ подсчитываютъ ему ногу и сердятся, когда онъ не попадаетъ въ тактъ. Услыхавъ запахъ горячихъ щей, новобранецъ вспомнилъ, что онъ голоденъ, но пришлось дожидаться ложки, потому что своей у него не было.

— Дай ему свою!—кричитъ фельдфебель Терентьеву. Терентьевъ съ грубымъ жестомъ отдаетъ ложку и торопитъ новобранца съ ѣдой.

— Что я тебя одного дожидаться здѣсь буду? Вишь, какой прыткій до щей... Погоди уже завтра погляжу, какъ учиться будешь...

Новобранецъ торопливо глотааетъ горячія щи, и не наѣвшись, возвращаетъ ложку дядькѣ. Опять подсчитываютъ ему ногу и сердятся.

Койка Терентьева стоить рядомъ съ койкой новобранца. Терентьевъ опять поставилъ ученика передъ собой и заставилъ его заучивать нѣсколько уставныхъ словъ, но безуспѣшно. Опять выговоры, прерывающіеся только въ то время, когда проходитъ мимо фельдфебель, которому поручено слѣдить, чтобы дядьки не ругались.

Наконецъ, новобранецъ укладывается рядомъ съ дядькой, и, если дядькѣ не спится, то воркотня продолжается иногда до полночи.

— И гдѣ васъ набирають, этакихъ непонятливыхъ?.. Васъ не слѣдъ кормить, такихъ лѣнтыевъ... и т. д.

Вотъ приблизительная картина первыхъ дней пребыванія новобранца въ ротѣ.

Такое положеніе вполнѣ возможно при шаблонномъ надзорѣ за людьми, но оно немислимо при правильномъ воспитаніи. Спрашивается: какими нервами и какимъ характеромъ долженъ обладать новобранецъ, попавшійся въ влучку къ Терентьеву? Вотъ гдѣ источникъ того физическаго и нравственнаго ослабленія, которое въ солдатскомъ быту получило характерное названіе: «весь ослабъ».

Теперь перейдемъ къ преподаванію.

Передъ утреннимъ ученіемъ рота имѣетъ какой-то особенно дѣловитый видъ: вездѣ чистятъ, прибирають, все приводятъ въ порядокъ, и потому новобранцевъ оставляють въ это время въ покоѣ. Вдругъ новобранецъ вздрагиваетъ: кто-то крикнулъ громко его фамилію,—это опять Терентьевъ.

— Ну, поворачивайся! эко сѣрое мужичье!—и одѣться-то самъ не умѣетъ,—говоритъ онъ, обдергивая не немъ рубашку.

Новобранца берутъ указательнымъ пальцемъ спереди за воротъ рубахи и выводятъ на свободное мѣсто для ученія.

— Экой мѣшкватый!—замѣчаютъ проходящіе мимо солдаты.

— Ужъ подлинно мѣшкватый!—вторитъ язвительнымъ голосомъ Терентьевъ: и впрямь изъ этакой чучелы ничего путнаго не выйдетъ.

Каково же это все слушать новобранцу — человѣку, старающемуся отъ старанія и не чувствующему за собой рѣшительно никакой вины? Онъ просто недоумѣваетъ, чего отъ него хотятъ. Можетъ ли этому человѣку прійти въ голову, что надъ нимъ совершается неизбѣжный при дурномъ воспитаніи процессъ безмысленнаго и безтолковаго подтягиванія? У человѣка, какъ говорится, опускаются руки: нѣтъ никакой на-

дежды угодить своимъ воспитателямъ: сидишь — ругаютъ, стоишь — ругаютъ, попробоваль пройтись — тоже ругаютъ. «Не быть мнѣ солдатомъ, не заучиться»... рѣшаетъ человѣкъ, падая духомъ; но стараніе все-таки не ослабѣваетъ: онъ съ тѣмъ и на службу шелъ, чтобы стараться. Лѣнтями дѣлаются въ этомъ случаѣ только ловкіе, «бывалые» люди, которымъ хитрость подсказываетъ, что лѣнность нисколько не ухудшитъ ихъ положенія.

Входитъ въ роту занимающійся съ новобранцами офицеръ; здороваётся.

— Заучивай! — говоритъ Терентьевъ, называя фамилію офицера.

Новобранецъ повторяетъ ее и сбивается, потому что много словъ приходилось заучивать въ этотъ день: тутъ были и знамя, и присяга, и долгъ, и еще что-то, хотя безъ трудныхъ словъ, но очень трудное.

— Кто у тебя дядька? — ласково спрашиваетъ офицеръ.

Новобранецъ волнуется и какъ-то нервно вздрагиваетъ, боясь, что его опять будутъ ругать.

— Те... Терентьевъ... — отвѣчаетъ онъ нерѣшительно.

— Надо говорить: ефрейторъ Терентьевъ, — поправляетъ офицеръ, относя это замѣчаніе къ дядькѣ.

— Я тебѣ сказывалъ «ехлеторъ!» — выговариваетъ Терентьевъ тотчасъ по отходѣ офицера. — И этого не можешь заучить?.. Просто пропадешь съ этакимъ лѣнтяемъ.

Въ такомъ родѣ проходитъ весь первый урокъ словесныхъ познаній. Затѣмъ начинаются строевыя занятія.

Терентьевъ хорошій знатокъ инструкціи: онъ знаетъ, что ученику надо объяснять словами и только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать къ поправкамъ рукой. Онъ буквально исполняетъ.

— Слушай! — начинаетъ онъ слово въ слово: — солдатъ въ

строю долженъ стоять прямо, но безъ натяжки, имѣя каблукъ вмѣстѣ и на одной линіи: носки должны быть развернуты на ширину затылка приклада (новобранецъ еще не видалъ приклада); колѣни вытянуты, но не натянуты и т. д. — Слышалъ?

— Такъ точно, дяденька.

— Ну! становись же! чтожь, я тебя просить буду?

Новобранецъ переминается на ногахъ, вытягивается и представляетъ изъ себя уродливую фигуру, подавая поводъ къ насмѣшкамъ проходящимъ мимо старослужащимъ людямъ.

— Не понялъ, что ль? Слушай, еще объясню: солдатъ въ строю долженъ стоять прямо, но безъ натяжки и т. д.

Конечно, новобранецъ въ недоумѣніи: ему прочитали цѣлую страницу какихъ-то мудреныхъ словъ, которыхъ онъ никогда въ жизни не слыхивалъ; онъ рѣшительно не понимаетъ, чего собственно отъ него хотятъ. Солдатская наука становится для него страшилищемъ, котораго «ни въ жизнь» не побороть. Подъ вліяніемъ этого страха онъ и къ легкимъ вещамъ начинаетъ относиться съ предубѣжденіемъ, предполагая въ нихъ особый смыслъ, до котораго ему никогда не додуматься; но замѣчательно, что избытокъ старанія нисколько при этомъ не ослабѣваетъ.

Терентьевъ объясняетъ въ третій и въ четвертый разъ и наконецъ разводитъ руками.

— Ну, ужъ и биться мнѣ съ тобой придется... И гдѣ ты такой вырость — дуракъ?

Наконецъ Терентьевъ рѣшается поправить стойку новобранцу, которому не удалось взять ее даже вчернѣ.

Терентьевъ знаетъ, что поправлять тоже нужно словами.

— Хоть бы ты сталъ такъ, чтобы тебя можно было поправить, а то не знаешь съ чего и начать, — весь ты никуда не годишься. Опуститъ руки «свободно» (новобранецъ пробуетъ опустить, но не выходитъ); разверни плечи (новобранецъ тоже

не исполняетъ). Вотъ видишь: ты и словъ не понимаешь... Чистое горе съ тобой!

Уставъ въ крайнемъ случаѣ разрѣшаетъ поправлять рукой. Подъ вліяніемъ раздраженія начинается грубая поправка.

— Зачѣмъ животомъ стоишь? Убери животъ (толчекъ въ животъ)! Бедро вправо (толчекъ въ бокъ)! и т. д.

— Терентьевъ!—слышится голосъ офицера:—я тебѣ строго запретилъ грубо обращаться съ новобранцами! Ты подъ арестомъ хочешь сидѣть? Дай ему оправиться!

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе?—отвѣчаетъ мягкимъ голосомъ Терентьевъ. Въ интонаціи этого отвѣта вы слышите совершенно другого человѣка, не дядьку, а кроткаго и добродушнаго малаго, который всегда въ припрыжку бѣжитъ подавать вамъ пальто, когда вы уходите изъ роты.

— Погоди!—опять говоритъ прежній Терентьевъ, замѣтивъ, что офицеръ удалился;—я еще попроберу тебя,—ты отъ меня не уйдешь.

Терентьевъ самъ вспотѣлъ отъ напряженія и вытираетъ платкомъ потъ, а новобранецъ, не дѣлая никакихъ движеній, вспотѣлъ вдесятеро отъ одного нервнаго волненія и совершенно равнодушенъ къ тому, что капли пота катятся по его щекамъ. Что-то странное, загадочное свѣтится въ его неподвижныхъ глазахъ: не то тоска, не то какая-то бессмысленная апатія ко всему окружающему. Онъ уже такъ усталъ и нравственно и физически, что даже не вздрагиваетъ, а просто молчитъ, когда вы обращаетесь къ нему съ вопросами. Эта постоянная испарина, вызываемая нервнымъ напряженіемъ, какъ говорится, сосетъ человѣка и, по нашимъ наблюденіямъ, ослабляетъ его организмъ гораздо больше самыхъ тяжелыхъ физическихъ упражненій, дѣлаемыхъ съ охотой.

Насъ однако могутъ спросить, что же дѣлаетъ въ этихъ случаяхъ офицеръ? Его обязанность имѣть надзоръ за дядьками,

чтобы они не злоупотребляли своею властью; какъ можетъ онъ допускать подобное зло?

Мы рѣшаемся утверждать, что въ этомъ случаѣ шаблонный надзоръ не только не поможетъ дѣлу, а напротивъ — можетъ ухудшить его. Офицеръ сдѣлалъ выговоръ Терентьеву; въ другой разъ онъ посадить его подъ арестъ; но Терентьевъ не уймется: онъ будетъ только сильнѣе озлобленъ противъ своего непонятливаго ученика, изъ-за котораго его наказываютъ... У Терентьева хватитъ на столько хитрости, чтобы на глазахъ у начальства прикидываться кроткимъ учителемъ; но что будетъ за глазами—это можетъ видѣть только тотъ начальникъ, которому эти вопросы, такъ сказать, не даютъ покоя. Если Терентьевъ до взысканія не давалъ спать новобранцу своей воркотней часовъ до одиннадцати ночи, то послѣ взысканія этой воркотнѣ не будетъ конца; за обѣдомъ онъ будетъ попрекать его, какъ лѣнтяя, за каждый проглоченный кусокъ; наконецъ, не видя вокругъ себя старшихъ, онъ будетъ заводить новобранца по вечерамъ въ какой-нибудь отдаленный уголь, гдѣ будетъ давать волю рукамъ, зная навѣрно, что новобранецъ никогда не станетъ жаловаться.

Тутъ дѣло не въ надзорѣ, а въ воспитаніи. Если въ ротѣ нѣтъ дядекъ развитіе Терентьева, то надо умѣть этого Терентьева приготовить. Отъ такого челоѣка нельзя требовать педагогической мудрости, но всегда можно выработать изъ него ремесленника: если его нельзя сдѣлать сознательно привѣтливымъ и кроткимъ съ новобранцемъ, то нужно обратить эту привѣтливость въ привыкъ, чтобы онъ также привыкъ къ ней, какъ привыкъ, напрямѣръ, одѣвать фуражку кокардой ко лбу или брать ложку за тонкій конецъ за обѣдомъ.

Терентьевъ не новый типъ. Это совсѣмъ не вредный челоѣкъ, только не слѣдуетъ давать ему власти. Всѣ Терентьевы очень привязчивы къ своимъ начальникамъ и готовы испол-

нить безъ замедленія какое угодно приказаніе, даже сопряженное съ опасностью жизни, но эта привязанность все-таки лакейская, напоминающая что-то «крѣпостное». Терентьевы не храбры по призванію, но они отлично стоятъ подъ пулями и любятъ сопровождать начальника въ бою, въ качествѣ охраны.

Происхожденіе Терентьева слѣдующее: онъ былъ очень услужливымъ новобранцемъ, и потому дядька тотчасъ же опредѣлилъ его къ себѣ въ лакеи, заставивъ его чистить свои пуговицы и сапоги. Никто такъ скоро не могъ заваривать чай дядькѣ и приносить ему изъ лавочки папирось, какъ Терентьевъ. Не успѣлъ дядька проснуться послѣ дневного отдыха, какъ чай стоитъ уже у него на столикѣ: Терентьевъ даже не ложился отдыхать, чтобы не прозѣвать заварку чая.

На другой годъ Терентьевъ получаетъ повышеніе, опредѣляясь лакеемъ къ фельдфебелю, онъ становится въ своемъ родѣ особой, но не вредной, потому что онъ не сплетникъ, не доносчикъ: онъ слишкомъ для этого добродушенъ и глупъ.

— Кого бы въ ефрейторы произвести? — совѣтуется ротный командиръ съ фельдфебелемъ.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, — Терентьевъ: — проворный солдатъ и не пьеть.

Въ каждомъ взводѣ состоятъ два ефрейтора, но собственно Терентьевыхъ такъ много въ ротѣ не бываетъ: ихъ, какъ цѣнный матеріалъ, назначаютъ по одному и рѣдко по два во взводъ.

Если вы входите въ роту, то одинъ изъ Терентьевыхъ открываетъ вамъ дверь, другой схватываетъ ваше пальто, третій подбираетъ на полу какой-нибудь соръ, четвертый закрываетъ не во-время открытую форточку. Все это дѣлается въ угоду фельдфебелю и дежурному, чтобы вы ихъ не бранили за безпорядокъ въ ротѣ. — «Смотри, Терентьевъ, не зѣвай!» — гово-

рится каждому изъ такихъ людей его принципаломъ, въ ожиданіи прихода начальства. Терентьевы идеальныя посылыныя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вмѣсто разума требуется скорость. Процессъ этихъ посылокъ исполняется въ ротѣ просто художественно. Положимъ, вамъ нужно передать служебныя записки сразу въ четыре мѣста. Вы приказываете фельдфебелю разослать эти записки.

— Псе!..— издается фельдфебелемъ какое-то междометіе. Въ одинъ моментъ вырастаютъ передъ нимъ четыре Терентьева. Вы не успѣли закурить папирсы, какъ ваши записки уже удалились на такое разстояніе, что ихъ невозможно вернуть.

И вотъ иногда необходимость или просто недоразумѣніе заставляютъ назначить Терентьева учителемъ. Тутъ невольно вспоминается басня Крылова: «коль сапоги начнетъ точать пирожникъ»... Однако и Терентьева можно приготовить, если только хорошенько за него взяться. Бѣда въ томъ, что Терентьева готовятъ только къ экзамену и совершенно не обучаютъ его преподавать. Тутъ дѣло не въ словахъ, а въ навыкѣ, приобретаемомъ посредствомъ примѣрнаго обученія. Не то важно, чтобы Терентьевъ зналъ, что, напримѣръ, «колѣни должны быть вытянуты, но не натянуты», а чтобы онъ могъ показать это новобранцу и ловко, осторожно поправить. Это достигается просто и легко, въ какихъ-нибудь нѣсколько уроковъ: вы приказываете старослужащему человѣку изображать новобранца и проводите Терентьева черезъ всѣ фазисы обученія, замѣчая и исправляя каждый неловкій его шагъ, показывая при этомъ свои собственныя манеры, которыя самый неразвитой человѣкъ непременно схватитъ, ибо нѣтъ человѣка, который не обладалъ бы въ известной степени способностью подражанія. Здѣсь вы можете даже взыскивать съ Терентьева, если найдете это полезнымъ; но учить человѣка, уже полу-

чившаго на руки новобранца, и учить, такъ сказать, основаніямъ преподаванія, не только поздно, но и вредно. Жалко видѣть, когда черезъ нѣсколько недѣль по прибытіи въ роту новобранцевъ уже начинается хожденіе въ лазаретъ, иногда цѣлой партіей, такъ называемыхъ «слабыхъ». Нужно много терпѣнія, наблюдательности и умѣнья обращаться съ этими людьми, чтобы доискаться истинной причины ихъ болѣзненности. Поверхностныя наблюденія, основанныя на такъ называемомъ «надзорѣ», рѣшительно ни къ чему не ведутъ: эти простые и честные люди относятся съ полною покорностью къ судьбѣ, и потому никогда не ропщутъ, не жалуются. Ихъ болѣзнь считается медиками неизбѣжнымъ явленіемъ и объясняется переменной образа жизни и другими общими причинами. Какое удивительное недоразумѣніе!

Мы не считаемъ себя компетентнымъ судить объ измѣненіяхъ организма человѣка подъ вліяніемъ разныхъ физическихъ и нравственныхъ причинъ; но и здѣсь есть вопросы, рѣшаемые простой логикой, основанной на фактическихъ наблюденіяхъ, а потому мы позволимъ себѣ спросить гг. специалистовъ: что больше отражается на функціяхъ жизненныхъ центровъ человѣка: дурная вентиляция, сырость жилья, непитательная пища, большая или меньшая продолжительность обыкновеннаго труда и т. д. или глубокое нервное расстройство, являющееся почти независимо отъ этихъ причинъ, но отъ котораго человѣкъ худѣетъ, блѣднѣетъ, теряетъ аппетитъ и видимо чахнетъ на нашихъ глазахъ?

Мы можемъ указать на фактъ очень поучительный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень наглядный: человѣкъ, страдающій обыкновеннымъ желудочно-кишечнымъ расстройствомъ, констатированнымъ врачами, все-таки ѣстъ солдатскій обѣдъ и, какъ говорится, не унываетъ; а новобранецъ, взволнованный неудачной наукой, обнаруживаетъ какую-то особенную, быть можетъ

первную, слабость желудка, которая рѣшительно отымаешь у
человѣка аппетитъ: сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, онъ кладетъ
ложку и совсѣмъ отказывается отъ ѣды.

Итакъ, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ соображе-
ній, мы приходимъ къ слѣдующимъ тезисамъ:

1) Улучшеніе гигиеническихъ условій казарменнаго быта
должно идти рука объ руку съ улучшеніемъ воспитанія сол-
дата въ ротѣ, ибо только при хорошемъ воспитаніи является
разумное пользованіе всѣми предоставляемыми солдату удоб-
ствами жизни и службы.

2) Здоровье человѣка зависитъ не только отъ физическихъ,
но и отъ нравственныхъ удобствъ его жизни, а потому самое
лучшее жильё и довольствіе, а также и ограниченіе коли-
чества работы, не принесутъ солдату желаемой пользы, если
существенные недостатки въ его обученіи и вообще неумѣлое
обращеніе съ нимъ начальника будутъ постоянно нарушать
его нравственное спокойствіе, иногда доводя человѣка до глу-
бокаго разстройства нервовъ, сопряженнаго съ упадкомъ духа.

3) Нравственныя удобства жизни солдата, при существую-
щихъ нынѣ условіяхъ, значительно отстали отъ физическихъ,
а потому нуждаются въ обращеніи на нихъ болѣе серьезнаго
вниманія. Наиболѣе распространенная въ казармахъ болѣзнь,
«общая слабость», наблюдаемая преимущественно у новобран-
цевъ и служащая основаніемъ многимъ другимъ болѣзнямъ,
представляетъ результатъ преимущественно нравственныхъ не-
удобствъ, которыя могутъ быть устранены общимъ улучшеніемъ
воспитательныхъ средствъ роты, а на первый случай — обра-
щеніемъ самаго серьезнаго вниманія на правильную подготовку
учителей изъ нижнихъ чиновъ.

II.

Указавъ на скрывающееся въ недостаткахъ воспитанія происхожденіе болѣзни, называемой «общей слабостью солдата», перейдемъ къ общезвѣстнымъ причинамъ казарменной болѣзненности, устраненіе которыхъ много зависитъ отъ правильного пониманія нѣкоторыхъ требованій въ нашемъ войсковомъ быту.

Всякій разъ, когда возбуждается вопросъ о здоровьи солдата, приходится слышать жалобы нашихъ гигиенистовъ на тяжесть служебныхъ нарядовъ и на большое количество времени, употребляемаго на занятія. Какъ то, такъ и другое очень условно. Разсмотримъ сначала наряды.

Насъ часто спрашиваютъ: «Когда у васъ солдатъ спитъ?» на это можно отвѣтить, что у всякаго заботливаго начальника солдатъ спитъ столько часовъ въ сутки, сколько это необходимо для его здоровья: ставить сонныхъ людей на ученіе не только нездорово, но и вредно для самаго успѣха занятій, а потому прямой расчетъ—давать солдату сколько слѣдуетъ выспаться. Если къ нѣсколькимъ часамъ отдыха, дозволяемаго въ караулѣ очередной смѣнѣ, вы прибавите солдату часа четыре безусловнаго отдыха послѣ смѣны со службы, то получится въ суммѣ восемь часовъ, которыхъ совершенно достаточно для суточного сна взрослого человѣка. Разумѣется, при этомъ нужно позаботиться, чтобы людей не только ставили на занятія, но и не беспокоили бы ихъ какими-нибудь мелкими работами для роты, которыя даже не попадаютъ въ нарядный листокъ. Конечно, уменьшеніе нарядовъ должно отразиться благотворно на здоровьи солдата, но главная причина утомленія наряжаемыхъ людей заключается не въ недостаткѣ сна, на который указываютъ гигиенисты, а въ тѣхъ мелкихъ хлопотахъ, съ которыми нарядъ сопряженъ, и въ томъ

стѣсненіи, которое чувствуетъ человѣкъ, обязанный сидѣть цѣлыя сутки въ амуниціи, а треть сутокъ стоять на ногахъ на своемъ посту. Кромѣ того, каждый суточный нарядъ, съ слѣдующимъ послѣ него отдыхомъ, отымаешь отъ занятій два дня. Достаточно восьми—девяти нарядовъ въ мѣсяцъ, чтобы терялось около двухъ третей учебнаго времени. При такихъ условіяхъ приходится, какъ говорится, налечь на солдата, чтобы поддержать стройность части и не отстать въ прохожденіи курса. Эти послѣдствія частныхъ нарядовъ, въ соединеніи съ недостаткомъ преподаванія, едва ли не больше дѣйствуютъ на здоровье людей, чѣмъ самые наряды.

Вопросъ о тяжести служебныхъ нарядовъ уже неоднократно обращалъ на себя вниманіе высшаго начальства и обсуждался въ комиссіяхъ изъ строевыхъ начальниковъ и лицъ гражданскаго вѣдомства. Многое для облегченія солдата въ этомъ отношеніи уже сдѣлано: нѣкоторые склады казеннаго имущества, а также денежные кассы, хранившіяся на разныхъ постахъ, нашли возможнымъ соединить, чрезъ что уменьшилось число постовъ; часть постовъ въ казенныхъ учрежденіяхъ и тюрьмахъ перешла въ вѣдѣніе постоянныхъ сторожей; въ полкахъ уменьшили ежедневный домашній нарядъ; наконецъ, солдату разрѣшили въ караулѣ нѣкоторое время отдыхать и т. д. Все, что осталось по караульной службѣ въ вѣдѣніи войскъ, составляетъ, стало быть, необходимость, въ разборъ которой мы входить не будемъ.

Насъ здѣсь интересуютъ другіе вопросы, а именно: въ самой тяжелой караульной службѣ можно предоставить нѣкоторыя частныя удобства солдату, которыя въ суммѣ значительно облегчатъ трудъ человѣку и будутъ вообще способствовать сбереженію его здоровья.

Посмотримъ, въ чемъ заключаются таія удобства.

1) Прежде всего мы встаемъ противъ той утренней суеты,

которая каждый раз замѣчается въ ротѣ въ день караула; солдатъ встаетъ въ 6 час. утра, чистится, приводитъ въ порядокъ свои вещи, нѣкоторыя изъ нихъ получаетъ изъ цейхауза, затѣмъ становится къ расчету и садится на проверку обязанностей на посту; въ 10 час. обѣдаетъ, а въ 10³/₄ начинается одѣваться въ карауль. Эта шестичасовая работа, хотя и не трудная, но сопряженная съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, во всякомъ случаѣ утомляетъ человѣка и дѣлаетъ его вялымъ передъ заступленіемъ въ карауль.

Намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ придать утру, въ день караула, праздничный характеръ, т. е. будить людей не въ 6, а по крайней мѣрѣ въ 7 час. Этого можно достигнуть, если всѣ караульные расчеты, а также получка и чистка одежды и амуниціи, будутъ производиться наканунѣ, съ 5-ти часовъ вечера. Тутъ важно еще то, что солдатъ, которому заблаговременно объявленъ его постъ, можетъ просмотрѣть свои обязанности съ вечера, по вывѣшенному на стѣнѣ распisanію постовъ; тогда и самая проверка познаній потребуетъ не болѣе получаса, ибо каждый человѣкъ будетъ уже знать свои обязанности.

Намъ кажется, что такая мѣра значительно сохранить запасъ силъ солдата передъ суточной службой въ карауль.

2) По расчету, который можно видѣть въ нарядныхъ листахъ, солдатъ проводить въ нарядахъ почти треть своего времени, изъ которой одна шестая приходится на долю домашней службы, а другая на долю карауловъ (три раза въ мѣсяцъ въ городской карауль и два раза въ полковой).

Выходитъ, что шестую часть времени солдатъ живетъ въ караульныхъ домахъ, поэтому на устройство этихъ домовъ должно быть обращено такое же вниманіе, какъ и на устройство казармъ. Между тѣмъ, кто не знаетъ нашихъ караульныхъ домовъ: отъ оконъ дуетъ, отъ наружныхъ дверей дуетъ,

помѣщенія не особенно сухи; топка не регулируется, находясь въ рукахъ неразвитаго человѣка—сторожа, который распоряжается ею по своему усмотрѣнію: то натопить сразу такъ, что люди потѣютъ, то заставляетъ ихъ зябнуть цѣлую ночь и т. д. Наибольшее неудобство представляютъ, конечно, холодныя и грязныя отхожія мѣста—это больное мѣсто всякихъ солдатскихъ помѣщеній. Есть, впрочемъ, караульные дома, болѣе или менѣе устроенные, но есть и такіе, гдѣ наружная дверь открывается прямо въ ту комнату, гдѣ сидятъ люди, обдавая ихъ холоднымъ вѣтромъ, а зачастую и сквознякомъ.

Если вы зайдете въ роту въ то время, когда люди послѣ караула отдыхаютъ, то непременно замѣтите какой-то беспокойный кашель, которымъ надѣляютъ людей наши караульные дома.

3) Весьма важно, чтобы солдатъ въ сильные морозы, особенно при вѣтрѣ, былъ одѣтымъ какъ можно теплѣе на посту. Солдатская шинель, съ одѣвающимся поверхъ, ея постовымъ тулупомъ, повидимому, одежда теплая, но самъ солдатъ находить, что постовой тулупъ неплотно окутываетъ его корпусъ, особенно при тѣхъ первобытныхъ застежкахъ, которыя до сихъ поръ употребляются. Вѣтеръ свободно забирается подъ тулупъ и заставляетъ до такой степени человѣка зябнуть, что онъ буквально дрожить, возвращаясь въ караульный домъ и тотчасъ же подсаживается къ печѣ грѣться.

Прекрасный опытъ былъ сдѣланъ въ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи во время командованія этой частью Его Высочествомъ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ: новобранцамъ запрещено было продавать принесенные изъ дому полшубки, которые сдавались въ цейхгаузъ и хранились тамъ въ теченіе всей службы солдата. Передъ заступленіемъ въ караулъ люди получали полшубки на руки и одѣвали ихъ подъ шинель, заступая на посты. Впослѣдствіи

разрѣшено было обмѣнивать полушубки на фуфайки изъ башлычнаго сукна. Опытъ показалъ, что такая мѣра вполне гарантировала солдатъ на постахъ въ сильные морозы. Въ настоящее время это распоряженіе сдѣлано по всему гвардейскому корпусу.

4) Заботясь о сохраненіи здоровья солдата, никогда не слѣдуетъ игнорировать нравственныхъ удобствъ его жизни. Мы прямо скажемъ, что иногда значительныя матеріальныя лишенія проходятъ для человѣка незамѣтно и не заставляютъ его худѣть и болѣть, если имъ сопутствуютъ нравственныя условія жизни, благопріятствующія хорошему настроенію духа. Строевая практика доказываетъ на каждомъ шагу, что человѣкъ скучающій, огорченный или просто привлеченный къ дѣлу, которое ему претитъ, непременно, болѣе или менѣе, теряетъ аппетитъ и скоро устаетъ, даже не дѣлая значительныхъ физическихъ усилій. Между тѣмъ веселое, молодецкое настроеніе духа солдата, о которомъ мы такъ хлопочемъ, иногда зависитъ отъ самыхъ простыхъ мѣръ, которыя, къ сожалѣнію, рѣдко приходятъ намъ въ голову.

Зайдите въ караульный домъ и тихонько приблизьтесь къ комнатѣ, въ которой сидятъ солдаты: вы услышите, какъ люди вздыхаютъ, зѣваютъ и перебрасываются самыми монотонными фразами, которыя давно уже всѣмъ надоѣли, потому что постоянно повторяются въ караулахъ. Рѣдко вы услышите какую-нибудь избитую шутку, которой смѣется только тотъ, кто ее произноситъ. Замѣчательно: — чѣмъ нравственнѣе люди, тѣмъ они больше скучаютъ, ибо въ дурной ротѣ всегда находится неистощимый матеріалъ для разговора въ видѣ какихъ-нибудь сплетенъ и пересудъ, въ которыхъ непременно принимаетъ горячее участіе самъ дрянной начальникъ, т. е. караульный унтеръ-офицеръ.

Еще хуже, если, вмѣсто пустой скуки, гдѣ солдата, все-таки,

оставляютъ въ покоѣ, офицеръ вздумаетъ занимать людей уставомъ, т. е. прикажетъ караульному унтеръ-офицеру читать людямъ обязанности, которыя они слышали уже тысячу разъ. Насколько смѣшно, настолько же и грустно видѣть, напримѣръ, такія сцена: строгимъ, не допускающимъ возраженія, голосомъ караульный унтеръ-офицеръ читаетъ уставъ и вдругъ замѣчаетъ, что его плохо слушаютъ:

— Часовой обязанъ принять замки и печати въ цѣлости...— Какое я прочиталъ послѣднее слово, Петровъ?—обращается онъ къ солдату, который начинаетъ клеветать носомъ.

— «Въ цѣлости», г. взводный.

— А передъ «цѣлостью», что было?

— «Замки».

— Вотъ и совралъ!

— «Печати»,—г. взводный.

— То-то же!... я тебѣ покажу, какъ спать въ караулѣ,— поспи, у меня, въ другой разъ... и т. д. ¹⁾).

Такими назойливыми занятіями можно довести человѣка до того, что для него «замки» и «печати» перестанутъ быть реальными предметами: онъ будетъ ихъ представлять по чернымъ буквамъ, которыми эти слова напечатаны въ книжкѣ, по

¹⁾ Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что требуемое новымъ уставомъ титулованіе начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ (г-нъ ефрейторъ, г-нъ унтеръ-офицеръ или, какъ говорятъ солдаты, г-нъ взводный и т. д.) не имѣетъ историческаго основанія, а главное—оно совсѣмъ не національно. Въ частяхъ войскъ, гдѣ сохранились самыя лучшія традиции, оно даже не прививается, а въ походѣ, гдѣ люди привязываются къ своему унтеръ-офицеру, намъ даже не приходилось слышать, чтобы они называли его иначе, какъ по имени и отчеству. Это названіе вполне «русское», отвѣчающее добрымъ обычаямъ русской военной семьи, и очень почетное: лучшихъ вождей русской арміи, какъ, напримѣръ, Суворова, иначе не называли, какъ «батюшка Александръ Васильевичъ». Такъ же именовали и героев послѣдней войны при всякомъ выраженіи имъ чувства преданности.

рѣзкимъ манерамъ взводнаго, съ которыми онъ читаетъ уставную фразу, и т. д.

Оттого иногда и бываетъ, что солдатъ, заступая на постъ, не сразу догадывается, что тамъ есть настоящіе замки и печати, которые ему слѣдуетъ принять въ цѣлости.

Между тѣмъ у насъ есть цѣлыя ротныя бібліотеки, есть книги для чтенія, представляющія воспитательно-образовательный матеріалъ для солдата, какъ, напримѣръ, книга г. Абазы; есть Погоскій и другіе авторы, ставшіе классиками въ солдатской литературѣ, и т. д. Эти книги, обогащая человѣка познаніями, вполне отвѣчаютъ общему его воспитанію въ духѣ религіи и нравственности и онѣ же способствуютъ развитію въ немъ вообще соображенія, которое крайне необходимо нашему солдату для сознательнаго усвоенія воинскихъ уставовъ.

Отчего бы людямъ не брать этихъ книгъ въ караулъ? развѣ онѣ помѣшаютъ ихъ службѣ? Напротивъ, онѣ могутъ способствовать свѣжести и бдительности человѣка и вообще доброму служебному настроенію гораздо больше, чѣмъ какіе-нибудь пустые разговоры, а тѣмъ болѣе—пересуды ротныхъ дѣлъ. Наконецъ, человѣкъ, занятый пріятнымъ чтеніемъ, будетъ находиться въ бодромъ и веселомъ настроеніи духа, лучше пообѣдаетъ, не будетъ вялымъ на посту и т. д.

Чѣмъ объяснить то рутинное отношеніе къ нуждамъ солдата, при которомъ никогда не принимается во вниманіе, что вредная для здоровья частая физическая усталость человѣка увеличивается нравственнымъ его томленіемъ, которое можно побороть какимъ-нибудь пріятнымъ занятіемъ?

Мы нисколько не стѣсняемся заявить, что, напримѣръ, для насъ лично дежурство и особенно караулъ представляютъ самыя удобныя для чтенія дни, и это нисколько не мѣшаетъ точному исполненію служебныхъ обязанностей. Въ обыкновен-

ные дни не всегда выберется время просмотрѣть, напримѣръ, текущую литературу, а въ караулѣ, между осмотромъ смѣнъ и разными другими провѣрками, безъ книги или газеты просто пришлось бы скучать. Занявшись интереснымъ дѣломъ, просто забываешь, что сидишь занянутымъ въ амуниціи, и черезъ это положительно меньше устаешь.

Конечно, никто не запрещаетъ людямъ брать въ караулъ дозволенные въ казармахъ книжки; но мы ручаемся, что онѣ будутъ лежать въ ротной библіотекѣ неразрѣзанными, если офицеръ не приметъ живого участія въ развитіи чтенія въ ротѣ. Нашъ грамотный солдатъ, особенно при той дурной постановкѣ школы, которая, къ счастью, уже доживаетъ свой вѣкъ, видитъ въ своей грамотности только средство для буквальнаго заучиванія уставовъ. Его надо ввести, такъ сказать, во вкусъ чтенія, а это вполнѣ зависитъ отъ офицера.

Итакъ, нравственное утомленіе человѣка или, такъ называемая, казарменная скука, особенно та, которую солдатъ чувствуетъ въ караулѣ, много способствуетъ физической усталости и несомнѣнно отражается на здоровьи людей.

Теперь перейдемъ къ занятіямъ. Настаивая на уменьшеніи учебныхъ часовъ, гигиенистъ не принимаетъ въ соображеніе, напримѣръ, того, что нашъ обыкновенный строевой солдатъ занимается, можно сказать, черезъ два дня въ третій и очень рѣдко черезъ одинъ день, а люди, состоящіе при разныхъ мастерскихъ,—всего одинъ разъ въ недѣлю, если не считать ежедневныхъ полчаса времени, употребляемыхъ преимущественно на гимнастику. Зачастую, вмѣсто 40 человѣкъ, не состоящихъ мастерами, т. е. обязанныхъ участвовать во всѣхъ занятіяхъ, приходится видѣть на занятіяхъ человѣкъ десять. Уменьшивъ учебные часы, мы рѣшительно не будемъ имѣть времени провести солдата по всѣмъ отдѣламъ обученія, а

главное—будемъ торопиться, что одинаково вредно какъ для успѣха занятій, такъ и для здоровья людей.

Вообще объ этомъ вопросѣ нельзя судить по имѣющимся въ кабинетномъ столѣ расписаніямъ: надо видѣть дѣло, такъ сказать, въ натурѣ, чтобы вѣрно намѣтить дурныя его стороны. По нашему, какъ мы уже замѣтили, сохраненіе силъ солдата зависитъ не столько отъ количества учебныхъ часовъ, сколько отъ качества преподаванія или отъ умѣнья такъ вести дѣло, чтобы человекъ не разстраивался ни физически, ни нравственно. Мы прямо можемъ сказать, что три рядовыхъ часа толковыхъ занятій меньше утомляютъ солдата, чѣмъ одинъ часъ, въ которомъ чувствуется суета, беспорядочность, безтолковое киданіе отъ одного предмета къ другому и какая-то лихорадочная поспѣшность въ исправленіи недостатковъ.

Для наглядности приведемъ примѣры. Положимъ, двѣ роты съ одинаковыми одиночными недостатками выходятъ на ротныя ученія. Командиръ первой роты имѣетъ программу занятій, которую передъ ученьемъ обдумалъ. Имѣя въ виду, что ротныхъ ученій будетъ назначено до смотра только десять, онъ распредѣлилъ всѣ ученія по урокамъ, назначивъ для первыхъ уроковъ только основныя построенія, безъ твердости которыхъ хорошее обученіе роты немыслимо. Сдѣлавъ нѣсколько построений и пропустивъ роту бѣгомъ, онъ, положимъ, замѣчаетъ, что люди дурно заходятъ и еще хуже бѣгаютъ. Не останавливаясь на этихъ, недостаткахъ, онъ даетъ людямъ сколько слѣдуетъ оправиться и продѣлываетъ всю намѣченную для перваго урока программу: ему необходимо знать всѣ главнѣйшіе недостатки, чтобы придумать легчайшіе способы для ихъ исправленія.

Окончивъ ученье, люди возвращаются домой не усталыми, потому что имъ давали сколько слѣдуетъ оправиться, и не

обезкураженными неуспѣхомъ ученя, за который ихъ не бранили.

Для легчайшаго исправленія замѣченныхъ недостатковъ, которые могутъ помѣшать дальнѣйшимъ ротнымъ ученьямъ; ротный командиръ приказываетъ нѣсколько дней подъ рядъ, во время расчета, дѣлать захожденіе взводами, а въ началѣ нѣсколькихъ ученій дѣлаетъ провѣрку одиночнаго бѣга всей ротѣ, на который потребуется не болѣе 20 мин. Опытъ показалъ, что этими легкими способами значительно исправляются приведенные недостатки ¹⁾

Теперь посмотримъ ученье во второй ротѣ. Ротный командиръ либо вовсе не имѣетъ программы, либо дурно ее составилъ; въ ученьи замѣтны непослѣдовательность, беспорядочные скачки отъ простыхъ построеній къ сложнымъ. Замѣтивъ дурное захожденіе, ротный командиръ забываетъ все и съ жаромъ набрасывается на этотъ недостатокъ, забываетъ даже, что людямъ сначала ученя не давали оправляться. Безобразный бѣглый шагъ приводитъ его просто въ отчаяніе, и онъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, начинаетъ пропускать роту взадъ и впередъ бѣгомъ; конечно, люди чѣмъ дальше, тѣмъ хуже начинаютъ бѣгать; это простое слѣдствіе усталости принимается увлекшимся начальникомъ за недостатокъ старанія, а потому дальнѣйшая муштровка принимается вредный видъ наказанія. Такъ можно загнать людей, какъ говорится, до седьмого пота и, все-таки, ничему ихъ не

---

¹⁾ Здѣсь необходимо замѣтить, что подобные недостатки могутъ встрѣтиться только въ той ротѣ, которая дурно занималась зимой; но такая рота можетъ достаться передъ самыми лагерями очень дѣльному офицеру, который бываетъ поставленъ въ необходимость исправлять, какъ говорится, чужіе грѣхи. Вполнѣ исправить въ лагеряхъ одиночные недостатки почти невозможно, ибо, напримѣръ, дурной бѣгъ является слѣдствіемъ дурной гимнастики, а въ лагеряхъ заниматься гимнастикой некогда.

научить; но тутъ важны еще послѣдствія такой муштровки: рота, занятая безтолковымъ исправленіемъ бѣглаго шага, останется вообще въ ротномъ ученіи, которое придется потомъ подгонять, т. е. утомлять людей больше, чѣмъ слѣдуетъ. Наконецъ, рота, которую слишкомъ долго морили на бѣгломъ шагу, да еще на первомъ ученіи, когда люди не втянулись въ лагерныя занятія, на другой день будетъ слаба на ноги и не только будетъ бѣгать, но и вообще учиться будетъ несравненно хуже.

Эти примѣры ясно показываютъ, что можно съ толкомъ прикидывать лишнія занятія, заставляя роту учиться заходить во время расчета и предпосылая ротному ученію небольшую одиночку, нисколько не утомляя людей, и можно обходиться только одними учебными часами и довести роту до такого состоянія, при которомъ она будетъ не ротой, а командой слабыхъ, жалующихся на ноги, людей. Все зависитъ отъ умѣнія заниматься: въ толковыхъ рукахъ большое количество учебныхъ часовъ не страшно; но надо всегда помнить, что есть предѣлъ, далѣе котораго увеличеніе занятій бесполезно. Этотъ предѣлъ всегда колебался между $4\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$ часами, если взять въ суммѣ утреннія и послѣобѣденныя занятія. На шестомъ часѣ наступаетъ утомленіе вниманія, которое выражается не только ослабленіемъ разсужденія, но и притупленіемъ навыка. Последнее явленіе крайне интересно; оно превосходно изслѣдовано врачомъ-психіатромъ г. Сикорскимъ, произведшимъ цѣлый рядъ опытовъ надъ утомленіемъ вниманія учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. У дѣтей такое утомленіе наступаетъ раньше, чѣмъ у взрослыхъ, а именно—на пятомъ часѣ и сначала замѣчается на навыкѣ: въ диктовкахъ, производимыхъ въ концѣ послѣдняго урока, число ошибокъ, зависящихъ отъ соображенія, увеличивалось незначительно, но уже являлась масса опісокъ, отсутствующихъ въ утреннихъ диктовкахъ (пропускъ

буквъ, а иногда и цѣлыхъ слоговъ, замѣна б, посредствомъ сходнаго звука н, з—посредствомъ с, и т. д.).

Произведя опыты надъ солдатами, мы замѣтили многія аналогичныя этимъ явленія, напримѣръ, при подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненіяхъ: человекъ, превосходно наметавшійся нажимать извѣстнымъ суставомъ на спускъ, на шестомъ часѣ занятій начинаетъ блуждать пальцемъ около спуска и невѣрно прикладывается.

Говоря о занятіяхъ, нельзя обойти молчаніемъ мастеровыхъ людей, большинство которыхъ составляютъ портные. Эти люди весьма мало участвуютъ въ занятіяхъ и почти вовсе не ходятъ въ наряды. Всѣ они ведутъ сидячую жизнь и отличаются желтовато-блѣднымъ цвѣтомъ лица. Отставая въ одиночномъ обученіи, эти люди доставляютъ большое безпокойство ротному командиру, особенно передъ лагерями, когда нужно, такъ сказать, сколачивать роту.

Мы, однако, не можемъ сказать, что мастеровые даютъ большій процентъ «неспособныхъ», чѣмъ ихъ товарищи, на которыхъ лежитъ тяжесть нарядовъ. Внимательный начальникъ непременно замѣтитъ, что, напримѣръ, изъ портныхъ уходятъ въ «неспособные» не тѣ привычные люди, которые занимались долго этимъ ремесломъ, а тѣ землепашцы, которымъ, за недостаткомъ мастеровыхъ, приказано быть портными. Иногда человекъ худой, со впалой грудью, по виду совершенно чахоточный, но привыкшій къ сидячей жизни, съ удовольствіемъ садится на свой портняжный табуретъ и благополучно просиживаетъ на немъ цѣлыхъ пять лѣтъ, а его здоровый товарищъ, которому никогда не приходилось сидя работать, въ первый же годъ начинаетъ жаловаться на боль въ груди и становится, какъ говорятъ солдаты, «ходящимъ», т. е. постоянно посѣщающимъ лазаретъ.

Наилучшей мѣрой противъ болѣзненности мастеровыхъ мо-

гутъ служить обязательныя прогулки на воздухъ, которыя въ нѣкоторыхъ полкахъ входятъ въ обязательное «расписание солдатскаго дня». Вотъ одно изъ такихъ расписаній, практикующееся въ одномъ изъ полковъ, которое мы находимъ цѣлесообразнымъ не только относительно прогулокъ, но еще и потому, что оно даетъ солдату безусловный послѣобѣденный отдыхъ, отвѣчающій привычкамъ крестьянина.

Въ 6 часовъ утра—вставать. Въ 7 часовъ утра—утренний смотръ. Въ 7¹/₂ часовъ утра — прогулка вокругъ казармъ; очередными людьми уборка помѣщений; всѣ форточки и окна открывать. На прогулку не выходить при большомъ дождѣ. Снѣгъ и морозъ не мѣшаютъ прогулкѣ. Отъ 8¹/₂ до 11¹/₂ часовъ утра—занятія. Въ 11³/₄ час. утра—обѣдъ. Освѣженіе помѣщений. Отъ 12 до 1¹/₂ час. дня — безусловный отдыхъ. Никто въ эти часы не имѣетъ права шумѣть, стучать и даже громко разговаривать. При входѣ начальника дневальный вызываетъ дежурнаго, не подавая голоса. Ни подъ какимъ предлогомъ въ эти часы не должны быть какія бы то ни было занятія, а также и работы.

Въ 1³/₄ час. дня—прогулка (менѣе продолжительная, чѣмъ утромъ). Всѣ форточки и окна открывать и очереднымъ людямъ убирать помѣщеніе. Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня — занятія. Отъ 4-хъ до 6-ти часовъ дня — отдыхъ. Отъ 6 до 7 часовъ вечера—грамотность (молодымъ солдатамъ). Въ 8 часовъ вечера—ужинъ. Освѣженіе помѣщений. Въ 8³/₄ часовъ вечера—повѣстка къ зарѣ. Въ 9 часовъ вечера—заря и общая молитва. Отъ 9-ти до 10-ти часовъ вечера—отдыхъ. Въ 10 часовъ вечера люди обязательно должны ложиться спать. Никакихъ огней, кромѣ остающихся для освѣщенія казармъ, не допускается. Частныя работы послѣ 10-ти часовъ воспрещены.

Примѣчаніе. Людямъ совѣтуется, для избѣженія простуды, пить чай послѣ прогулки.

Намъ остается еще сказать объ устраненіи тѣхъ общеизвѣстныхъ причинъ казарменной болѣзненности, которыя всегда заслуживали наибольшаго вниманія, а именно—о недостаткахъ воздуха и жилья.

Не касаясь общихъ недостатковъ казармъ и вообще тѣхъ мѣръ, разсмотрѣніемъ которыхъ переполнены наши гигиеническіе трактаты, мы прямо перейдемъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя даже при дурномъ устройствѣ казармъ значительно понижаютъ процентъ болѣзненности въ ротѣ. Между прочимъ укажемъ и на тѣ недостатки въ размѣщеніи людей, которые иногда упускаютъ изъ вида строители казенныхъ зданій.

Пользованіе хорошимъ воздухомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполне зависитъ отъ ближайшаго начальника, иногда просто отъ дежурнаго по ротѣ унтеръ-офицера: позвали людей въ одинъ конецъ роты къ расчету,—въ другомъ можно открыть форточки; вызвали портныхъ на гимнастику,—можно освѣжить шпально; стало въ ротѣ жарко,—можно открыть печныя трубы и т. д. Каждое перенесеніе занятій изъ казармъ на воздухъ, каждая прогулка всегда отражаются благотворно на здоровьи людей, если вы ихъ не заставите дѣлать на холодѣ такія движенія, отъ которыхъ, съ непривычки они, будутъ потѣть и простуживаться.

Помимо ежедневныхъ малыхъ прогулокъ слѣдуетъ пользоваться каждымъ праздникомъ, чтобы выводить людей на часъ или на два на плацы и производить въ казармахъ самую тщательную вентиляцію. При такихъ условіяхъ даже дурной казарменный воздухъ, которымъ люди дышать, на примѣръ, ночью, не будетъ сильно отражаться на ихъ здоровьи. Наилучшій примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ любая крестьянская изба съ самой первобытной вентиляціей, гдѣ люди спятъ, какъ говорится, въ повалку: значительная часть зимняго дня, проводимая крестьяниномъ на дворѣ, въ хлопотахъ по его малень-

кому хозяйству; постоянная бѣготня его дѣтей на улицѣ и т. д. — все это значительно парализируетъ дурное вліяніе спертаго воздуха, которымъ семья дышитъ ночью (мы конечно не говоримъ о болѣзняхъ инфекціонныхъ, для которыхъ этотъ воздухъ всегда представляетъ благопріятную почву). Наоборотъ, — женщины, занятія страшной и рѣдко выходящія изъ избы, подвергаются сильному вліянію этого воздуха и потому представляютъ, особенно зимой, самый болѣзненный элементъ въ крестьянской семьѣ.

Итакъ, внутренній казарменный воздухъ нуждается въ постоянномъ провѣтриваніи при каждомъ удобномъ случаѣ, т. е. безъ риска простудить людей. Ночное провѣтриваніе конечно зависитъ отъ устройства казармъ; иногда оно ограничивается только однимъ дѣйствіемъ печныхъ трубъ, но за то днемъ ротный командиръ можетъ распоряжаться воздухомъ, какъ ему угодно, особенно, если онъ имѣетъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, которые за глазами будутъ точно исполнять его приказанія.

При самомъ старинномъ устройствѣ вентиляціи можно добиться, чтобы люди никогда не занимались въ спертомъ и пыльномъ воздухѣ: полагая, что каждая большая комната снабжена двумя или тремя обыкновенными форточками, вы можете каждый разъ, когда люди оправляются, переводить ихъ въ другой конецъ роты, открывая въ первомъ помещеніи всѣ форточки; а чтобы не было въ воздухѣ пыли, вы приказываете при утренней уборкѣ слегка вспрыскивать полы. Такая забота приноситъ огромную пользу, ибо человѣкъ во время физическихъ упражненій усиленно дышетъ, и легкія его наиболѣе нуждаются въ это время въ хорошемъ воздухѣ.

Что касается устройства казармъ, то, помимо устройства вентиляціи, большую роль играетъ расположеніе жилья. Весьма вредно, если рота располагается въ двухъ или нѣсколькихъ

помѣщеніяхъ, сообщающихся холодными сѣнями, въ которыхъ люди постоянно простуживаются. Конечно можно достигнуть, чтобы солдаты не проходили черезъ сѣни не одѣвшись, но это ляжетъ такимъ гнетомъ на роту, который даже трудно представить.

Если рота раздѣлена только на два помѣщенія, то и тогда каждому солдату приходится проходить черезъ сѣни отъ 15-ти до 20-ти разъ въ сутки; при четырехъ помѣщеніяхъ эту цифру нужно увеличить не вдвое, а по крайней мѣрѣ въ четыре раза: въ одномъ помѣщеніи фельдфебель, канцелярія, шкапъ съ уставными книжками, ротная школа, цейнгаузъ; въ другомъ — извѣстная гимнастическая машина; въ третьемъ — принадлежности для стрѣльбы дробинками; въ четвертомъ — рассчитываютъ посылаемыя въ разныя мѣста команды и оттуда же ходъ въ ватерклозетъ и т. д.

Мы рѣшительно не понимаемъ, какая идея руководить инженерами при постройкѣ этихъ мелкихъ помѣщеній, которыя солдаты въ насмѣшку называютъ «корабликами».

Будучи поставленъ въ необходимость вести курсовыя занятія въ такихъ «корабликахъ», иногда ротный командиръ употребляетъ всѣ средства, чтобы не заставлять людей перебѣгать изъ одного помѣщенія въ другое; для этого приходится жертвовать многими удобствами въ занятіяхъ: напримѣръ, гимнастика идетъ гораздо успѣшнѣе, если ее дѣлать понемногу на каждой машинѣ, а тутъ приходится держать людей на одной машинѣ весь урокъ, чтобы избѣжать перебѣжекъ черезъ сѣни къ другимъ машинамъ.

Съ этимъ неудобствомъ можно еще кое-какъ мириться, ибо оно отражается не столько на здоровьѣ людей, сколько на успѣхѣ занятій, не принося значительнаго вреда; но вотъ главное неудобство, которымъ прямо объясняется большой процентъ больныхъ во всякой ротѣ, расположенной въ «корабликахъ»:

люди всегда занимаются у васъ въ спертomъ воздухѣ, ибо для вентиляціи «кораблика» необходимо одѣвать вспотѣвшихъ людей въ шинели и вести ихъ черезъ холодныя сѣни въ другой «корабликъ», который также нуждается въ провѣтриваніи. Вся эта процедура отнимаетъ такъ много времени, что приходится жертвовать либо успѣхомъ занятій, либо здоровьемъ людей. Для избѣжанія этого зла нѣкоторые полки своими средствами устраиваютъ теплыя сѣни. Вотъ вещи, на которыя, къ сожалѣнію, наши гигиенисты мало обращаютъ вниманія, занимаясь иногда сущимъ вздоромъ, какъ, напримѣръ, вычисленіемъ работы челоуѣка въ пудо-футахъ, основанномъ на весьма гадательныхъ цифрахъ.

Намъ еще слѣдовало бы коснуться устройства ватерклозетовъ—этого интереснаго предмета, наиболѣе фигурирующаго не только въ гигиеническихъ, но и въ инженерныхъ трактатахъ. Смѣшно сказать: объ устройствѣ ватерклозетовъ существуетъ цѣлая литература съ очень почтенными именами медиковъ и инженеровъ, но все-таки наши казенные ватерклозеты изъ рукъ вонъ плохи. Дѣло въ томъ, что приходится выбирать одно: либо заставлять людей простуживаться, либо дышать гадкимъ воздухомъ. Имѣя въ виду, что ночью челоуѣкъ ходитъ въ ватерклозетъ, находясь въ испаринѣ, мы готовы предпочесть послѣднее, тѣмъ болѣе, что пятиминутное вдыханіе дурнаго воздуха вреда особеннаго не сдѣлаетъ, а простуду можно схватить даже въ одну минуту. Неужели нельзя устроить недорогую, но безопасную вентиляцію, которую теперь устраиваютъ даже въ дешевыхъ квартирахъ?

Въ заключеніе мы должны коснуться весьма важнаго вопроса, а именно, сказать нѣсколько словъ о часто проявляющемся въ нашихъ войскахъ стремленіи развивать въ солдатѣ

выносливость. Несомнѣнно, что это превосходное боевое качество можно развить въ человѣкѣ известными упражненіями, но его можно также и погубить при недостаткѣ нѣкоторыхъ соображеній.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что выносливость зависитъ главнымъ образомъ отъ здоровья человѣка, а потому всякія упражненія въ выносливости, не соображенныя съ сохраненіемъ физическихъ силъ солдата, неосновательны. Исходя изъ этого принципа, прослѣдимъ за тѣми увлеченіями въ развитіи выносливости, которыя, не помогая дѣлу, служатъ одной изъ важныхъ причинъ болѣзненности въ войскахъ.

Несомнѣнно, что всякаго здороваго человѣка можно постепенно пріучить, напримѣръ, къ большимъ переходамъ, къ легкому преодолѣнію мѣстныхъ препятствій, къ болѣе или менѣе продолжительному движенію бѣгомъ, къ продолжительной носкѣ солдатскаго снаряженія и т. д. — вообще къ потребной въ военныхъ упражненіяхъ усиленной мускульной работѣ, отъ которой даже здоровый, но непривычный человѣкъ очень скоро устасть. Конечно, это дѣло много зависитъ и отъ нравственнаго развитія, порождающаго въ человѣкѣ готовность къ перенесенію боевыхъ трудностей, которая при высшемъ развитіи обращается въ горячее увлеченіе военнымъ ремесломъ. Это увлеченіе постоянно держитъ человѣка въ бодромъ и веселомъ настроеніи духа, при которомъ всякія трудности становятся менѣе чувствительными.

Основаніемъ этому дѣлу служить гимнастика, развивающая гибкость членовъ и силу мускуловъ, а затѣмъ всѣ ученія — особенно на пересѣченной мѣстности, заканчивающіяся отрядными и наконецъ большими маневрами.

Въ самомъ распредѣленіи годовыхъ занятій солдата виденъ основной принципъ развитія этой выносливости, — видна постепенность, которая, шагъ за шагомъ, переводитъ человѣка отъ

легкихъ упражненій къ болѣе труднымъ и наконецъ доводитъ до большихъ маневровъ, гдѣ примѣрно проводятъ солдата черезъ тѣ трудности, съ которыми онъ можетъ встрѣтиться на войнѣ.

Къ сожалѣнію, не только постепенность, но и здоровье человѣка иногда мало принимаются во вниманіе въ курсовомъ обученіи солдата: вмѣсто постепеннаго подхода къ труднымъ упражненіямъ, иногда просто рѣшаютъ, что солдатъ долженъ ихъ дѣлать сразу, и даже сердятся на него, если онъ не скрываетъ своей усталости. — «Утомился?» — спрашиваютъ молодого солдата, у котораго послѣ 15-го гимнастическаго прыжка выступаетъ градомъ потъ. — «Никакъ нѣтъ!..» Сейчасъ же хвалятъ, называютъ молодцомъ; а попробуй сказать «утомился», — сейчасъ же дадутъ ему замѣтить, что онъ не солдатъ, что солдатъ не долженъ утомляться и т. д. Хвалить солдата за всякій молодецкій отвѣтъ — весьма недурной принципъ въ военной службѣ, но гораздо лучше, когда толковое обученіе поставитъ людей въ возможность давать такіе отвѣты откровенно. Кому не приходилось видѣть, какъ нарочно заставляютъ солдата долго дѣлать гимнастику, какъ слишкомъ долго водятъ его шагомъ и даже бѣгомъ, заботясь о томъ, чтобы люди не изнѣживались. Во всемъ этомъ видно грубое непониманіе средствъ, которыми достигается выносливость.

Вообще существуетъ и упорно держится среди малоразвитыхъ людей мнѣніе, что простолудинъ, по самой натурѣ своей, является на службу, такъ сказать, съ готовой выносливостью и что его слѣдуетъ, какъ говорятъ въ казармахъ, «пробирать», чтобы онъ не изнѣживался. Слишкомъ скромному пониманію не ясна разница между выносливостью вообще рабочею и солдатскою: что значитъ для молодого солдата переходъ въ нѣскольکو десятковъ верстъ, трехчасовое ротное ученье, часовая гимнастика, думаютъ нѣкоторые господа, — когда этотъ чело-

вѣкъ ходилъ дома на отхожіе промыслы за 500 верстъ, дѣлая по 50-ти верстъ въ сутки безъ дневокъ? Что значитъ вообще продолжительный трудъ для человѣка, который былъ занятъ съ утра до вечера грубой работой? и т. д. Стоитъ немного подумать, чтобы рѣшить, что такое мнѣніе совсѣмъ невѣрно: домашній трудъ простолюдина почти всегда происходитъ на чистомъ воздухѣ, а, напримѣръ, гимнастика—въ закрытыхъ помѣщеніяхъ; во всѣхъ физическихъ усиліяхъ, напримѣръ, хлѣбопашца присутствуетъ то привычное спокойствіе, которое гарантируетъ его отъ надрыва: тамъ не требуется ни той ловкости, ни той новой для человѣка правильности, которую мы требуемъ отъ солдата. Мы знаемъ людей, которые по-своему, по-домашнему, очень искусно перепрыгиваютъ четырехаршинную канаву, но съ величайшей трудностью научаются прыгать въ ширину, а при неумѣломъ обученіи ихъ можно просто извести этими прыжками. Большіе переходы простого рабочаго не могутъ быть сравниваемы съ переходами солдата на маневрахъ: тамъ человѣкъ отдыхаетъ и ѣсть, когда хочетъ, и вообще самъ отъ себя зависить, а на маневрахъ онъ это долженъ дѣлать по приказанію. Наконецъ, во всякой независимой работѣ присутствуетъ нравственное спокойствіе, а у солдата оно можетъ быть только тогда, когда онъ уже вполне обученъ и обученъ удачно, умѣло, ибо неудачники изъ солдатъ страдаютъ всю службу разстройствомъ нервовъ, которое значительно ускоряетъ физическую усталость.

Если принять все это въ соображеніе, то станетъ ясно, что солдатъ, приучаемый къ выносливости, особенно въ началѣ этого приученія, представляетъ матеріаль весьма хрупкій, требующій самага осторожнаго обращенія.

Итакъ, приученіе къ выносливости должно идти постепенно, при постоянномъ соображеніи съ здоровьемъ человѣка и степенью его усталости: вы, напримѣръ, можете развить въ сол-

датъ руки и ноги, но навѣрно ослабите ему грудь, если будете дѣлать слишкомъ продолжительную гимнастику не на дворѣ, а въ комнатѣ со спертымъ воздухомъ, заставляя чело-вѣка вдыхать этотъ воздухъ. Та же гимнастика на холодѣ можетъ повести къ простудѣ легкихъ и т. д. Словомъ, утрируя развитіе членовъ чело-вѣка, вы можете ослабить вообще его организмъ, что весьма вредно отзывается на годности солдата къ службѣ.

Тутъ все дѣло во вниманіи къ усталости чело-вѣка: если онъ устаетъ послѣ четвертаго прыжка, то не слѣдуетъ дѣлать пятого, а если не устаетъ даже послѣ 20-го, то можно дѣлать и 21-й, что обыкновенно и достигается къ концу зимняго курса при толковомъ обученіи.

Иногда увлеченія развитіемъ выносливости въ солдатѣ до-ходили до абсурда или до полного противорѣчія съ главнымъ принципомъ этого развитія; но, къ счастью, такіе взгляды встрѣ-чаютъ мало сочувствія. Можно увлечься до того, что начать приучать солдата ко всевозможнымъ лишеніямъ, которыя встрѣ-чаются на войнѣ: къ сырому bivаку, къ недостаткамъ въ теплой одеждѣ и даже къ голоду; но такъ какъ способность переносить эти возможныя на войнѣ лишенія зависитъ отъ общаго запаса здоровья, а такое приученіе можетъ нарушить этотъ запасъ, т. е. сдѣлать чело-вѣка совсѣмъ неспособнымъ къ войнѣ,—то неудивительно, что противъ такихъ фантазій воз-стаютъ всѣ здравомыслящіе люди.

Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ лихихъ, выходящихъ изъ ряда, боевыхъ упражненій, которыя продѣлывали знаменитые вожди нашей арміи, а въ послѣднее время—генераль Скобелевъ, мы не замѣчаемъ увлеченій, наносящихъ суще-ственный ущербъ здоровью солдата; напротивъ, мы видимъ по-стоянныя заботы о томъ, чтобы солдатъ былъ сытъ, не про-стуживался и т. д. Напримѣръ, лихія переправы въ бродъ и

вплавъ въ холодную погоду допускались только въ дѣйстви-
тельномъ бою, гдѣ жертвы болѣзни совершенно заслонялись
удачею выгоднаго боя; а примѣрные упражненія въ такомъ
родѣ всегда происходили лѣтомъ, безъ всякаго риска простуды.
Если и бывали исключенія, то они основывались на томъ, что
начальники имѣли дѣло съ закаленными солдатами, привык-
шими къ зимнимъ бивакамъ и вообще къ перенесенію холода,
а не съ той молодежью, которая проходить зимній курсъ въ
закрытыхъ и теплыхъ помѣщеніяхъ.

Наилучшій результатъ развитія выносливости, при тѣхъ
условіяхъ зимняго обученія, въ которыя поставленъ нашъ
современный солдатъ, мы должны усматривать въ здоровомъ
человѣкѣ съ развитой силой и ловкостью, съ возможной при
этихъ условіяхъ привычкой къ холоду и съ привычкой къ про-
стой, но непремѣнно питательной пищѣ. Дальнѣйшая закалка
человѣка возможна только при совершенномъ выводѣ его изъ
казармъ, при постоянныхъ не только лѣтнихъ, но и зимнихъ
упражненіяхъ въ полѣ. Довольно того, если человѣкъ, по со-
стоянію своихъ силъ, будетъ способенъ къ той закалкѣ, кото-
рую даетъ ему самый походъ.

Мы уже замѣтили, что подъ выносливостью солдата, въ
широкомъ значеніи этого слова, слѣдуетъ разумѣть и нрав-
ственную ея сторону, а именно готовность его для пользы
службы, для добраго имени своей роты, ко всѣмъ лишеніямъ,
представляемымъ не только войной, но и боевыми упражне-
ніями. Отсутствие такой готовности, всегда сопряженное съ
уныніемъ, съ дурнымъ расположеніемъ духа, съ разстройствомъ
нервовъ и т. д., должно быть также отнесено къ причинамъ
болѣзненности въ войскахъ.

Эта готовность, переходящая при высшемъ развитіи не
только въ простое (охотничье), но и въ самое высокое увлече-
ніе, гдѣ подвигъ ставится важнѣе жизни, много зависитъ отъ

воспитанія, получаемого человѣкомъ въ его ближайшей военной семьѣ, т. е. въ ротѣ; но исторія показываетъ, что такая готовность воспитывается и въ большихъ массахъ, руководимыхъ талантливыми и любимыми начальниками.

Всѣ лихія боевыя упражненія, производимыя такими начальниками, бывали исполнены простой, доступной даже для солдата, но всегда глубокой поучительности; кромѣ живого интереса, гдѣ каждый участникъ чувствовалъ, что онъ не даромъ переноситъ трудности, а дѣлаетъ что-то дѣйствительно важное, въ такихъ упражненіяхъ всегда присутствовала удивительная заботливость о солдатѣ, постоянное вниманіе не только къ его ординарнымъ нуждамъ, но и къ простымъ національнымъ привычкамъ. Этимъ достигалась привязанность солдата не только къ обстановкѣ похода, но и къ самому его содержанію, спросъ на хорошія боевыя качества, вѣра и любовь къ начальнику и другія добрыя чувства, необходимыя для войны. Тутъ трудности похода, такъ сказать, ступеньками подъемамъ хорошихъ чувствъ и переносились солдатомъ съ какимъ-то охотничьимъ равнодушіемъ.

Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ боевыхъ упражненій, которыя производились знаменитыми вождями нашей арміи, мы не можемъ подмѣтить ничего дѣланнаго, искусственнаго, что претило бы натурѣ человѣка, — тамъ рѣшительно нѣтъ тѣхъ увлеченій, которыя служили предметомъ спора, напримѣръ, въ послѣднее время. Мы хорошо помнимъ, какъ лѣтъ 20 тому назадъ ходило въ военной средѣ мнѣніе о возможности имѣть въ мирное время обстрѣленного солдата. Предлагалось, напримѣръ, ставить человѣка около мишени во время практической стрѣлбы, приучая его къ свисту пуль и т. д.

Полагаемъ, что эти высшіе военно-воспитательные акты рѣшительно недоступны для примѣрной продѣлки въ мирное время, ибо нельзя искусственно вложить человѣку тѣ чувства,

которыя въ данномъ случаѣ надлежитъ воспитывать. Такіе акты непременно должны сопровождаться извѣстными увлеченіями: обаяніемъ героизма, мечтаніями о высокихъ подвигахъ, о заслуженной славѣ, о защитѣ вѣры и родины и т. д. Самыя жертвы войны никогда не могутъ быть сравниваемы, напримеръ, съ жертвами несчастныхъ случаевъ на практической стрѣльбѣ, которые всегда производятъ жесткое впечатлѣніе, увеличиваемое служебными неприятностями. Между тѣмъ, тѣло человѣка, павшаго въ сраженіи, всегда бываетъ окружено самими горячими симпатіями, исполненными глубокой военной поэзіи, — его провожаютъ въ могилу, какъ тѣло любимаго брата, поголовно всѣ товарищи, со слезами и съ хоровымъ пѣніемъ «Святый Боже»...

Увѣренность въ томъ, что человѣкъ умретъ и не будетъ брошенъ какъ чужой, никому ненужный, а, напротивъ, — будетъ поднятъ и оплаканъ близкими людьми — товарищами, имѣетъ глубокое воспитательное значеніе. Съ одной такой увѣренностью уже смѣло можно пускать солдата подъ пули.

Вотъ что воспитываетъ стойкость человѣка подъ пулями, а не примѣрное пріученіе, гдѣ какой-нибудь несчастный случай можетъ повести къ унынію, къ толкамъ о бесполезности жертвы и вообще ко многимъ весьма нежелательнымъ чувствамъ.

Итакъ, не увлекаясь, будемъ воспитывать въ солдатѣ добрый военный духъ: сдѣлаемъ его (солдата) сначала членомъ хорошей военной семьи; отсюда получимъ готовность къ вырुकѣ товарищей, къ поддержанію чести своей роты и т. д. Это одно уже сдѣлаетъ человѣка стойкимъ подъ пулями, а дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи солдатъ найдетъ въ самомъ содержаніи войны.

На основаніи всего вышеизложеннаго приходимъ къ слѣдующимъ тезисамъ:

1) Здоровье солдата находится въ рукахъ начальника, отъ котораго зависитъ самое широкое пользованіе совѣтами врачебной науки, вполне возможное при хорошемъ воспитаніи.

2) Дурныя условія воспитанія, при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы, вносятъ въ военное обученіе поспѣшность и безпорядокъ, при которыхъ здоровье людей ускользаетъ отъ вниманія начальника; ускользаетъ также и соображеніе о зависимости успѣха въ занятіяхъ отъ этого здоровья.

3) Самые роскошныя санитарныя средства не сдѣлаютъ значительнаго пониженія болѣзненности въ войскахъ, пока не будутъ приняты тѣ педагогическіе приемы, при которыхъ успѣхъ въ занятіяхъ достигается просто и легко, не только не ослабляя силу человѣка, а напротивъ—содѣйствуя ихъ правильному развитію.

Духовныя бесѣды въ войскахъ ¹⁾).

Въ то время, какъ солдатскія чтенія годъ отъ года развиваются и становятся, можно сказать, на степень дѣйствительнаго воспитательнаго элемента, мы, къ сожалѣнiю, далеко не можемъ сказать того же самаго о духовныхъ бесѣдахъ, веденiе которыхъ поручено полковымъ священникамъ.

Солдатскія чтенія несомнѣнно обязаны своимъ развитiемъ тому искреннему участiю, съ которымъ отнеслись читающiе офицеры къ интересамъ своихъ частей. Въмѣсто скучнаго праздничнаго вечера или бездѣльнаго препровожденiя времени въ казармѣ, гдѣ сторожить скучающаго солдата всякiй соблазнъ, онъ получаетъ теперь прiятное и полезное развлеченiе въ видѣ увлекательныхъ военныхъ разсказовъ, очерковъ изъ народнаго быта, а иногда и такихъ сообщенiй, какъ, на примѣръ: о дѣйствiи роты въ бою, о чтенiи военно-топографическихъ плановъ и т. д. Особенный, почти дѣтскiй интересъ, въ смыслѣ зрѣ-

¹⁾ Статья эта написана по матеріаламъ, собраннымъ нами десять лѣтъ тому назадъ. Нынѣ положенiе значительно измѣнилось къ лучшему, благодаря энергичному влiянiю на военное духовенство высокообразованнаго и даровитаго протопресвитера нашего, отца Желобовскаго. Отчетъ о трудахъ этого дѣятеля на пользу нашей армiи мы представимъ читателямъ въ одной изъ послѣдующихъ замѣтокъ.

лица, къ которому, вообще, склонны люди замкнутой среды, возбуждаютъ въ солдатѣ туманныя картины, запасъ которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается: нѣкоторыя части войскъ имѣютъ уже богатая коллекціи этихъ картинъ и по нѣскольгу экземпляровъ волшебныхъ фонарей съ новѣйшими приспособленіями для освѣщенія. Независимо отъ этого, во многихъ частяхъ войскъ проектируется постановка солдатскихъ спектаклей, устраиваются катальныя горы и т. д. Словомъ, солдатскія развлеченія, благодаря полному сочувствію, съ которымъ отнеслись къ нимъ офицеры, можно уже считать дѣломъ почти установившимся.

Почему же параллельно съ этимъ не развиваются и духовныя бесѣды, назначаемыя въ войскахъ наканунѣ праздничныхъ дней, когда, по народнымъ обычаямъ, не слѣдуетъ не только работать, но и предаваться развлеченіямъ! За часъ до всенощной или между всенощной и ужиномъ солдатъ съ удовольствіемъ послушалъ бы какую-нибудь содержательную духовно-нравственную бесѣду, которая принесла бы ему несомнѣнную пользу. Однако опытъ показалъ, что именно то, что называется содержаніемъ, въ духовной бесѣдѣ положительно отсутствуетъ, и потому солдатъ на службѣ не получаетъ отъ своей Церкви даже того, что получалъ онъ дома въ качествѣ прихожанина.

Этотъ вопросъ требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій.

Привлеченіе священника къ проведенію нѣкоторыхъ воспитательныхъ мѣръ въ полку составляетъ прямой интересъ начальника; но достигнуть этого, къ сожалѣнію, не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда; главнымъ препятствіемъ, помимо личныхъ достоинствъ священника, слѣдуетъ считать неизбежную осторожность при всякомъ обращеніи къ священнику требованіи, которое, при нѣкоторой неосмотрительности, можетъ зайти въ область, принадлежащую компетенціи

духовнаго вѣдомства. Съ другой стороны, священникъ стѣсненъ въ своей воспитательной дѣятельности полнымъ незнаніемъ внутреннихъ военныхъ требованій.

При такихъ условіяхъ большинство военныхъ священниковъ, не имѣя никакой нравственной связи съ солдатомъ, становятся въ положеніе казенныхъ исполнителей требъ—дѣятельность крайне узкая и по труду совершенно незначительная. Кромѣ того, священникъ гораздо больше занятъ посѣщающими церковь посторонними прихожанами, чѣмъ своими солдатами, которыхъ—надо сказать правду—онъ совсѣмъ не знаетъ.

Въ то время, какъ въ приходскихъ церквахъ священникъ несеть нѣкоторую отвѣтственность за уклоненіе прихожанъ отъ церкви, за усиленіе раскола и вообще за недостатокъ нравственнаго вліянія на приходъ, полковой священникъ даже не интересуется знать, что солдатъ дѣлаеть въ теченіе цѣлой недѣли, между воскресной обѣдней и субботней всенощной. Даже въ исполненіи тѣхъ незначительныхъ обязанностей, къ которымъ привлечены священники помимо церковныхъ службъ, мы не замѣтили рѣшительно никакихъ воспитательныхъ стремленій: ни въ классахъ учебной команды, ни на духовныхъ бесѣдахъ, которыя мы наблюдали въ разныхъ частяхъ войскъ, мы, къ сожалѣнію, не могли услышать ни одного живого слова, ни одного искренняго наставленія слушателямъ, которое могло бы произвести на нихъ впечатлѣніе, — все это сухо, вяло и въ большинствѣ случаевъ не говорится, а читается по книжкѣ.

По нашему мнѣнію, вопросы объ участіи священниковъ въ нравственномъ воспитаніи солдата должны возбуждаться военнымъ начальствомъ и разрѣшаться при участіи военно-духовнаго вѣдомства. Обязанности священника слѣдуетъ настолько опредѣлить, чтобы онъ несъ хотя нѣкоторую отвѣт-

ственность за общее состояніе нравственности въ полку, чтобы эта нравственность играла хоть какую-нибудь роль въ его служебныхъ успѣхахъ и неудачахъ.

Конечно, никакая регламентація обязанностей не въ состояніи обратить дурного дѣятеля въ хорошаго, но для священника она безусловно необходима въ смыслѣ согласованія его духовной дѣятельности съ особенностями специальныхъ военныхъ требованій. На этомъ основаніи мы находимъ положительно необходимымъ знаніе полковыми священниками нѣкоторыхъ военныхъ законоположеній, напримѣръ, входящихъ въ уставы дисциплинарный и внутренней службы. Безъ этихъ свѣдѣній священники обыкновенно стѣсняются въ своихъ бесѣдахъ съ солдатомъ и ограничиваются однѣми формальными проповѣдями, которыя не приносятъ рѣшительно никакой пользы.

Кругъ воспитательной дѣятельности священника можно сдѣлать очень обширнымъ; мы можемъ привести много примѣровъ, въ которыхъ солдатъ настоятельно нуждается въ религіозномъ утѣшеніи, въ поднятіи духа черезъ внушеніе ему религіознаго смиренія, а между тѣмъ часто ли мы видимъ священниковъ въ такихъ мѣстахъ, какъ карцеръ, госпиталь или даже просто въ ротѣ, особенно при поступленіи въ полкъ новобранцевъ. Для человѣка, скучающаго по родинѣ и потому хворающаго и дурно принимающагося за службу, — чрезвычайно важно религіозное настроеніе; а вліяніе священника на испорченнаго солдата иногда имѣетъ рѣшающее значеніе. Часто рота обходится безъ священника въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ положительно необходимъ. Возьмемъ для примѣра самый простой случай: мы обязаны заботиться, чтобы люди носили кресты, а формальная выдача креста человѣку не производитъ на него должнаго впечатлѣнія и принимается имъ, какъ и всякая выдача изъ цейхгауза казенной вещи; но передача

того же креста съ благословеніемъ отъ духовнаго лица, съ нѣсколькими теплыми словами, оставляетъ нравственный слѣдъ въ душѣ человѣка, способствуетъ утвржденію въ немъ добрыхъ религіозныхъ чувствъ. Мы были однажды свидѣтелями такой передачи креста одному изъ такъ называемыхъ «буйныхъ» арестантовъ, къ которому безъ предосторожностей никто не рѣшался входить. Съ особенной, свойственной нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ, чисто-русской манерой, которая производитъ сильное впечатлѣніе на простолюдина, священникъ благословилъ арестанта крестомъ, положилъ руку ему на голову и сказалъ не болѣе десяти словъ; но это было сдѣлано такъ искренно, съ такимъ неподдѣльнымъ участіемъ, что арестантъ невольно прослезился и сталъ съ чувствомъ цѣловать руку священника. Религіозное впечатлѣніе не замедлило обнаружиться въ поведеніи арестанта: изъ «буйнаго» онъ обратился, по крайней мѣрѣ на время, въ кроткаго и послушнаго человѣка.

Кто усомнится въ огромной пользѣ такого вліянія священника не только на нравственный уровень войскъ, но и военныхъ тюремъ? Но позволимъ себѣ спросить: практикуется ли такое вліяніе и не принадлежитъ ли приведенный примѣръ къ единичнымъ и весьма рѣдкимъ случаямъ частной инициативы?

Говоря объ обязанностяхъ священника, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что отношенія между священникомъ и солдатомъ въ войскахъ въ большинствѣ случаевъ не отвѣчаютъ народнымъ обычаямъ: въ нихъ замѣтна нѣкоторая официальность или просто начальнической тонъ, который едва ли можетъ способствовать духовному сближенію.

Народное слово «батюшка» замѣнено официальнымъ «ваше преподобіе»; вмѣсто простого и всегда радушнаго привѣтствія, какъ это бываетъ въ деревнѣ, священникъ здоровается

съ людьми какъ офицеръ, и любить, когда они отвѣчаютъ въ одинъ голосъ: «здравія желаемъ!» Проходя по ротѣ, священникъ никогда почти не остановится, не заговоритъ съ людьми и вообще обнаруживаетъ склонность къ установленію между собой и солдатомъ чисто внѣшнихъ дисциплинарныхъ отношеній. Прекрасный обычай простолюдина подходить подъ благословеніе къ своему священнику окончательно исчезаетъ въ войскахъ. Ни разу, во всю нашу службу, намъ не пришлось видѣть священника, окруженнаго солдатами, за простой радушной бесѣдой, какъ это бываетъ въ деревенскихъ приходахъ. Возможно ли при такихъ условіяхъ нравственное общеніе солдата съ своимъ духовникомъ?

Наблюдая въ деревнѣ ушедшихъ со службы солдатъ, мы замѣтили въ нихъ нѣкоторое пренебреженіе къ хорошимъ христіанскимъ обычаямъ, которое заносится ими въ ихъ семьи и неблагоприятно отражается вообще на бытѣ крестьянъ. Это результатъ бездѣйствія одного изъ главныхъ воспитательныхъ элементовъ военного быта — полковой церкви.

Намъ кажется, что священникъ долженъ держать себя съ солдатомъ, какъ съ обыкновеннымъ прихожаниномъ, не поначальнически, а какъ духовникъ, просто, не натянуто, — чтобы всякій солдатъ не стѣснялся подойти къ нему, поговорить, просить добраго совѣта. Это нисколько не исключаетъ известную дисциплину, которая имѣетъ мѣсто во всякомъ руководствѣ; но дисциплина церковная имѣетъ совершенно особый смыслъ и ни въ какомъ случаѣ не должна смѣшиваться съ дисциплиной военной: требованіе отъ солдата, чтобы онъ прилично и со вниманіемъ стоялъ на молитвѣ, умѣлъ какъ слѣдуетъ подойти къ кресту и даже требованіе уваженія къ духовному лицу не имѣетъ ничего общаго со знаками наружнаго чинопочитанія, котораго, какъ мы уже замѣтили, добиваются многіе священники.

Мы не беремъ на себя смѣлости указывать приемы духовнаго вліянія священника на простолюдина; но мы считаемъ долгомъ указать на главнѣйшія духовныя нужды солдата, удовлетвореніе которыхъ отразилось бы весьма благотворно на его нравственности. Хорошій солдатъ настоятельно нуждается въ постоянномъ поддержаніи тѣхъ хорошихъ нравственныхъ началъ, которыя онъ приноситъ на службу изъ своей набожной семьи; въ дурномъ солдатѣ, при хорошемъ духовномъ вліяніи, такія начала могутъ быть вызваны къ жизни. Отвѣчать на эти нравственныя нужды солдата могутъ: 1) общая проповѣдь объ обязанностяхъ христіанина, но непременно содержательная, живая, исполненная участія къ человѣку; 2) особая проповѣдь о нравственныхъ обязанностяхъ воина; 3) посѣщеніе священникомъ карцеровъ и вообще мѣстъ заключенія для соотвѣтствующихъ проступкамъ людей духовныхъ наставленій; 4) посѣщеніе лазаретовъ и госпиталей для нравственнаго утѣшенія больныхъ; 5) посѣщеніе казармъ для ознакомленія вообще съ бытомъ солдата, котораго священники совсѣмъ не знаютъ; 6) особое участіе къ нравственнымъ нуждамъ прибывающихъ въ полкъ новобранцевъ; 7) посѣщеніе полковыхъ и окружныхъ судовъ для ознакомленія съ мотивами солдатскихъ преступленій и т. д.

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что нравственность простолюдина главнымъ образомъ основывается на церкви и на хорошей семьѣ; человѣкъ, лишенный вліянія этихъ главныхъ воспитательныхъ элементовъ, тотчасъ же начнетъ портиться, постепенно переходя отъ мелкихъ сдѣлокъ со своей совѣстью къ крупнымъ. Если условія воспитанія въ ротѣ въ послѣднее время значительно повысились и хорошая рота, къ которой человѣкъ привязывается, представляетъ для него въ своемъ родѣ хорошую семью, то желательно, чтобы и другой воспитательный элементъ — церковь — не бездѣйствовалъ въ жизни и службѣ солдата.

Мысли о солдатскомъ искусствѣ.

I.

Жалобы на недостатокъ времени въ нашихъ занятіяхъ давно уже сдѣлались общимъ мѣстомъ. Одни жалуются на караульную службу, другіе на полковыя и ротныя мастерскія, третьи на неразвитіе нашего солдата, который-де не можетъ поспѣвать за солдатомъ западно-европейскихъ армій. Не жалуемся мы только на наши собственные недостатки, а именно на неумѣніе вести человѣка кратчайшимъ путемъ къ той цѣли, для которой онъ призванъ на службу. Нельзя, однако, сказать, что мы въ этомъ отношеніи не исправляемся: въ послѣдніе годы замѣчено особенное усердіе со стороны офицеровъ въ примѣненіи разумныхъ методовъ обученія, въ приисканіи способовъ наивыгоднѣйшей эксплуатаціи природной смысленности солдата и его усердія. Къ сожалѣнію, этимъ еще не достигается полный успѣхъ въ нашемъ дѣлѣ: *лучшія воспитательныя средства могутъ быть растрачены по пустякамъ, если хорошему методу не будутъ сопутствовать цѣлесообразныя требованія.*

Современные методы обученія мы пытались разобрать въ предыдущихъ замѣткахъ, а потому теперь остановимся на курсовыхъ требованіяхъ.

Едва ли найдется военный дѣятель, который не согласился бы съ тѣмъ, что въ мирное время очень вредно обучать солдата тому, что непригодно на войнѣ и что не можетъ служить даже подспорьемъ при изученіи военного дѣла. Эта азбучная истина известна намъ со школьной скамейки; но тѣмъ удивительнѣе тотъ несомнѣнный фактъ, что *въ наши занятія часто вкрадываются и упорно держатся требованія, совершенно противорѣчающія этому основному принципу.* Въ происхожденіи такихъ требованій и въ ихъ живучести виновать прежде всего личный составъ дѣятелей, злоупотребляющихъ своею инициативой при выборѣ способовъ для выполненія официальныхъ инструкцій, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что часть этого непроезжительнаго балласта вкралась и въ наши уставы, благополучно переживая многіе ихъ пересмотры, какъ, напримѣръ, нѣкоторые ружейные приемы, натянутый, трудно заучиваемый шагъ и бѣгъ, совершенно ненужныя словесныя познанія, отнимающія время отъ практической подготовки, и т. д. Конечно, при хорошихъ методахъ заучиваніе чего-нибудь лишняго не представляетъ большой опасности; но если это лишнее будетъ возводиться въ главное, если, кромѣ того, будетъ выдумываться еще многое, не отвѣчающее духу устава, — тогда уже является совершенная невозможность обучать солдата прямо и неуклонно его дѣйствительному дѣлу.

Главный нашъ недостатокъ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что, уча солдата, сами мы недостаточно учимся и черезъ это иногда оказываемся несостоятельными въ уразумѣніи того сложнаго предмета, который называется «подготовкой части къ бою» и для котораго написаны всѣ наши уставы, наставленія и инструкціи, въ томъ, конечно, предположеніи, что войска будутъ ихъ исполнять не только по буквѣ, но и по духу.

Являющійся послѣдствіемъ такого положенія недостатокъ

искусства мы часто стараемся скрашивать внѣшнимъ блескомъ и въ результатѣ получаемъ солдата, отлично марширующаго, превосходно дѣлающаго ружейные приемы, исправно стоящаго на часахъ до перваго неприятнаго случая, напримѣръ, до побѣга арестантовъ и т. д. Наконецъ, мы имѣемъ отличнаго стрѣлка на стрѣльбищѣ, но подчасъ теряющагося при условіяхъ случайныхъ, которыя представляетъ всякій бой.

Конечно, внѣшній блескъ войскъ — вещь очень хорошая; мы сами стоимъ за лихость, подвижность, красивую стойку, однообразіе въ шагѣ и въ приемахъ и т. д.; но полагаемъ, что такой видъ нисколько не пострадаетъ, а общая подготовка солдата значительно подыметься, если мы замѣнимъ натянутый шагъ свободнымъ, уничтожимъ нѣсколько безцѣльныхъ ружейныхъ приемовъ, а главное — не будемъ выдумывать своихъ собственныхъ украшеній строя, скорѣе отвѣчающихъ нашей затѣйливой фантазіи, чѣмъ духу устава.

II.

Для наглядности возьмемъ какой-нибудь родъ упражненій и прослѣдимъ его развитіе на практикѣ, положимъ, ружейные приемы.

Пологаемъ, что даже врагъ муштровки, храбро отрицающій ея значеніе въ искусствѣ, не станетъ отрицать извѣстной пользы этихъ упражненій, въ смыслѣ приученія солдата къ ловкому обращенію съ ружьемъ. Нѣкоторые изъ этихъ приемовъ, какъ, напримѣръ, относящіеся къ прикладкѣ, требуютъ значительной чистоты, ибо отъ нихъ зависитъ удобство стрѣльбы изъ сомнутаго строя, скорость заряжанія, а главное — они избавляютъ стрѣлка отъ постояннаго безпокойства о неловкомъ положеніи ружья, которое мѣшаетъ ему сосредоточить все свое вниманіе на разумномъ выстрѣлѣ.

Нужна также извѣстная чистота и въ приемѣ «на плечо»,

безъ которой люди будутъ беспокоить другъ друга при поворотахъ, и вообще сомкнутый строй будетъ имѣть безобразный видъ; нуженъ еще чистый приемъ «на руку» да одинъ приемъ для отданія чести. Казалось бы, что и этого довольно, ибо при пяти положеніяхъ ружья является нѣсколько десятковъ переходовъ отъ одного положенія къ другому, да еще каждый переходъ имѣетъ раздѣленія.

Но оставимъ уставъ въ покое: два-три лишнихъ, но точно опредѣленныхъ приема затрудненія большого не составляютъ; опасность не въ нихъ, а въ тѣхъ украшеніяхъ, которыя мы сами выдумываемъ и произвольно навѣшиваемъ ихъ на строй.

Приведемъ примѣры такихъ украшеній, чтобы судить о гнетѣ, какимъ они ложатся на учебное дѣло въ войскахъ:

1) Положимъ, у васъ люди отлично держатъ ружье «на караулъ», съ установленнымъ уставомъ сгибомъ лѣвой руки. Вамъ стоило большого труда добиться этой чистоты, вложить ее въ навѣкъ людямъ; но вдругъ приходитъ начальникъ и замѣчаетъ, что это некрасиво: руки у людей неровны, и потому при одинаковомъ сгибѣ не выходятъ на одной линіи. Онъ приказываетъ людямъ съ длинными руками держать лѣвыя руки подъ острымъ угломъ, а съ короткими — подъ тупымъ. Переучивать то, что уже затвердилось, вошло въ рефлексъ, задача не легкая; вы стараетесь точно опредѣлить каждому человѣку положеніе его руки, сто разъ предупреждаете передъ командой, чтобы брали по-новому; но, если во сто первый разъ забудете предупредить, то навѣрно найдется человѣкъ пять съ ненормальными руками, которые возьмутъ по-старому. Наконецъ, вы добились; всѣ люди берутъ по-новому; но на первомъ же инспекторскомъ смотру вамъ совершенно правильно замѣчаютъ, что лѣвыя руки держатся не по уставу, и заставляютъ васъ снова переучивать. На слѣдующемъ смотру новый начальникъ можетъ сдѣлать обратное замѣчаніе и т. д.

2) Вамъ стоило очень большого труда приучить новобранцевъ соблюдать въ приемахъ требуемый уставомъ тактъ; но на смотру вамъ замѣчаютъ, что такой тактъ вялъ, и заставляютъ васъ дѣлать приемы чаще; вы переучиваете, тратите на это время, и вдругъ попадаете на смотръ къ другому начальнику, который замѣчаетъ, что вашъ тактъ суетливъ и что приемы слѣдуетъ дѣлать рѣже; вы опять переучиваете по-старому и т. д.

3) У васъ «на карауль» держатъ превосходно; но есть руководители, которые не переносятъ, когда пальцы лѣвой руки, лежащія на ружейномъ ремнѣ, выдаются суставами; отъ васъ требуютъ, чтобы они лежали площадкой. Эта площадка достигается съ египетскимъ трудомъ, и часто весь курсъ не даетъ вамъ покоя. Люди съ толстыми и неуклюжими пальцами муштруются отдѣльно и, какъ безнадежные, переводятся въ заднюю шеренгу, при чемъ находятся педагоги, которые ихъ за это наказываютъ.

4) На строевомъ смотру иногда приходится получать неопредѣленные замѣчанія, напримѣръ: «у васъ люди неправильно машутъ рукой на ходу съ «ружьемъ на плечо». Этого достаточно, чтобы маханіе рукой сдѣлалось вопросомъ дня; о немъ толкуютъ, совѣщаются, назначаютъ особое показное ученье, гдѣ продѣлывается маханіе на различныя манеры, и часто останавливаются на способъ, который начальнику опять не понравится. Такимъ образомъ переучиванія могутъ слѣдовать одно за другимъ, непрерывно, и то, что съ васъ требуютъ сегодня, можетъ оказаться никуда не годнымъ завтра. Такія переучиванія, основанныя отчасти на непониманіи духа устава, но больше на желаніи блеснуть собственной выдумкой, иногда опутываютъ всѣ наши занятія и особенно строевое ученье, гдѣ сегодня требуется быстрый поворотъ на ходу, а завтра

съ выдержкой, въ размѣрѣ шага; сегодня частый шагъ, а черезъ мѣсяць рѣдкій, и т. д.

Иногда такія увлеченія доходили до полной безсмыслицы; такъ, напримѣръ, во время прикладки, во избѣжаніе порчи оружія, запрещаютъ открывать затворъ, а безъ этого примѣрное заряжаніе на ружейныхъ приемахъ выходитъ очень некрасивымъ — кажется, какъ будто солдатъ креститъ ружье. Не такъ давно бывали случаи, что, для приданія красоты этому приему, заставляли человѣка, вмѣсто заряжанія, хлопать четыре раза ладонью по ружью, два раза сбоку и два сверху. Такое хлопанье очень эффектно и при извѣстныхъ требованіяхъ можетъ произвести сенсацію на смотрѣ.

III.

Вотъ образчики увлеченій, наносящихъ ущербъ военному дѣлу, отнимающихъ у насъ массу времени и всякую возможность сосредоточить наше вниманіе на дѣйствительной подготовкѣ солдата къ бою, какъ на главной и конечной цѣли всѣхъ нашихъ трудовъ. Конечно, есть части войскъ, руководимыя просвѣщенными, понимающими свое дѣло, начальниками; и, вѣроятно, нѣтъ ни одной части, которая соединяла бы въ себѣ всѣ приведенные недостатки; но довольно и того, что безцѣльные требованія не мнѣе, а дѣйствительность, которая не можетъ не броситься въ глаза человѣку, интересующемуся развитіемъ нашей арміи; довольно и того, чтобы обратить на подобныя требованія серьезное вниманіе, а не сожалѣть о бесплодности ихъ только тогда, когда армія наша подвергнется новому испытанію, которое, можетъ быть, уже не за горами...

Всѣ вышеприведенныя увлеченія ведутъ, главнымъ образомъ, къ недостатку въ тактической подготовкѣ нашихъ войскъ, на который уже обращено вниманіе въ нашу послѣднюю войну,

и по поводу котораго уже высказались нѣкоторые выдающіеся представители нашей науки. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія небольшой очеркъ тактической подготовки нашихъ войскъ передъ войной 1877—1878 годовъ, г. Пузыревскаго, предпосланный его сочиненію «Десять лѣтъ назадъ».

Въ самомъ дѣлѣ, если цѣль ружейныхъ приемовъ, маршировки и другихъ упражненій будетъ заключаться въ производимомъ ими эффектѣ, а цѣль стрѣльбы — въ высокомъ процентѣ на стрѣльбищѣ и т. д., и если это будетъ конечная цѣль, далѣе которой мы можемъ заноситься только въ мечтахъ, то можетъ ли при такихъ условіяхъ процвѣтать наше искусство? Гдѣ же тутъ воспитаніе офицера, какъ будущаго руководителя въ бою, если онъ приучается съ юныхъ лѣтъ придавать огромное значеніе эффектному маханію рукой на вольномъ шагѣ, звонкому хлопанью по ружью во время приемовъ и т. д. и очень мало беспокоится о томъ, что его рота теряется, опалѣвается, стрѣляетъ Богъ знаетъ куда, будучи поставлена въ обстановку дѣйствительнаго боя, и что самъ онъ въ этой обстановкѣ чувствуетъ себя какъ въ лѣсу, не имѣя ни навыка, ни тактическаго развитія.

Одного только не можетъ убить въ нашемъ воинѣ дурная школа, а именно—его героизма, которымъ мы уже много разъ побѣждали и, вѣроятно, будемъ побѣждать; но побѣда однимъ героизмомъ дается дорого, а исторія неоднократно показывала, какъ дешево обходились намъ громадныя успѣхи, когда къ героизму присоединялось хорошее обученіе. Суворовъ умѣлъ готовить войска къ бою въ самое короткое время, войска, совершенно не обученныя, состоящія наполовину изъ новобранцевъ, и обращалъ ихъ въ лучшихъ въ мірѣ солдатъ. Въ его школѣ были немислимы наши увлеченія; онъ шелъ прямо къ цѣли, развивалъ и муштровалъ какъ офицера, такъ

и солдата; но и то, и другое дѣлалъ не по-нашему; развитіе у него было простое, практическое, относящееся прямо къ дѣлу; оно достигалось, повидимому, шуточнымъ, но въ сущности систематическимъ преслѣдованіемъ «немогузнайства» въ тѣхъ вопросахъ, которые каждый долженъ научиться рѣшать практически, прежде чѣмъ идти въ бой. Муштровка суворовская заключалась въ твердомъ усвоеніи основаній строя, его техническихъ началъ, гдѣ все лишнее, не идущее къ дѣлу, имъ безопадно осмѣивалось и преслѣдовалось. Суворовъ допуская и ружейные приемы, насколько они необходимы для мастерского обращенія съ ружьемъ; но, воображаемъ, насколько было бы оскорблено его гениальное художественное чутье, если бы онъ увидѣлъ, что его ученикъ тратитъ драгоценное время на установленіе «площадки» въ приѣмѣ «на-крауль»; мы не можемъ даже представить себѣ, въ какое бы онъ пришелъ раздраженіе. Войска, усвоившія уставные порядки и стрѣльбу въ цѣль, немедленно привлекались Суворовымъ къ самымъ разнообразнымъ полевымъ упражненіямъ, гдѣ особенное вниманіе обращалось на укрѣпленіе духа, на развитіе спокойствія, при которомъ только и возможны осмысленныя дѣйствія въ бою. Кавалерія училась не бояться пѣхоты, а пѣхота — кавалеріи; пушки, по выраженію Суворова, учились не бояться лошадей, а лошади — пушекъ и т. д. Офицеры и солдаты, проведенные черезъ такую школу, являлись дѣйствительными мастерами своего дѣла, для которыхъ бой, со всеми его случайностями, былъ предметомъ знакомымъ, изученнымъ на практикѣ. Они не только не терялись въ бою, а, напротивъ — пользовались всякимъ замѣшательствомъ непріятеля и шли на него смѣло, увѣренно, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не смущаясь превосходствомъ его силъ, твердо вѣря въ испытанное на практикѣ могущество «глазомѣра, быстроты, натиска» и т. д. Эта школа, созданная ге-

ніемъ Суворова, отразилась на всѣхъ нашихъ послѣдующихъ войнахъ: она дала намъ знаменитыхъ предводителей въ лицѣ его бывшихъ учениковъ, и, можетъ быть, ей же мы обязаны освобожденіемъ отечества отъ французовъ.

IV.

Итакъ, если мы вѣримъ въ могущество суворовской школы, то почему же наша школа утратила суворовскіе принципы? Быть можетъ, намъ скажутъ, что скорострѣльное оружіе измѣнило тактику; но вѣдь основанія суворовской школы безсмертны: поднятіе духа войскъ, спокойная встрѣча случайностей, разумъ и искусство, основанное на тщательномъ изученіи каждымъ чиномъ ближайшей къ нему боевой обстановки—все это вещи, которыя и черезъ тысячи лѣтъ не будутъ отвергнуты наукой. Дѣло не въ тактикѣ, а въ томъ, что у насъ иногда не хватаетъ умѣнья правильно вести обученіе. Возьмемъ хоть развитіе солдата. Въ этомъ дѣлѣ Суворовъ за большимъ не гонялся, но у него не было «немогузнаекъ» во всемъ томъ, что касается маленькаго солдатскаго мастерства. Мы гоняемся за большимъ развитіемъ, котораго потребовало скорострѣльное оружіе, но въ сущности не достигаемъ и того, котораго достигалъ Суворовъ: у Суворова солдаты учили на память только одинъ его «катихизисъ», во всемъ же остальномъ развивались на практикѣ; мы же сидимъ на такъ называемой «словесности», заставляя солдата заучивать разныя опредѣленія, упражняя его память въ ущербъ разсудку; а вотъ послѣдствія такого обученія: солдатъ, отлично знающій всю касающуюся «сбереженія ружья» словесность, часто не умѣетъ вычистить своего ружья, не умѣетъ уберечь его отъ сырости, гнетъ стволъ, сбиваетъ мушку и т. д.; а солдатъ, превосходно отвѣчающій «причины невѣрности выстрѣловъ», ни одной изъ нихъ не пользуется на боевой стрѣльбѣ.

Иногда, желая развить солдата, мы, сами того не сознавая, притупляемъ его, внушаемъ ему отвращеніе къ развиваемому въ немъ искусству. Къ такимъ явленіямъ слѣдуетъ отнести вдалбливаніе челоуѣку въ голову такъ называемой «теоріи стрѣльбы», для уразумѣнія которой нужна математическая подготовка.

Что сказалъ бы Суворовъ, если бы увидѣлъ, на примѣръ, такую сцену:

— Что такое ось канала?—спрашиваетъ солдата офицеръ.

Солдатъ переминается на ногахъ, шепчетъ про себя что-то заученное, но боится произнести его невпопадъ.

— Ну, что же?

— Запомнотвалъ, ваше высокоблагородіе.

— Какъ запомнотвалъ? Подойди къ ружью, посмотри.

Солдатъ подходитъ ко вставленному въ станокъ ружью, внимательно его осматриваетъ, заглядываетъ въ стволъ, опять переминается на ногахъ и безнадежно вздыхаетъ. Крапинки пота выступаютъ отъ мозговыхъ усилій на его лбу.

— Такъ-что... «ихъ» сейчасъ здѣсь нѣту,—отвѣчаетъ онъ наконецъ.

— Чего—«ихъ?»

— Такъ точно, в—іе,—оси...

— Какъ?!

— Оси, в—іе: взводный, Иванъ Егоровичъ, вынули...

Офицеръ начинаетъ развивать понятіе о линіи, но безуспѣшно: для солдата ось канала навсегда останется ниткой, которую вчера продѣвали въ ружье и которая сегодня лежитъ у взводнаго въ карманѣ. Воображаемъ Суворова, глядящимъ на эту сцену.

«Помилуй Богъ: глупостями занимаетесь! — Глазомъ, быстрота, натискъ, побѣда, слава, а для этого солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшиму,—вотъ что нужно,

г. офицеръ!» навѣрно сказалъ бы старикъ да еще, пожалуй, выругался бы «немогузнайкой», «лживкой» и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего, во имя какой идеи продѣлывается эта комедія? Для чего солдату эти отвлеченныя понятія? Неужели только изъ-за боязни, что на инспекціи могутъ предложить человѣку вопросъ изъ теоріи стрѣльбы? Намъ нуженъ не ученый стрѣлокъ, а стрѣлокъ-мастеръ. Мы видали простыхъ охотниковъ, не имѣющихъ понятія о законахъ полета дроби, но зато въ практическомъ развитіи достигающихъ виртуозности изумительной, которая можетъ служить идеаломъ солдату. Полагаемъ, что въ такомъ направленіи должно идти и наше стрѣлковое развитіе: солдату слѣдуетъ на практикѣ видѣрить убѣжденіе, что при извѣстномъ соображеніи съ разстояніемъ, погодой и мѣстностью, при извѣстной сноровкѣ въ прикладкѣ и т. д. онъ вѣрно попадетъ въ цѣль, и этого совершенно достаточно, ибо все остальное есть дѣло навыка. Замѣчательно, что отлично отвѣчающій изъ «наставленія» солдатъ часто обнаруживаетъ на стрѣльбѣ изумительную тупость; а какой-нибудь хлѣбопекъ, никогда не слыхавшій этихъ мудростей, вдругъ становится разумнымъ стрѣлкомъ, уразумѣвъ свое дѣло на практикѣ.

Подобныя же недостатки въ развитіи замѣчаются и въ унтеръ-офицерской школѣ, въ чемъ отчасти виновата старая программа полковыхъ учебныхъ командъ, давно уже нуждающаяся въ пересмотрѣ. Въмѣсто систематическаго посвященія ученика въ кругъ тѣхъ сложныхъ обязанностей, которыя выпадаютъ нынѣ на долю унтеръ-офицера, мы тратимъ массу времени на заучиваніе, напримѣръ, такихъ вещей: изъ чего состоитъ конно-горная батарея, артиллерійскій и понтонный паркъ и т. д. Черезъ это выходятъ изъ школы унтеръ-офицеры, получившіе по 5 балловъ изъ многихъ сложныхъ предметовъ,

но не умѣющіе приступить къ новобранцу и совершенно теряющіеся въ дѣли, въ качествѣ мелкихъ начальниковъ.

Какой мнѣ толкъ въ унтеръ-офицерѣ съ вынесенными изъ учебной команды познаніями, если онъ не умѣетъ преподавать новобранцу ни ружейныхъ приѣмовъ, ни гимнастики, а особенно пресловутой «словесности», которая въ рукахъ такого унтеръ-офицера является истиннымъ бичомъ развитія. Вотъ примѣръ такого обученія: «повторяй за мной: знамя есть воинская». — «Знамя есть воинская». — «Святыня». — «Святыня». — «Подъ знаменемъ собираются». — «Теперь скажи все сразу» и т. д.

V.

Итакъ, по приведеннымъ примѣрамъ можно судить, насколько основательны наши жалобы на недостатокъ времени въ занятіяхъ; да, времени дѣйствительно мало, но потому, что значительная часть его тратится непроизводительно. Значительная часть утренняго времени уходитъ на ружейные приѣмы, а въ иную трудную минуту о гимнастикѣ и фехтованіи не хочется даже думать; послѣобѣденное время почти все уходитъ на «словесность» и—да простятъ намъ—на весьма сомнительную, въ смыслѣ выучки, стрѣльбу дробинками, которая не даетъ солдату впечатлѣній выстрѣла. Для ротныхъ ученій и для такихъ важныхъ вещей, какъ утвержденіе въ механизмѣ разсыпного строя и аванпостовъ, рѣшительно нѣтъ времени, и потому эти предметы послѣшно проходятся въ лагеряхъ, рядомъ съ заслоняющимъ ихъ главнымъ предметомъ—стрѣльбой, которая занимаетъ половину лагернаго времени; но больше всего заслонена стрѣльбой именно та школа, гдѣ офицеръ и солдатъ могли бы получить хоть какую-нибудь практику въ обстановкѣ примѣрнаго боя: маневры большими частями назначаются преимущественно для высшихъ начальниковъ, а

мелкія тактическія упражненія или такъ называемыя «кусты» въ большинствѣ случаевъ, не поучительны, вслѣдствіе незнанія прикладнаго устава. Оцѣнка дѣйствій на этихъ ученіяхъ недостаточно устойчива, не всегда опирается на основныя научныя выводы, и потому представляетъ подобіе критики безъ критериума. Словомъ, настоящей, строго поставленной школы для воспитанія мелкихъ распорядителей въ бою, какъ изъ офицеровъ, такъ и изъ нижнихъ чиновъ, въ дѣйствительности не существуетъ. Впрочемъ, попытки къ установленію такой школы въ послѣднее время начали проявляться въ нѣкоторыхъ округахъ.

Итакъ, недочеты въ нашихъ занятіяхъ, даже при хорошихъ методахъ обученія, являются слѣдствіемъ неправильныхъ требованій, несоображенныхъ ни съ духомъ устава, ни съ офиціальными инструкціями. Кто же главнымъ образомъ является предъявителемъ такихъ требованій? — Имъ можетъ явиться всякій начальникъ, начиная съ ротнаго командира, начальникъ, познавшій выгоду легкихъ успѣховъ, искусившійся на одностороннихъ смотрахъ, гдѣ общая подготовка солдата отодвигается на задній планъ, а на первый выступаютъ доведенные до изумительной чистоты ружейныя приемы, натянутый шагъ и бѣгъ, стрѣльба съ опредѣленныхъ дистанцій и т. д. На всякомъ такомъ смотрѣ человѣка съ военной жилкой беретъ невольное раздумье: все это, думается ему, — и приемы, и высокое подыманіе выпрямленной ноги, и даже (страшно сказать) высокій процентъ на стрѣльбищѣ, все это пойдетъ на смарку при первомъ столкновеніи съ непріателемъ. Непріателя фокусами ружейныхъ приемовъ не удивишь, а высокій процентъ на стрѣльбищѣ безъ соотвѣтственнаго развитія находчивости солдата по отношенію къ мѣстности, разстоянію, различнымъ видамъ противника, да еще въ рукахъ неопытнаго, неискускаго ротнаго командира, представляетъ величину весьма и весьма сомнительную.

Думается намъ, что для оживленія нашего дѣла слѣдуетъ, прежде всего, измѣнить въ корнѣ порядоки смотровъ и смотровыхъ требованій; нужно, чтобы мы, строевые работники, не знали ни дня, ни часа, когда насъ потребуютъ къ отвѣту; а отвѣтъ этотъ долженъ заключаться не въ одностороннихъ требованіяхъ, а обнимать, по возможности, всю воспитательно-образовательную работу, которая въ извѣстный мѣсяць учебнаго года должна выразаться въ извѣстныхъ результатахъ; окончательная же повѣрка курсовыхъ познаній, во всемъ ихъ объемѣ, должна производиться не только на плацу и на стрѣльбищѣ, но и въ полѣ, гдѣ каждая рота должна показать свое искусство сначала въ прикладномъ уставѣ, а затѣмъ на боевой стрѣльбѣ, на болѣе или менѣе сложномъ тактическомъ ученіи, а если можно, то и на ученіи съ боевыми патронами.

О подготовкѣ роты къ бою.

бращающаяся нынѣ въ войскахъ книжка г. М. Драгомирова подъ заглавіемъ: «Опытъ руководства для подготовки частей къ бою», представляетъ большой интересъ. Мы думаемъ, что этой книжкѣ, указывающей войсковымъ начальникамъ правильный путь для достиженія дѣйствительнаго умѣнья въ военномъ дѣлѣ, предстоитъ большая роль въ будущемъ. Имѣя въ виду сказать нѣсколько словъ по поводу этого сочиненія, мы сначала попытаемся разобрать причины, почему именно теперь оно почти не имѣетъ примѣненія въ нашемъ войсковомъ обученіи.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ: все ли мы имѣемъ для той высокой степени подготовки роты, которую рекомендуетъ авторъ названнаго сочиненія и къ которой конечно должна стремиться всякая благоустроенная армія? На первый взглядъ кажется, что все. Какъ воспитательныя средства нашей арміи, такъ и обучаемый матеріалъ въ послѣднее время значительно повысился. Нашъ офицеръ достаточно свѣдуещъ въ предѣлахъ своего круга обязанностей и, можетъ быть, только нуждается въ большемъ тактическомъ развитіи; никто уже теперь не барствуетъ на службѣ, а всѣ усердно занимаются скромнымъ, но очень сложнымъ дѣломъ; нашъ солдатъ мало развитъ и малограмотенъ, но, при извѣстныхъ воспита-

тельныхъ мѣрахъ, оказываетъ прекрасные успѣхи, благодаря приносимому на службу усердію къ дѣлу и несомнѣннымъ природнымъ дарованіямъ. Едва ли въ какой нибудь арміи есть солдаты, которые такъ чувствовали бы авторитетъ офицера, какъ наши; тысячи примѣровъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, доказываютъ, что нашъ офицеръ вполне можетъ овладѣвать солдатомъ и направлять его умственныя, нравственныя и физическія силы на какой угодно предметъ. Наконецъ лучшіе методы преподаванія, значительно берегающіе здоровье и время солдата, становятся достояніемъ войскъ и т. д.

Чего же недостаетъ для той высокой степени боевой подготовки роты, которой могло бы сослужить отличную службу предлагаемое г. Драгомировымъ руководство? На такіе вопросы всегда слышатся банальные отвѣты: «у насъ нѣтъ времени, — мы заняты караульной службой, и потому старыхъ солдатъ почти не видимъ на ученіи; наши новобранцы едва успѣваютъ проходить курсъ; все это при выходѣ въ лагери прежде всего нуждается въ набивкѣ ноги, въ общей строевой выправкѣ» и т. д.

Дѣйствительно, караульная служба отнимаетъ много времени, но въ ней ли главная причина нашихъ недочетовъ въ боевой подготовкѣ роты? При самыхъ усиленныхъ нарядахъ, мы все-таки имѣемъ отъ семи до девяти дней въ мѣсяцъ, въ которые можемъ собрать всю роту; да если къ этому приложимъ два мѣсяца лагерныхъ, то получимъ весьма почтенный запасъ времени, въ которое многое можно сдѣлать. Вглядѣвшись въ дѣло попристальнѣе, мы должны будемъ указать на одинъ отдѣлъ занятій, который настолько обширенъ, что поглощаетъ значительную часть зимняго и добрую половину лагернаго времени. Отдѣлъ этотъ обусловливается точнымъ исполненіемъ «Наставленія для обученія стрѣльбѣ».

Избави насъ Богъ отъ мысли, что солдату не слѣдуетъ быть хорошимъ стрѣльцомъ; мы также далеки отъ того, чтобы критически относиться къ «Наставленію», основательно выработанному и прекрасно достигающему своихъ *спеціальныхъ* цѣлей; мы только позволимъ себѣ предложить на обсужденіе скромный вопросъ: не нарушаютъ ли *усиленные* занятія стрѣльбою общей гармоніи въ боевой подготовкѣ роты?

Отведеніе должнаго мѣста подготовительнымъ къ стрѣльбѣ упражненіямъ и вообще всему курсу стрѣльбы мы считаемъ вопросомъ первостепенной важности, а потому попытаемся анализировать этотъ предметъ.

Прежде всего мы позволимъ себѣ замѣтить, что добросовѣстное выполненіе всѣхъ предлагаемыхъ «Наставленіемъ» совѣтовъ безусловно приводитъ къ весьма высокимъ процентамъ на стрѣльбищѣ; но этого нельзя сказать о боевой стрѣльбѣ, результаты которой обыкновенно получаются слабые. Между тѣмъ, если станемъ сравнивать двѣ роты, изъ которыхъ одна даетъ на стрѣльбищѣ 40⁰/₀, а на боевой стрѣльбѣ—15⁰/₀, а другая, при постоянныхъ условіяхъ, почти не даетъ промаха, а при случайныхъ—попадаетъ изъ 100—10 пуль, то, вѣроятно, никто не задумается поставить первую роту выше второй. Сколько разъ мы бывали свидѣтелями, какъ лучшія въ полкахъ роты проваливались на боевой стрѣльбѣ, а худшія—давали поразительно хорошіе результаты, и всякій разъ приходило намъ въ голову, что люди этихъ худшихъ ротъ лучше выучены въ общемъ и лучше готовы къ бою, чѣмъ ихъ теряющіеся товарищи. Вообще слѣдуетъ помнить, что успѣхъ стрѣльбы, обставленной случайностями боя, только отчасти зависитъ отъ искусства, приобретаемаго на стрѣльбищѣ; вообще же этотъ успѣхъ обеспечивается хорошей общей подготовкой роты по многимъ отдѣламъ воспитанія и образованія, ибо такая стрѣльба представляетъ сводку этихъ отдѣловъ.

Никогда солдатъ не попадаетъ въ дѣйствительномъ бою или, можетъ быть, попадетъ только случайно, если въ немъ не воспитано спокойствіе въ строю, умѣнье быстро, но не суетливо исполнять команды, приказанія и даже жесты начальника, умѣнье быстро и толково примѣняться ко всевозможнымъ видамъ мѣстности, опредѣлять разстояніе глазомъ, распознавать нѣпріятеля и быстро ловить его на прицѣль своего оружія съ искусствомъ опытнаго охотника. Слѣдовательно, главное заключается въ общей подготовкѣ.

Опытъ показалъ, что если у васъ рота даетъ на стрѣльбищѣ 30⁰/₀, то стоитъ приложить только немножко вниманія, чтобы получить 40⁰/₀; но перевести съ 40 на 50 уже гораздо труднѣе, а если вы получаете 70⁰/₀ и, желая перестрѣлять сосѣднія части, непременно хотите дойти до 80⁰/₀, то вы этимъ задаете и себѣ, и людямъ почти непреоборимыя трудности и, сами того не сознавая, наносите ущербъ военному дѣлу, оставаясь при этомъ отличнымъ, дорожающимъ успѣхами своей роты, офицеромъ. Здѣсь, конечно, виноваты не вы, а виноваты спросъ въ арміи на такіе успѣхи. Это уже опянѣніе искусствомъ, часто сопряженное съ надрывомъ силъ, съ невольной апатіей къ другимъ отдѣламъ образованія. Спрашивается: зачѣмъ, во имя какой идеи добиваются этихъ лишнихъ 10-ти процентовъ сверхъ самой высокой оцѣнки, когда практика сплошь и рядомъ доказываетъ, что такіе успѣхи на боевой стрѣльбѣ имѣютъ значеніе нуля, а иногда и отрицательной величины? Можетъ ли быть свѣжимъ и бодрымъ ротный командиръ, а также и его люди, на тѣхъ занятіяхъ, которыя идутъ параллельно со стрѣльбой, когда эта стрѣльба отнимаетъ такъ много силъ и энергіи? Не лучше ли остановиться на тѣхъ умѣренныхъ оцѣнкахъ, противъ которыхъ ничего не имѣетъ само «Наставленіе», и все остающееся время употребить на приученіе солдата ко всевозможнымъ

случайностямъ боя, развить въ немъ толковаго охотника по неприятелю? Намъ рѣшительно не нуженъ тотъ отличный смотровой стрѣлокъ, который теряется, ошалѣваетъ, не знаетъ, что дѣлать съ своимъ ружьемъ, слышавъ команды: «вправо», «влѣво», «по кавалеріи», «по колоннѣ», «700» «800» и т. д. Не нуженъ намъ и тотъ ротный командиръ, который не имѣетъ времени воспитать строевое спокойствіе и дисциплину огня въ своей ротѣ; но намъ очень и очень нужна такая рота, которая умѣетъ давать мастерской отпоръ всякому неприятелю, на всякой мѣстности и во всѣ стороны.

Если въ нашей арміи очень мало такихъ солдатъ, которые не попадаютъ на курсовой стрѣльбѣ, то зато очень много такихъ хорошихъ стрѣлковъ, которые относятся ко всякимъ упражненіямъ въ полѣ съ полнымъ равнодушіемъ и на вопросъ: «по комъ ты стрѣлялъ?» даютъ бессмысленный отвѣтъ: «не могу знать—командовали: по кавалеріи»... А на вопросъ: «куда слѣдуетъ цѣлиться по кавалеріи?» отвѣчаютъ: «запаятоваль».

Переходя къ деталямъ, замѣтимъ, что мы желали бы нѣкотораго упрощенія въ подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненіяхъ, замѣнивъ, напримѣръ, каждыя 10 стрѣльбъ дробинками одной настоящей стрѣльбой въ тирѣ, гдѣ человекъ получаетъ всѣ впечатлѣнія выстрѣла и, конечно, въ одинъ разъ больше войдетъ въ свое ремесло, чѣмъ на 10-ти стрѣльбахъ дробинками; мы признаемъ прикладку въ зеркало, но только не ежедневную, не ту, которая отнимаетъ цѣлый утренній часъ; пусть остаются треугольники и неизбѣжный, при всякихъ упражненіяхъ, станокъ; но мы съ полнымъ убѣжденіемъ должны высказаться противъ заучиванія солдатомъ такъ называемой «теоріи стрѣльбы», для уразумѣнія которой нужно имѣть нѣкоторую математическую подготовку. Погоня за такимъ дутымъ развитіемъ неизбѣжно отражается на до-

стоинствѣ «стрѣлка-ремесленника», который нуждается въ развитіи практическомъ. Человѣкъ, потратившій не мало времени на заучиваніе математическихъ причинъ невѣрности выстрѣловъ, на зубреніе такихъ словъ, какъ «ось канала», «линія прицѣливанія», «плоскость, проходящая черезъ эти линіи», и т. д., отстанетъ въ практическомъ изученіи ближайшихъ свойствъ своего оружія, свойствъ мѣстности, свойствъ поражаемаго предмета, не говоря уже о томъ, что увлеченіе стрѣльбой умаляетъ значеніе штыка, отнимаетъ время отъ гимнастики и отъ общей выправки солдата по всеѣмъ отдѣламъ образованія.

Намъ, пожалуй, могутъ возразить, что въ планѣ занятій стрѣльба имѣетъ опредѣленное мѣсто и что все увлеченія, какъ теоріей, такъ и практикой, обрѣзываются извѣстнымъ часомъ, обозначеннымъ въ расписаніи. Къ сожалѣнію, такое возраженіе можетъ сдѣлать только человѣкъ, никогда не бывавшій въ казармахъ. Надо видѣть, какъ мы дорожимъ каждой минутой времени, каждымъ свободнымъ отъ нарядовъ днемъ, какъ мы ловимъ каждаго освободившагося человѣка, заставляя его прицѣливаться со станка и съ руки, упражняя его на треугольникахъ и на стрѣльбѣ дробинками. Смотришь: на гимнастику, на фехтованіе, на строевую выправку и на другіе предметы остается очень и очень мало времени. Даже въ тѣ немногіе дни, когда вся рота бываетъ въ сборѣ, а взводы чередуются въ занятіяхъ по нѣсколькимъ предметамъ, приходится воздерживаться отъ гимнастики, отъ фехтованія и другихъ физическихъ упражненій, пока вся рота не продѣлаетъ прикладки, которой только и можно научиться, когда дѣлаешь ее со свѣжими руками. Пропущенная гимнастика и другія занятія могутъ какъ-нибудь сойти,—по этимъ предметамъ нѣтъ никакой отчетности,—а каждое упражненіе по стрѣльбѣ должно оправдываться извѣстными документами

(листокъ треугольниковъ; разстрѣлянные дробинками мишеньки и т. д.).

Такъ какъ въ учебномъ году солдатъ выводится въ поле только на два съ половиною мѣсяца, а сводка всѣхъ предметовъ образованія только и возможна въ полѣ, то было бы весьма желательно удѣлить ей какъ можно больше времени. Что можетъ быть важнѣе тѣхъ упражненій, которыя ставятъ офицера и солдата въ обстановку дѣйствительнаго боя, требуя отъ нихъ примѣненія всѣхъ техническихъ приемовъ, которымъ они обучались? Тамъ дѣлается дѣйствительная повѣрка знанію, дается практика военному соображенію и вниманію. Только продолжительныя упражненія въ такомъ родѣ вырабатываютъ какъ изъ офицера, такъ и изъ солдата, мастера своего дѣла; а много ли мы имѣемъ такихъ упражненій? Весь первый мѣсяцъ посвящается стрѣльбѣ и отчасти сомнѣтымъ уставнымъ ученіямъ, которыя, вмѣстѣ съ механизмомъ разсыпного строя, свободно могли бы заканчиваться на городскихъ плацахъ и въ манежахъ, если бы настойчивая прикладка не мѣшала производить зимнихъ и весеннихъ ротныхъ ученій.

Много ли вы найдете такихъ частей, которыя умѣютъ мастерски справляться съ аванпостной службой, съ обязанностями авангарда и арьергарда или даже просто съ бивачными обязанностями? Мы не можемъ сказать, что войска всѣмъ этимъ не занимаются, но всѣ эти предметы много теряютъ подъ давленіемъ усиленнаго спроса на стрѣльбу. Самый лучший офицеръ, по свойству грѣшной человѣческой природы, непременно будетъ нѣсколько недоволенъ, напримѣръ, послѣбобѣденными аванпостами, которые просто мѣшаютъ ему провѣрить передъ завтрашней стрѣльбой отставшихъ людей.

Но довольно о стрѣльбѣ. Въ заключеніе мы можемъ только замѣтить, что въ специальномъ отношеніи «Наставленіе» составлено превосходно и можетъ служить отличнымъ теоретиче-

скимъ руководствомъ при обученіи. Мы говоримъ только объ *увлеченіи* стрѣльбой и намѣчаемъ нѣкоторыя требованія, указываемыя практикою дѣла: упрощеніе подготовительныхъ упражненій и стрѣльбъ и возможно большее развитіе боевой стрѣльбы. Такая стрѣльба непременно повыситъ спросъ и на другіе предметы образованія, ибо успѣхъ ея зависитъ отъ общей боевой подготовки роты, которая и есть главная и конечная цѣль всѣхъ нашихъ трудовъ.

Теперь перейдемъ къ частностямъ. Для примѣненія руководства г. Драгомирова, конечно, требуется время. Того времени, которое удѣляется въ лагеряхъ для боевыхъ упражненій мелкими частями, гдѣ совѣты автора и теперь уже отчасти примѣняются къ дѣлу, по-нашему, весьма недостаточно, ибо въ руководствѣ есть особые совѣты, требующіе отдѣльныхъ упражненій, которыя никогда почти не практиковались въ нашихъ войскахъ. Было бы желательно, чтобы рота, приходя въ лагери, была уже готова по всѣмъ уставнымъ построеніямъ, не исключая механизма разсыпного строя и аванпостовъ; тогда сразу можно будетъ приступить къ занятіямъ при обстановкѣ дѣйствительнаго боя.

Успѣхъ этихъ полевыхъ занятій, конечно, будетъ зависеть отъ прочности общей зимней подготовки, которая, въ свою очередь, основывается на прочности, достигнутой по каждому предмету отдѣльно. Нельзя, напримѣръ, приучать къ бою роту, въ которой каждое перестроеніе приходится распутывать, которая не умѣетъ порядочно ни забѣгать плечомъ, ни повернуться, ни разсыпаться въ цѣпь; а зимой нельзя дѣлать ротное ученіе, если люди не выправлены на одиночку, т. е. не приучены рефлексивно исполнять повороты, ружейные приемы, вздваиваніе рядовъ и т. д. Не слѣдуетъ также забывать, что

во всемъ этомъ играетъ роль и гимнастика, безъ которой нельзя получить на ротномъ учении ни общей ловкости, ни хорошаго шага, ни хорошаго бѣга.

Кстати замѣтимъ, что обученіе по такому важному предмету, какъ фехтованіе, къ сожалѣнію, заканчивается на комнатномъ чучелѣ. Признаемся, что мы ожидали отъ автора «Руководства» какихъ-нибудь совѣтовъ для перенесенія фехтованія въ поле. Солдаты должны пріучаться колоть послѣ «ура!» и непремѣнно должны быть въ это время усталымъ, запыхавшимся, какъ это бываетъ въ бою. Кажется намъ, что чучелы, поставленные, напримѣръ, въ видѣ защитниковъ укрѣпленія и отданныя въ жертву атакующимъ, могли бы сослужить отличную службу.

Итакъ, возможность широкаго примѣненія книжки г. М. Драгомирова явится только тогда, когда солдатъ успѣетъ получить зимой достаточную техническую подготовку и когда въ немъ достаточно будетъ развито простое понятіе о тѣхъ предметахъ, которыми ему придется заниматься въ полѣ. Для этого необходимо, чтобы офицеръ зналъ, что въ глазахъ начальства всѣ предметы, входящіе въ курсъ военного воспитанія и образованія, одинаково важны, что нѣтъ такихъ излюбленныхъ предметовъ, на которые существуетъ особый спросъ. Кто не знаетъ, что нашъ офицеръ всегда является исправнымъ работникомъ, какъ на правильномъ, такъ и на неправильномъ пути, смотря по тому, чего вы отъ него потребуете; онъ прежде всего «солдатъ», человѣкъ дисциплины, и, кстати замѣтимъ, что именно въ этомъ заключается его драгоцѣннѣйшее качество; это одно служить надежной порукой, что всѣ благія нововведенія въ нашей арміи попадаютъ въ хорошія руки.

Однако надо обратить вниманіе на одно обстоятельство, очень важное въ смыслѣ духа: если вы мнѣ скажете, что

отнынѣ вы требуете одинаковаго вниманія ко всѣмъ предметамъ образованія, то я васъ послушаюсь безпрекословно и буду каждому предмету удѣлять достаточно времени; но я тоже человѣкъ, надѣленный умомъ, и потому могу думать, что для главной цѣли, которую вы же мнѣ указали, напримѣръ, гимнастика, сослужить малую службу, фехтованіе — еще меньшую и т. д. Я могу, какъ офицеръ, добросовѣстно заниматься этими предметами, но, какъ человѣкъ, я не могу вложить въ нихъ свою душу, которая принадлежитъ чему-то для меня болѣе важному. Отсюда происходитъ вялость въ занятіяхъ, чувствуется отсутствіе такъ называемаго «огонька». Для устраненія этого важнаго препятствія къ скорому и легкому успѣху непремѣнно нужно, чтобы офицеръ проникнулся сознаниемъ пользы того дѣла, которое отъ него требуютъ. Внушеніе ему такого сознанія принадлежитъ къ первостепеннымъ воспитательнымъ задачамъ командира отдѣльной части.

Съ своей стороны, мы можемъ замѣтить, что отсутствіе такого сознанія часто основывается на простомъ недоразумѣніи, происходящемъ отъ неправильнаго взгляда на наше искусство. Встрѣчаются глуповатые дѣятели, которые пронически относятся къ такъ называемой муштровкѣ; другіе не вполне признаютъ практическую необходимость извѣстнаго умственнаго развитія солдата для военныхъ цѣлей; но такъ какъ искусство поражать непріятеля, подобно всякому другому искусству, одинаково немислимо, какъ безъ навыка, такъ и безъ извѣстнаго развитія, то слѣдуетъ разъ навсегда сознать, что, напримѣръ, офицеръ, добивающійся отъ солдата бойкихъ рефлексивныхъ поворотовъ, дѣлаетъ такое же серьезное дѣло, какъ и тотъ, который обучаетъ человѣка осмысленно стрѣлять по непріятелю. Первый примѣръ относится къ дѣйствіямъ неслучайнымъ, гдѣ разсужденіе солдата гораздо выгоднѣе замѣнить рефлексомъ; второй — къ случайнымъ, которыя никогда

не повторяются въ одномъ и томъ же видѣ, а потому требуютъ отъ солдата разсужденія, достоинство котораго зависитъ отъ его умственнаго развитія. Какое мѣсто въ нашихъ занятіяхъ слѣдуетъ отводить умственному развитію солдата и какое — навыку; всѣ ли неслучайныя дѣйствія въ бою слѣдуетъ переводить въ область рефлекса или нѣкоторыя, рѣже повторяющіяся, доводить только до степени привычки, — все это вопросы, относящіеся къ основнымъ задачамъ военнаго воспитанія, которые мы уже пытались разъяснить въ предыдущихъ замѣткахъ ¹⁾.

Теперь о книжкѣ. Книжка г. М. Драгомирова представляетъ сводку всѣхъ уставныхъ предметовъ въ одно цѣлое, но, несмотря на это, она нисколько не похожа на уставъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми руководствами, въ которыхъ сухой перечень банальныхъ приемовъ имѣетъ характеръ чего-то обязательнаго. Она представляетъ рядъ совѣтовъ, но совѣтовъ живыхъ, основанныхъ на глубокомъ пониманіи не только сущности военнаго дѣла, но и свойствъ русской солдатской природы, а потому дѣйствительно полезныхъ, а главное — удобныхъ для выполненія. Въ ней отъ начала до конца чувствуется присутствіе здороваго военнаго духа, и именно русскаго, историческаго, согласнаго съ Суворовскими традиціями, и въ этомъ отношеніи она производитъ впечатлѣніе на читателя, будитъ въ немъ военную жилку.

Книжка г. М. Драгомирова состоитъ изъ трехъ частей: «Подготовка роты», «Подготовка баталіона» и «Подготовка трехъ родовъ оружія ко взаимной выручкѣ». Въ этой замѣткѣ мы займемся разсмотрѣніемъ только одной первой части.

---

¹⁾ См. книгу: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“. Томъ I.

Приглашая начальниковъ частей исполнять предлагаемый въ «Руководствѣ» опытъ не столько по буквѣ, сколько по духу, т. е. вносить въ исполненіе всю добрую волю и силу личнаго разумѣнія, авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, начинаетъ съ воспитанія. Главное достоинство этой главы заключается въ необыкновенной наглядности предлагаемыхъ авторомъ приемовъ, которые сопровождаются то остроумными сравненіями хорошаго съ дурнымъ, то блестящими примѣрами нагляднаго обученія.

«Наше дѣло, — замѣчаетъ г. М. Драгомировъ въ этой же главѣ, — стало весьма сложно, а потому успѣхъ въ немъ возможенъ только при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) соответственнаго распредѣленія работы; 2) выбора такого метода занятій, при которомъ получается возможно быстрый и прочный результатъ».

Это замѣчаніе не остается у автора общимъ мѣстомъ, онъ сейчасъ же дѣлаетъ разборъ положенія воспитательной работы въ войскахъ и даетъ прямые и практическія указанія. «Подготовка войскъ, — говорится въ «Руководствѣ», — представляетъ два крупные отдѣла: воспитаніе и образованіе. Первое обнимаетъ уставы службы внутренней и гарнизонной; второе — строевые уставы, наставленія: для стрѣльбы, работы штыкомъ, маневрированія и т. д.». По мнѣнію автора, ротный командиръ въ первомъ отдѣлѣ долженъ взять на себя внѣдреніе обязанностей, а преподаваніе обряда можетъ быть исполнено его помощниками. Методъ занятій выраженъ въ двухъ словахъ: показъ предпочитать разсказу.

Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ какъ относительно распредѣленія труда между чинами роты, такъ и относительно цѣлесообразности рекомендуемыхъ ниже приемовъ, мы только позволимъ себѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе по поводу вообще воспитанія.

Намъ кажется, что, раздѣляя подготовку войскъ на воспитательный и образовательный отдѣлы, авторъ имѣетъ въ виду только одно военно-нравственное воспитаніе, которое даетъ въ результатѣ солдата, готоваго всегда и во всѣхъ случаяхъ честно исполнить обязанности службы; но такой солдатъ не есть еще мастеръ своего дѣла, ибо, какъ старательный человѣкъ, онъ можетъ тянуться на всѣхъ занятіяхъ, но ни одного изъ нихъ не любить и вообще не питать никакой охоты къ вырабатываемому въ немъ искусству. Поэтому думается намъ, что къ задачамъ воспитанія должно относиться не только внѣдреніе человѣку его обязанностей, но и внушеніе ему охоты къ требуемому отъ него дѣлу, а въ этомъ смыслѣ воспитаніе обнимаетъ до извѣстной степени всѣ уставы, не исключая и тѣхъ, которые отнесены авторомъ исключительно къ образованію. Объ этомъ предметѣ мы достаточно высказались въ предыдущихъ замѣткахъ, а потому ограничимся только приведеніемъ примѣровъ.

1) Самый нравственный учитель изъ нижнихъ чиновъ непремѣнно будетъ забивать новобранцевъ на всякомъ преподаваніи, если вы не воспитаете въ немъ мастера того маленькаго дѣла, которое вы ему поручаете. Даже такое немудрое дѣло, какъ ружейные приемы, необходимо обнимать воспитаніемъ въ видѣ извѣстныхъ мѣръ для возбужденія охоты къ этому дѣлу, безъ которой новобранцы будутъ больше потѣтъ и вздыхать, чѣмъ заучивать преподаваемое.

2) У васъ люди изнемогаютъ на гимнастикѣ, но дѣлаютъ ее изъ рукъ вонъ плохо. Самое твердое знаніе правилъ нисколько не поможетъ дѣлу, если вы не сумѣете воспитать въ людяхъ лихости, стремленія перещеголять другъ друга, которое никакъ не можетъ быть отнесено къ области образованія и т. д.

Не согласны мы также и съ тѣмъ, что воспитаніе исчерпывается одинаковостью, неуклонностью и постоянствомъ разъ

поставленныхъ требованій. Такими способами вырабатываются только хорошія нравственныя привычки, но у человѣка есть еще добрая воля, и при извѣстныхъ условіяхъ онъ можетъ самъ пойти навстрѣчу вашимъ требованіямъ, значительно облегчая вашу надъ нимъ работу. Такія условія существуютъ только въ хорошей военной семьѣ, которую человѣкъ любитъ и дорожить ея добрымъ именемъ. Къ сожалѣнію, о томъ общемъ воспитаніи, которымъ обусловливается существованіе такой военной семьи, въ «Руководствѣ» ничего не сказано.

Далѣе въ «Руководствѣ» идутъ превосходныя приемы для показного обученія внутренней и гарнизонной службѣ. Караульной службѣ авторъ справедливо придаетъ большое воспитательное значеніе, считая ее первую ступеню къ посвященію солдата въ службу боевую. Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что охранная практика, приобретаемая солдатомъ въ караулахъ, чрезвычайно важна для его находчивости въ охранной боевой службѣ, а потому сокращеніе нарядовъ, о которомъ мы такъ хлопочемъ, можетъ быть допущено только до извѣстной степени.

Далѣе, въ «Руководствѣ» идетъ одиночное обученіе, гдѣ авторъ послѣдовательно рассматриваетъ гимнастику, фехтованіе и дѣлаетъ замѣчанія на счетъ различныхъ видовъ стрѣльбы и употребленія ихъ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что гимнастика, практикующаяся въ войскахъ, далеко недостаточна. Имѣющіяся въ казармахъ гимнастическія машины способствуютъ только развитію общей ловкости въ человѣкѣ, но не даютъ ему практики въ преодолѣніи тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаются на войнѣ, а такая практика очень и очень важна. Какъ великій историческій примѣръ, мы можемъ привести штурмъ Измаила, гдѣ Суворовъ, приготовляясь къ дѣлу, добрую часть времени употребилъ на приученіе людей обращаться съ штурмовыми

матеріалами и влѣзать на стѣну и, можетъ быть, благодаря этому, взять Измаиль. Для такой практики авторъ рекомендуетъ укрѣпленія сильной профили, усиленные засѣками и волчьими ямами передъ фронтомъ, палисадной стѣнкой на прикрытомъ пути и палисадомъ во рву. Вообще авторъ ратуетъ за перенесеніе гимнастики въ поле, а необходимымъ дополненіемъ гимнастическаго курса считаетъ частыя походныя движенія съ полной поклажей.

При обученіи фехтованію авторъ обращаетъ особенное вниманіе на быстрое отдергиваніе штыка послѣ удара и замѣчаетъ, между прочимъ, что приемы двухсторонняго фехтованія умѣстны только въ бою одинъ на одинъ, но не при столкновеніи массъ, гдѣ нуженъ прямой ударъ штыкомъ. Еще разъ повторяемъ, что намъ было бы крайне интересно выслушать болѣе подробныя совѣты автора относительно перенесенія фехтованія въ поле, ибо только такимъ способомъ можно поднять значеніе штыка, который точно ступевался въ войскахъ съ введеніемъ скорострѣльныхъ ружей. На полевыхъ упражненіяхъ мы занимаемся только подготовкой къ штыковой работѣ, а не мѣшало бы дать солдату и реальное представленіе объ этой работѣ, упражняя его на какихъ-нибудь манекенахъ, представляющихъ непріятельскій строй.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ наставленія автора относительно вообще стрѣльбы и употребленія различныхъ видовъ огня. «При мирныхъ занятіяхъ,—говорится въ «Руководствѣ»,—должно, по возможности, ограничивать всѣ такія упражненія, которыя способствуютъ развитію въ солдатѣ привычекъ небрежнаго прицѣливанія, торопливаго выстрѣла, наконецъ, убѣжденія, будто самъ онъ можетъ распоряжаться своимъ огнемъ не только въ разсыпномъ, но даже и въ сомкнутомъ строю. Поэтому слѣдуетъ: а) избѣгать холостой стрѣльбы, содѣйствующей къ приученію солдата къ суетѣ, не-

брежности прицѣливанія, и б) отдать огонь въ руки начальниковъ не только въ сомкнутомъ, но даже и въ разсыпномъ строю». Мы совершенно согласны съ авторомъ, что безъ крайней необходимости стрѣлять холостыми патронами не слѣдуетъ, а такая необходимость можетъ явиться только въ двухъ случаяхъ: 1) приученіе новобранца къ звуку выстрѣла, 2) двухсторонніе маневры. Въ этихъ случаяхъ холостные патроны слѣдовало бы изъять изъ употребленія.

Относительно дисциплины огня мы еще разъ замѣтимъ, что дисциплиной, достигаемой на стрѣльбищѣ, увлекаться не слѣдуетъ, ибо въ полѣ всегда приходится заводить новую дисциплину, и чѣмъ раньше это начать, тѣмъ лучше. На стрѣльбищѣ вы знаете до тонкости каждый предметъ; вамъ съ вечера объявляютъ всю обстановку завтрашней стрѣльбы, а потому порядокъ на такой стрѣльбѣ есть дѣло памяти; въ полѣ—онъ является дѣломъ соображенія и вниманія, а иногда—и военныхъ способностей ротнаго командира.

Въ бою авторъ предостерегаетъ: а) отъ стрѣльбы залпами на разные прицѣлы, ибо разнообразіе паденій получается и безъ того, и б) отъ стрѣльбы опредѣленнымъ числомъ патроновъ и учащенной, такъ какъ то и другое переходитъ въ труднооснавливаемую трескотню.

Вообще можно сказать, что если вы прикажете въ бою стрѣлять рѣдко, то будутъ стрѣлять часто; если же вы прикажете стрѣлять часто, то будутъ стрѣлять какъ попало. Это можетъ засвидѣтельствовать всякій офицеръ, имѣющій за собой боевую практику. Въ этомъ отношеніи не составятъ исключенія самыя лучшія роты, отлично приученныя къ дисциплинѣ огня въ мирное время. Причина очень понятна: она заключается въ неиспытанномъ въ мирныхъ упражненіяхъ волненіи подъ выстрѣлами. Только продолжительная боевая практика устраняетъ эту причину.

Вообще авторъ находитъ, что въ одиночныхъ людей, на разстояніи, превосходящія 300 шаговъ, стрѣлять не слѣдуетъ и что случаи стрѣльбы залпами на дальнія разстоянія представляются рѣдко.

На этомъ въ «Руководствѣ» заканчивается глава «Одиночное обученіе и переходъ къ обученію частями». Вообще относительно этой прекрасной главы мы можемъ только замѣтить, что она даетъ неполное руководство для одиночнаго обученія, ибо въ ней ничего не говорится объ основаніяхъ строевой техники: о первоначальной выправкѣ человѣка, о поворотахъ, маршировкѣ, ружейныхъ приемахъ и т. д. А намъ было бы очень интересно знать: желаетъ ли авторъ все это оставить въ томъ видѣ, какъ оно практикуется въ войскахъ или, можетъ быть, найдетъ нужнымъ что-нибудь измѣнить. Какъ извѣстно, эти вещи требуютъ наибольшаго навыка, ибо безъ нихъ не обходится ни одно движеніе въ строю; кромѣ коренной выучки, онѣ нуждаются еще въ частыхъ репетиціяхъ и вообще отнимаютъ много времени въ четырехмѣсячномъ обученіи новобранцевъ, которое очень и очень слѣдовало бы облегчить, какъ въ виду здоровья людей, такъ и въ виду общаго успѣха въ занятіяхъ. Поэтому не мѣшаетъ выяснить: нужна ли намъ маршировка съ вытягиваніемъ носка, съ выпраменіемъ выносимой впередъ ноги и съ другими выдумками, или лучше замѣнить ее маршировкой свободной, которой десятиро легче научиться? Нуженъ ли бѣглый шагъ съ отталкиваніемъ съ носка или пора признать, что это отталкиваніе только утомляетъ бѣгущаго? Есть ли настоящая надобность во всѣхъ практикующихся у насъ ружейныхъ приемахъ, или полезно отмѣнить нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, ефрейторскіе и т. д. Намъ кажется, что въ «Руководствѣ», указывающемъ путь для правильной и всесторонней подготовки роты, такихъ вопросовъ обходить не слѣдуетъ, а то можетъ

выйти, что мы въ однѣхъ ошибкахъ исправимся, а въ другихъ еще болѣе укоренимся.

Не можемъ также не сожалѣть, что въ главѣ «Одиночное обученіе» не указаны воспитательные приемы для достиженія скорого и легкаго успѣха въ занятіяхъ; но это вѣроятно происходитъ отъ той рѣзкой черты, которую авторъ провелъ между воспитаніемъ и образованіемъ.

Глава «Обученіе роты» начинается общими замѣчаніями. Авторъ раздѣляетъ обученіе на три отдѣла: 1) обученіе роты ко всѣмъ примѣнимымъ въ бою движеніямъ и построеніямъ, на мѣстности разнообразной, безъ употребленія оружія; 2) упражненіе въ перечисленномъ, съ прибавкою стрѣльбы боевыми патронами и 3) подготовка роты къ штыковому періоду боя.

Авторъ справедливо находитъ, что знаніемъ дѣла еще не обезпечивается успѣхъ и что нужно въ каждомъ чинѣ развить увѣренность въ себѣ, спокойствіе и рѣшительность. Эти драгоцѣнныя военныя качества онъ совѣтуетъ беречь въ человѣкѣ, не забывая ихъ рѣзкими замѣчаніями за ошибки.

На этомъ въ высшей степени важномъ совѣтѣ автора мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться. Кто не знаетъ, что у многихъ начальниковъ, начиная съ самыхъ мелкихъ, существуетъ очень вредная привычка разносить мнѣнія и дѣйствія своихъ подчиненныхъ до того настойчиво, что у человѣка, какъ говорится, опускаются руки и рѣшительно исчезаетъ то живое отношеніе къ военному дѣлу, при которомъ только и можетъ процвѣтать наше искусство. Самый усердный офицеръ при рѣшеніи, напримѣръ, тактической задачи въ полѣ, можетъ подвергнуться самымъ разнороднымъ и иногда вовсе незаслуженнымъ замѣчаніямъ, смотря по тому, кто имъ руководить. Вотъ мотивы такихъ замѣчаній: 1) когда начальникъ, по принципу строгости, считаетъ вообще вреднымъ баловать своихъ подчиненныхъ одобреніями; 2) когда начальникъ вѣруетъ въ

свои собственные способы и относится съ предубѣжденіемъ ко всякимъ способамъ, придуманнымъ подчиненными, безъ различія ихъ достоинства; 3) когда начальникъ имѣетъ пристрастіе къ формамъ и ради нихъ игнорируетъ духъ исполненія и т. д. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ замѣчаніе бываетъ толковымъ, когда форма имѣетъ тактическое значеніе, и нетолковымъ, когда форма требуется ради формы.

Изъ всѣхъ приведенныхъ мотивовъ послѣдній слѣдуетъ считать самымъ распространеннымъ, а потому на него слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Спрашивается: наносится ли, напримѣръ, ущербъ дѣлу, если офицеръ, при рѣшеніи какой-нибудь задачи, командуешь сначала: «на плечо», и затѣмъ «направо», а не наоборотъ, какъ это слѣдуетъ по уставу?— Конечно нѣтъ; но если я любитель формы, то я не вытерплю, чтобы не налетѣть на такого офицера съ замѣчаніями, которыя, наконецъ, отобьютъ у него всякую охоту мыслить о главнѣйшемъ. Конечно я, въ этомъ случаѣ, самъ того не сознавая, становлюсь участникомъ явленія, которое въ общей школѣ давно уже отошло въ область преданій: я уподоблюсь тому старинному учителю-крючку, который поправлялъ ученика: «не Киръ, персидскій царь, а— Киръ, царь персидскій».

Такая школа, какъ мы уже замѣтили, опасна для арміи, ибо въ ней рѣшительно нѣтъ мѣста развитію военныхъ способностей, воспитанію таланта. Искусство требуетъ жизни, увлеченій всѣмъ существомъ, вдохновенія, при которомъ только и можетъ явиться гармонія всѣхъ участниковъ творческой дѣятельности человѣка: ума, сердца, рефлексовъ. Поэтому всякое проявленіе военной жилки у человѣка, всякую искру военного дарованія слѣдуетъ очень и очень беречь. Здѣсь большую роль играетъ самолюбіе, которое не только не слѣдуетъ оскорблять, а напротивъ—способствовать его развитію. Иногда даже неважное исполненіе слѣдуетъ непременно хвалить, чтобы под-

чиненный не падалъ духомъ; а хорошее, выдающееся исполненіе—никогда не оставлять незамѣченнымъ и даже вспоминать о немъ при случаѣ, чтобы виновникъ зналъ, что его помнятъ и цѣнятъ.

Въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ военнымъ педагогомъ былъ все тотъ же великій Суворовъ, который не пропускалъ ни одного случая, чтобы гдѣ-нибудь на балу, въ присутствіи Императрицы, не съострить насчетъ отличившихся у него молодыхъ генераловъ, выставляя ихъ военныя способности. Оттого каждый рвался на службу къ Суворову, зная, что тамъ оцѣнятъ человѣка по достоинству.

Глава «Строевое образованіе» начинается приемами, которые рекомендуетъ авторъ для развитія вниманія людей; затѣмъ идетъ «Прикладной уставъ». Замѣчательно, что этимъ весьма практичнымъ приемамъ больше всего посчастливилось: они, можно сказать, приняты въ войскахъ и въ большей или меньшей степени употребляются каждымъ ротнымъ командиромъ. Опытъ показалъ, что никакія строгости, никакія взысканія не могутъ такъ оживить вниманіе людей, какъ два-три приема, въ родѣ слѣдующихъ: «четные номера задней шеренги, кругомъ!», «фланговые въ отдѣленіяхъ на плечо!», «такіе-то ряды взводовъ стой!» и т. д. Достаточно двухъ-трехъ такихъ командъ, чтобы рота, какъ говорится, насторожила уши, чтобы каждый освѣжилъ у себя въ памяти: въ какомъ онъ отдѣленіи, который номеръ, который рядъ и т. д. Такая провѣрка вообще оживляетъ ученіе, а главное—пріучаетъ людей исполнять всякую команду начальника, хотя бы она не соответствовала извѣстнымъ уставнымъ формамъ.

Глава «Прикладной уставъ» заслуживаетъ особеннаго вниманія: въ ней указывается прочное основаніе всей тактической подготовки роты; она, можно сказать, пополняетъ большой пробѣлъ въ существующей у насъ системѣ полевыхъ занятій.

Примѣненіе уставныхъ порядковъ къ боевымъ цѣлямъ авторъ совершенно правильно совѣтуетъ производить только тогда, когда эти порядки твердо усвоены. Главными условіями годности для боя такихъ упражненій авторъ ставитъ: 1) назначеніе вслухъ для всей роты направленія, откуда ожидается непріятель, и 2) чтобы обучающій могъ дать себѣ отвѣтъ, — и осуществить его построеніемъ, — на слѣдующіе вопросы: а) что я сдѣлаю, если непріятель появится съ фронта, съ тыла, противъ того либо другого фланга, наконецъ, въ которомъ-нибудь изъ облическихъ направленій? и б) что я сдѣлаю, если это будетъ пѣхота, конница, артиллерія?

Читая эти въ высшей степени дѣльные строки, невольно думаешь: вотъ именно то, съ чего должны начинаться тактическія ученія; вотъ та азбука, которая непременно должна предшествовать всякимъ болѣе или менѣе сложнымъ маневрированіямъ. Проходятъ ли у насъ эти мелкія, но чрезвычайно важныя упражненія? — Нѣтъ, — у насъ сразу послѣ уставнаго ученія рота выходитъ на односторонній маневръ, не будучи вовсе къ нему подготовленной.

Каждое маневрированіе заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ положеній относительно непріятеля, съ которыми рота непременно должна научиться справляться прежде, чѣмъ переходить къ рѣшенію сложныхъ задачъ. Главнѣйшія изъ этихъ положеній указываются въ предложенныхъ авторомъ вопросахъ, которые ротный командиръ долженъ научиться рѣшать практически, а это возможно только тогда, когда каждый вопросъ рѣшается отдѣльно. Поздно учить чиновъ своей роты спокойно принимать положенія, соответствующія мѣстности, роду противника, разстоянію до него и направленію, въ которомъ онъ предполагается, если эти положенія будутъ идти такъ быстро одно за другимъ, какъ это обыкновенно бываетъ при маневрированіи въ сферѣ выстрѣловъ. Тамъ не будетъ времени не

только поправить ошибки, но даже обстоятельно познакомиться съ положеніемъ; тамъ просто придется неумѣло бросаться отъ случая къ случаю и суетить и себя, и людей. Отсюда происходитъ часто встрѣчаемый на маневрахъ безпорядокъ строя и еще большій безпорядокъ огня. При такомъ положеніи, ротный командиръ всегда будетъ подвергаться замѣчаніямъ не только за ненаходчивость, но и за безпорядокъ въ строю, являющійся послѣдствіемъ всякой неувѣренной команды. Это все поводы къ суетливости, — дурная школа для воспитанія войсковыхъ начальниковъ!..

Авторъ указываетъ выходъ изъ этого положенія: онъ предлагаетъ методъ, давно извѣстный въ военной школѣ, но совершенно новый по отношенію къ нашимъ полевымъ занятіямъ. Основаніемъ этому методу служить простой выводъ: человѣку, не умѣющему справляться съ однимъ дѣломъ, неудобно задавать десять дѣлъ сразу. Примѣненіе уставныхъ порядковъ къ боевымъ дѣламъ, начинаемое прямо съ маневрированія, представляетъ именно такое неудобство.

Авторъ очевидно ратуетъ противъ этого и предлагаетъ для прохожденія прикладного устава рядъ отдѣльныхъ мелкихъ упражненій, утверждающихъ роту въ умѣннн справляться со всевозможными случайностями боя, которыми сопровождается маневрированіе.

Замѣчательно, что этотъ рациональный методъ (разложеніе сложныхъ дѣйствій на приемы и прохожденіе каждаго приѣма отдѣльно) практикуется во всѣхъ нашихъ занятіяхъ, даже въ манипуляціяхъ съ ружьемъ, но въ прохожденіи курса тактики въ полѣ онъ примѣнялся только въ отдѣльныхъ случаяхъ и преимущественно въ тѣхъ, гдѣ требуется красивое движеніе впередъ, красивое построеніе, сглаживающее картину не со-всѣмъ умѣлаго боя.

Если начальникъ, оставшійся недоволенъ, напримѣръ, ру-

жейными приемами, непременно заставляет заняться ими по раздѣленіямъ, то такая же система должна быть принята и по отношенію къ тактическому ученью. Рядъ приведенныхъ авторомъ примѣровъ представляетъ прекрасную школу для перехода отъ уставныхъ порядковъ къ дѣйствіямъ при боевой обстановкѣ. Мы можемъ не соглашаться съ представленными авторомъ рѣшеніями на эти примѣры, но здѣсь именно это и нужно,—нужно, чтобы самъ ротный командиръ рѣшилъ эти задачи, сначала на тактическихъ занятіяхъ съ офицерами, а затѣмъ въ полѣ, подготавливаясь къ тактическому ученью.

Мы можемъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что такая школа приучитъ людей къ спокойствію, къ правильной установкѣ прицѣловъ, къ несуетливому выстрѣлу и т. д., а ротному командиру дастъ превосходную практику военной находчивости, которую на торопливыхъ и неумѣлыхъ ученіяхъ развить невозможно.

Мы вполне согласны съ авторомъ, что тотъ ротный командиръ, который научится практически отвѣчать на безконечный рядъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) что я сдѣлаю, если стою во взводной колоннѣ, а конница атакуетъ справа съ 500 шаговъ? 2) если иду въ колоннѣ по отдѣленіямъ, а конница атакуетъ сзади съ 1,500 шаговъ и т. д.,—что такой ротный командиръ не будетъ теряться на самомъ сложномъ тактическомъ ученіи, а его люди, привыкшіе все это исполнять въ порядкѣ, внесутъ тотъ же порядокъ и въ любой маневръ.

Поэтому, думается намъ, что въ планъ лагерныхъ занятій непременно долженъ быть введенъ отдѣлъ этихъ мелкихъ тактическихъ упражненій, и первые смотры полевыхъ занятій должны быть направлены на этотъ предметъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію общихъ замѣчаній автора, относящихся къ прикладному уставу.

«Начальникамъ,—говоритъ авторъ,—не слѣдуетъ устана-

вливать какія-либо постоянныя правила для однообразнаго исполненія тѣхъ эволюцій, которыя не предписаны въ уставѣ. Подобныя эволюціи предлагаются: для развитія находчивости въ примѣненіи уставныхъ типовъ къ мѣстности и обстоятельствамъ, а не для упражненія памяти воинскихъ чиновъ; для пріученія спокойно встрѣчать неожиданности, а не для привычки къ тому, что безъ репетиціи ничего сдѣлать нельзя».

При этомъ авторъ совѣтуетъ строго требовать строевого порядка при исполненіи эволюцій и на первыхъ порахъ не требовать быстрого исполненія, чтобы каждый могъ одуматься послѣ команды ротнаго командира; эволюціи исполнять при такой обстановкѣ, чтобы всякому видно было, когда онѣ могутъ пригодиться: такъ, напримѣръ, развертывать колонну слѣва, въ лѣвую сторону, слѣдуетъ только тогда, когда вправо мѣшается развернуться какой-нибудь мѣстный предметъ и т. д.

Авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что нѣтъ такой эволюціи, которой нельзя было бы исполнить уставными командами; слѣдовательно, основная часть устава — уставный языкъ — остается ненарушимой. Мы позволимъ себѣ прибавить, что, кромѣ уставнаго языка, вся основная техника построеній остается также ненарушимой: повороты на мѣстѣ и на ходу, вздвиганіе рядовъ, выстраиваніе по рядамъ фронта, захожденіе шагомъ и бѣгомъ, приемы для прикладки и вообще обращеніе съ ружьемъ и т. д., — словомъ, все то, что составляетъ основаніе всякаго строя и что требуетъ наибольшаго навыка при выучкѣ.

Что же касается основныхъ типовъ строя, предлагаемыхъ уставомъ, то мы совершенно согласны съ авторомъ, что на тактическихъ ученіяхъ такіе типы часто подлежатъ видоизмѣненіямъ: исканіе лучшаго способа выполнить задачу часто составляетъ перепутывать номера взводовъ, отдѣленій, рассыпать

на заднюю шеренгу, загибать фланги, выдвигать взводы уступами и т. д.

Но не слѣдуетъ ли избѣгать такихъ видоизмѣненій? Можетъ быть, они нарушаютъ стройность части, производятъ путаницу? Нисколько: мы можемъ засвидѣтельствовать, на основаніи опыта; что въ хорошо обученной по уставу ротѣ, гдѣ развито вниманіе къ командамъ и спокойствіе, исполненіе всевозможныхъ неуставныхъ эволюцій идетъ гладко, ибо эти эволюціи, какъ мы уже замѣтили, производятся по тѣмъ же командамъ и по тѣмъ же техническимъ пріемамъ, какъ и уставныя построенія. При знаніи устава, отъ всѣхъ чиновъ роты требуется только одно вниманіе. Возьмемъ для примѣра случай, приведенный авторомъ: двухъзводная колонна слѣва развертывается влѣво. Рядовые первой полуроты исполняютъ самыя обыкновенныя команды: «налѣво», «во фронтъ» и «стой»; командиръ первой полуроты, принявъ вашу команду: «рота стройся влѣво», исполняетъ самое обыкновенное построеніе. Для приведенія роты въ прежній видъ, вы командуете: «справа по-полуротно!» Опять то же простое построеніе. Есть ли тутъ что-нибудь новаго для чиновъ роты?— ровно ничего.

Спрашивается: отчего же не пользоваться этимъ видоизмѣненнымъ типомъ, если онъ представляетъ удобство.

Конечно, въ дурно обученной ротѣ, гдѣ и съ уставными построеніями справляются туго, всѣ пойдутъ кидаться, слышавъ команду для построенія, не въ ту сторону; но такую роту, какъ сказано ниже, авторъ не совѣтуетъ выводить на тактическое ученіе.

Еще мы можемъ прибавить, что допущеніе въ тактическихъ упражненіяхъ видоизмѣненія уставныхъ типовъ строя весьма важно и въ военно-воспитательномъ отношеніи, оно даетъ превосходную практику военной находчивости ротному коман-

диру, приучаетъ его быстро придумывать то, чего не даетъ уставъ или что въ данную минуту изъ устава не припомнилось. Въмѣсто перебирания въ памяти уставныхъ формъ, сопряженнаго съ боязнью нарушить букву, начальникъ приучается въ затруднительныхъ случаяхъ находить свою форму, вѣрную уставу по духу.

Исполненіе черезъ это можетъ потерять въ буквѣ, но зато очень выиграетъ въ духѣ. Не слѣдуетъ бояться дѣйствій неуставныхъ, но слѣдуетъ очень бояться дѣйствій безсмысленныхъ, которыя нерѣдко случаются у людей, упражняющихъ память въ ущербъ соображенію. Подтвержденіе этого принципа можно найти на любомъ тактическомъ ученіи и особенно на ученіи съ боевыми патронами: нерѣдко случалось видѣть, что, получивъ приказаніе открыть пальбу, открывали ее не только тѣ роты, которымъ непріятель былъ плохо виденъ, но и тѣ, которыя его вовсе не видѣли.

Въ заключеніе, по поводу прикладнаго устава, мы должны замѣтить, что въ руководствѣ почти нѣтъ педагогическихъ указаній для успѣшнаго усвоенія чинами роты строевыхъ уставныхъ порядковъ, а безъ этого, какъ говорить и самъ авторъ, нельзя приступать къ прохоженію прикладнаго устава. Этотъ пробѣлъ слѣдовало бы пополнить, имѣя въ виду, что лучшей книжки по этимъ вопросамъ нѣтъ и что она рано или поздно непременно сдѣлается нашимъ общимъ руководствомъ.

Хорошо подготовить роту для перехода къ полевымъ занятіямъ — задача не легкая; для этого нуженъ хорошій методъ, основанный на прагматическихъ наблюденіяхъ, нуженъ навыкъ въ обращеніи съ людьми и непременно нуженъ бойкій глазъ, умѣющій однимъ взглядомъ опредѣлить техническіе недостатки. У насъ есть твердое знаніе уставной книжки, есть усердіе къ строевымъ занятіямъ, но, несмотря на это,

ротное учение очень часто, какъ говорится, не задается. Одинъ выводитъ роту на учение 15 разъ и гораздо хуже ее выучиваетъ, чѣмъ другой въ три-четыре раза. Это ясно доказываетъ, что у многихъ ротныхъ командировъ не достаетъ умѣнья учить роту. Мы указываемъ на это какъ на очень важное явленіе въ военно-педагогической практикѣ, какъ на недостатокъ, который часто задерживаетъ весь ходъ нашего строевого образованія, не говоря уже о томъ, что бесплодныя ротныя ученія понижаютъ духъ части, отражаются на энергіи всѣхъ ея чиновъ и на ихъ здоровьи. Вотъ гдѣ нужны убѣдительныя педагогическія указанія, подобныя тѣмъ, которыя съ такой неподражаемой ясностью высказаны по другимъ предметамъ г. М. Драгомировымъ ¹⁾).

Въ руководствѣ находимъ весьма немного указаній, относящихся къ ротному учению, а именно: о развитіи вниманія людей, объ устраненіи суетливости и о предвареніи передъ каждымъ упражненіемъ, чтобы люди знали, чего отъ нихъ требуютъ; но вовсе нѣтъ указаній техническихъ, а они весьма необходимы. Положимъ, ихъ даетъ уставъ, но въ уставѣ нѣтъ живыхъ совѣтовъ, въ родѣ слѣдующаго: у васъ рота учится дурно; нѣтъ стройности; нѣтъ порядка, — замѣчайте: ряды вздваиваютъ хорошо? — хорошо; заходятъ плечомъ хорошо? — тоже хорошо; а вотъ по рядамъ фронтъ выстраиваютъ дурно. Бросьте все и займитесь этимъ построеніемъ отдѣльно съ каждымъ взводомъ; повѣрьте, что завтра учение будетъ десятикратно лучше. Надобность въ подобныхъ указаніяхъ встрѣчается часто, а потому было бы желательно, чтобы обобщенія техническихъ приемовъ для ротнаго ученія были сдѣланы такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ авторъ руководства.

---

¹⁾ Объ умѣнии обучать роту мы подробно высказались въ брошюрѣ „О производствѣ ротныхъ ученій“.

Далѣ въ руководствѣ идетъ «маневрированіе». Взгляды автора по этому предмету достаточно извѣстны въ войскахъ по прежнимъ его сочиненіямъ и многіе изъ нихъ давно уже признаны неоспоримыми. Намъ остается только указать на тѣ практическіе совѣты, которые хотя и приняты въ принципѣ, но недостаточно примѣняются на практикѣ. Авторъ придаетъ большое значеніе навыку развѣдыванія, при чемъ совѣтуетъ пользоваться каждымъ походнымъ движеніемъ, не только къ мѣстамъ ученія, стрѣльбы и проч., но и обратно, чтобы выслать авангардъ, предшествуемый патрулями; а чтобы дать дѣйствительную практику посылаемымъ для развѣдки людямъ, авторъ находитъ полезнымъ высылать команду человекъ въ десять, которые поодиночкѣ должны укрываться за мѣстными предметами по сторонамъ дороги и которыхъ патрульные должны открывать и забирать. Кто не признаетъ большой пользы такихъ упражненій, принимая во вниманіе, что они не требуютъ особаго времени и нисколько не отражаются на утомленіи людей?

Въ главѣ «Нѣкоторыя указанія для обучающагося относительно необходимыхъ разъясненій при маневрированіи и повѣрки вниманія въ примѣненіи указанныхъ для онаго правилъ», находимъ чрезвычайно дѣльный совѣтъ: для «показанія видоизмѣненій различныхъ строевъ пользоваться дѣйствительными канавами, оврагами и пр., а не воображать ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ».

Тамъ же совѣтуется обучающему, при обученіи роты маневрированію, становиться самому на позицію непріятельскихъ стрѣлковъ, поручивъ распоряжаться наступленіемъ старшему. Это прекрасный способъ для общей повѣрки умѣнья цѣпи и резервовъ примѣняться къ мѣстности.

Еще заслуживаютъ особеннаго вниманія главы: «Ученіе съ боевыми патронами» и «Сѣвзозныя атаки». Совѣты автора по

этимъ предметамъ давно извѣстны войсковымъ начальникамъ и въ руководствѣ не представляютъ ничего новаго. Также не новъ, но любопытенъ тотъ фактъ, что эти въ высшей степени важныя упражненія туго прививаются въ нашихъ войскахъ.

Ученіе съ боевыми патронами всегда производится въ видѣ какой-то пробы, имѣющей характеръ чего-то выходящаго изъ ряда и къ курсу не относящагося. Въ такомъ ученіи обыкновенно участвуютъ не всѣ войска и даже не цѣлыя отдѣльныя части, а только сводные полки.

Сквозныя атаки появлялись у насъ порывами; то ими занимаются усердно, то ихъ совсѣмъ забываютъ.

Авторъ горячо ратуетъ за необходимость этихъ упражненій и, очевидно, считаетъ ихъ неотъемлемой принадлежностью давно проводимой имъ системы войскового обученія. Кто не согласится съ тѣмъ, что оба эти упражненія наиболѣе вводятъ солдата въ обстановку дѣйствительнаго боя, осваиваютъ его съ этой обстановкой, приучаютъ къ спокойной, соображенной со всѣми обстоятельствами, стрѣльбѣ и къ стремительной, доводимой до конца, атакѣ?

Слѣдя на практикѣ за развитіемъ искусства въ нашемъ солдатѣ, мы не можемъ не ощущать какой-то незаконченности въ этомъ дѣлѣ: чего-то не достаетъ, что-то не доводится до конца. Это «недостающее» невольно смущаетъ каждаго, толково занимающагося офицера, а простому человѣку оно непремѣнно кажется чѣмъ-то таинственнымъ, какъ будто бы отъ него скрывается, а отсюда предубѣжденіе, что человѣкъ непремѣнно на этомъ обрѣжется. Это очень опасное чувство можно наблюдать въ любой ротѣ, выведенной экспромтомъ на боевую стрѣльбу: по строю пробѣгаетъ какая-то нервная суетливость; въ безпокойныхъ лицахъ солдатъ ясно видна неувѣренность или просто опасное ожиданіе, что сейчасъ все пойдетъ не-

виопадъ. Замѣчательно, что нѣсколько толковыхъ ученій съ боевыми патронами совершенно устраняють это чувство, развивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, охотничью страсть у солдата, — самолюбивое желаніе непременно зацѣпить непріятеля. Чѣмъ же мотивируется отказъ отъ этихъ упражненій? Недостаткомъ патроновъ, но ихъ такая масса расходуется на подготовительной стрѣльбѣ, что хватило бы на нѣсколько очень хорошихъ ученій.

Еще слабѣе мотивируется отсутствіе сквозныхъ атакъ въ нашихъ полевыхъ упражненіяхъ. Говорять о несчастныхъ случаяхъ, но они почти невозможны даже въ хорошихъ, разгорячающихся на практическихъ упражненіяхъ войскахъ, если установить обязательное держаніе на плечо.

Неужели полезно пренебрегать такими упражненіями, развивая въ солдатѣ привычку останавливаться въ 50-ти шагахъ отъ непріятеля на двухстороннихъ маневрахъ? Неужели въ этомъ дѣлѣ ничего не значитъ даже завѣтъ Суворова?

На такой вопросъ намъ приходилось слышать только одно возраженіе: «въ Суворовское время, — говорятъ намъ, — сквозныя атаки были необходимы, ибо Екатерининскій солдатъ, какъ по снаряженію, такъ и по способамъ одиночнаго обученія былъ до того неподвиженъ, что его непременно нужно было, какъ говорится, размять; поэтому Суворовъ и придумывалъ разные для этого способы. Нашему же солдату такой надобности не представляется, ибо все наше одиночное обученіе ведетъ къ развитію въ человѣкѣ боевой подвижности».

Такое возраженіе, конечно, не заслуживаетъ вниманія, ибо сквозныя атаки, рекомендуемыя г. Драгомировымъ, назначаются для укрѣпленія духа, а не для подвижности человѣка въ физическомъ отношеніи. Полагаемъ, что ту же самую цѣль имѣлъ и великій Суворовъ. На такихъ упражненіяхъ человѣкъ чувствуетъ, что онъ взялъ непріятеля, а на двухстороннихъ

маневрахъ онъ чувствуетъ, что ему не дають его брать, а главное, не знаетъ, не имѣетъ даже реального представленія о томъ, какъ непріятель берется.

Опасно заставлятъ человѣка дѣлать въ бою то, чего онъ не знаетъ; поэтому школа, исключая боевую стрѣльбу и сквозныя атаки, — неполная школа для подготовки частей къ бою.

Въ заключеніе мы еще разъ позволимъ себѣ выразить сожалѣніе, что въ прекрасномъ руководствѣ г. М. Драгомирова, живо и убѣдительно написанномъ, полномъ чрезвычайно дѣльныхъ совѣтовъ и замѣчаній, не выполнѣ ясно и съ пропусками намѣченъ путь нашей зимней курсовой работы. Тѣмъ не менѣе такая дѣльная книжка непременно, какъ и прежнія сочиненія автора, оставитъ замѣтный слѣдъ въ развитіи нашей арміи, и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ трудно будетъ обходиться безъ такого стройнаго пособія не только командиру отдѣльной части, но и каждому строевому офицеру.

P. S. Статья эта написана одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Она была принята во вниманіе лицами, стоящими во главѣ стрѣлковаго дѣла, какъ голосъ практики, къ которому эти лица всегда чутко прислушиваются. Рациональныя начала, внесенныя новымъ „Наставленіемъ“ въ стрѣлковое воспитаніе солдата, разобраны нами въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1889 годъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ первыхъ испытаній, произведенныхъ въ л.-гв. Павловскомъ полку.

Нѣсколько словъ о духѣ устава.

Усовершенствованіе въ искусствѣ не имѣетъ границъ; сколько бы мы ни занимались съ солдатомъ, никогда мы не достигнемъ идеальнаго исполненія всѣхъ требуемыхъ строевымъ уставомъ упражненій: стойки, поворотовъ, ружейныхъ приемовъ, шага, бѣга и т. д. и, наконецъ, основанныхъ на всемъ этомъ уставныхъ порядковъ и всѣхъ ихъ видоизмѣненій, отвѣчающихъ безконечному разнообразію боевой обстановки. Отсюда слѣдуетъ, что выполнить всѣ уставныя требованія мы можемъ только до извѣстной степени, благоразумно распоряжаясь временемъ и облегчая обученіе примѣненіемъ хорошихъ методовъ.

Проходить съ солдатомъ уставъ — дѣло сложное; кромѣ твердаго знанія текста, оно требуетъ отъ руководителя и нѣкоторыхъ аналитическихъ способностей, по крайней мѣрѣ въ главномъ, а именно въ ясномъ опредѣленіи цѣли всякаго продѣлываемаго съ солдатомъ упражненія. Замѣчательно: чѣмъ руководитель военной школы неразвитѣе, тѣмъ строевое искусство кажется ему проще, а школа этого искусства, намѣченная строевымъ уставомъ, представляется ему рядомъ одинаковой важности параграфовъ, которые обязательно заучивать по номерамъ, мало беспокоясь объ ихъ связи и значенія. Попробуйте поручить вести эту школу, на примѣръ, унтеръ-офицеру, который

считается знатокомъ устава, — и вы увидите весьма интересное явленіе: онъ будетъ педантично проходить каждый параграфъ, начиная съ № 1-го, и вдругъ натолкнувшись на какую-нибудь тонкость искусства, при нашихъ условіяхъ совершенно недостижимую (идеальное равненіе на ходу, полное отсутствіе стука въ ружейныхъ приемахъ и т. д.), непременно обнаружитъ готовность терпѣливо сидѣть на этомъ упражненіи до тѣхъ поръ, пока вы ему не напомните, что уставъ заключаетъ 313 параграфовъ, предшествующихъ баталіонному ученію, которые обязательно пройти въ извѣстный срокъ. За этимъ слѣдуетъ суета, безтолковое снованіе отъ одного предмета къ другому и вообще та степень школьнаго безобразія, при которой совершенно немыслима сколько-нибудь основательная подготовка роты.

Конечно, такой примѣръ представляетъ крайность: отъ вполне невѣжественныхъ руководителей школы наша армія давно избавилась; но недостатокъ анализа строевыхъ требованій все-таки замѣчается въ нашихъ войскахъ, а потому мы считаемъ полезнымъ высказать по этому предмету нѣсколько соображеній.

Въ исполненіи мелкихъ уставныхъ требованій мы находимся на пути къ такой чистотѣ въ упражненіяхъ, до которой искусство никогда не поднималось и подняться не можетъ. Этотъ путь представляетъ много поводовъ не только для хорошихъ, но и для всякихъ другихъ увлеченій, которыя незамѣтно тормазятъ строевое дѣло. Мы уже замѣтили, что всякая попытка доводить до идеальнаго исполненія каждый параграфъ устава для насъ представляется весьма вредной утопійей; но слѣдуетъ ли изъ этого, что уставъ долженъ проходить поверхностно, что только при этомъ условіи является возможность пройти

его въ извѣстный срокъ? Напротивъ, по смыслу самаго устава можно видѣть, что есть упражненія основныя, требующія чистоты возможно большей, и есть второстепенныя или, вѣрнѣе сказать, одностороннія, излишнее увлеченіе которыми очень вредно въ смыслѣ отнятія времени; наконецъ, принимая во вниманіе, что уставъ не можетъ подвергаться постояннымъ измѣненіямъ и потому нѣсколько отстаеъ отъ науки, мы должны умѣть отличать тѣ упражненія, которыя отжили свое значеніе для дѣла, чтобы, занимаясь этими упражненіями, ни въ какомъ случаѣ не выдвигать ихъ на первый планъ.

Но можно ли раздѣлять уставныя требованія на главныя и второстепенныя? Не будетъ ли это осужденіемъ устава, нежеланіемъ исполнять его педантично? Напротивъ, это будетъ только осмысленнымъ отношеніемъ къ предмету нашихъ занятій: уставъ требуетъ самаго тщательнаго анализа, безъ котораго мы никогда не вникнемъ, какъ слѣдуетъ, въ его духъ и, исполняя его сплошь по безразличнымъ для насъ пунктамъ, всегда будемъ уклоняться отъ имъ же намѣченной цѣли.

Анализъ строевой работы заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы обучающій всегда могъ ясно отвѣтить на вопросъ: *какое значеніе для искусства имѣетъ каждое производимое съ солдатомъ упражненіе?* Постоянно задавая себѣ такіе вопросы, онъ увидитъ, что строй имѣетъ техническія основанія, безъ участія которыхъ не обходится ни одна перемѣна его формъ, что въ основаніяхъ этихъ солдатъ долженъ быть вымуштрованъ возможно больше, иначе въ дальнѣйшихъ (сложныхъ) упражненіяхъ онъ будетъ постоянно сбиваться, подобно тому музыканту, который, не овладѣвъ экзерсисами, рѣшается исполнять сложную пьесу. Увидитъ онъ также, что есть упражненія, не имѣющія существеннаго значенія для искусства, но нужныя въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи; наконецъ, есть и такія, которыя приходится про-

ходить лишь потому, что они еще не исключены изъ устава. Только такія соображенія могутъ способствоватьъ правильному распредѣленію времени для занятій, которое при нашихъ условіяхъ составляетъ важнѣйшій вопросъ.

Для наглядности приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) Ближайшая цѣль прохожденія устава — утвержденіе въ типахъ употребляемыхъ въ бою построений; но вы не можете пройти ни одного уставнаго порядка, если у васъ люди не обучены, на примѣръ, чистому повороту на ходу, а потому этотъ поворотъ слѣдуетъ считать основнымъ упражненіемъ и заниматься имъ нужно настойчиво, доводя исполненіе до рефлекса. То же самое можно сказать и о вздваиваніи рядовъ, о захожденіи шагомъ и бѣгомъ, о выстраиваніи по рядамъ фронта, о главнѣйшемъ механизмѣ разсыпного строя и т. д. — вообще о тѣхъ движеніяхъ, которыя на ученіи безпрестанно повторяются въ одномъ и томъ же видѣ и малѣйшее замѣшательство въ которыхъ нарушаетъ стройность части, дѣлаетъ ее неспособной не только къ быстрому видоизмѣненію типовъ строя, но даже и къ ихъ воспроизведенію.

2) Вы не можете добиться скорого, но спокойнаго выстрѣла, а тѣмъ болѣе дисциплины огня изъ сомкнутаго строя, если солдатъ будетъ чувствовать хотя бы малѣйшую неловкость въ обращеніи съ своимъ ружьемъ, а потому всѣ относящіяся къ прикладкѣ ружейные приемы слѣдуетъ также признать основнымъ упражненіемъ.

3) Вы можете достигнуть полной твердости въ уставныхъ порядкахъ, не прибѣгая къ безусловно чистому равенію, къ отсутствію стука въ ружейныхъ приемахъ, къ изумительной чистотѣ въ держаніи ружья «на караулъ» или «у ноги», къ маршировкѣ съ искусственнымъ выносомъ ноги и т. д. — вообще ко всему тому, что относится къ другому роду искусства, не имѣющему ничего общаго съ искусствомъ побѣждать непріятеля.

Всѣ эти упражненія имѣютъ одностороннее значеніе: они важны только въ смыслѣ внѣшняго вида и при нашихъ условіяхъ, когда мы дорожимъ каждой минутой, увлекаться этими упражненіями отнюдь не слѣдуетъ.

Вообще есть много мягкихъ малозначащихъ упражненій, на которыхъ долго останавливаться не слѣдуетъ. Стремленіе добиться во всемъ этомъ эффектнаго исполненія можетъ повести къ большимъ упущеніямъ въ главномъ, не говоря уже о большомъ процентѣ болѣзненности при усиленныхъ занятіяхъ съ новобранцами.

Несмотря на всю простоту такого анализа, нужно обладать не только умомъ, но и опытомъ, чтобы отвѣтить на тысячи мелкихъ вопросовъ, встрѣчаемыхъ при обученіи. Это дѣло настолько живое, что никакія инструкціи не могутъ уложить его въ рамки. Кромѣ того, обучающій еще долженъ обладать и военно-нравственными качествами, т. е. любить свое дѣло, быть ему преданнымъ, иначе онъ непремѣнно будетъ искать дешевыхъ успѣховъ, останавливаясь на тѣхъ упражненіяхъ, которыя больше бросаются въ глаза начальнику, и насколько не беспокоясь о томъ, что черезъ это страдаетъ общая выучка. При такихъ условіяхъ строевое дѣло ведется очень просто: съ новобранцами строевой уставъ можно пройти поверхностно, налегая только на тѣ упражненія, которыя, по заведенному обычаю, начальникъ требуетъ на смотру; что же касается до старо служащихъ, то ихъ можно считать уже выученными и заниматься съ ними только тѣмъ, что, въ свою очередь, можетъ спросить начальство: зимой — ружейными приѣмами, которые принято провѣрять на инспекторскомъ смотру; весной — ротными ученіями, которыя представляются въ лагеряхъ. Послѣдствія такого положенія выразятся въ слѣдующемъ: рота, потратившая зимой массу времени на одни ружейные приѣмы, окажется совсѣмъ неготовой для ротнаго

ученія, и если съ величайшими трудностями ей удастся подготовиться къ смотру, то все-таки она будетъ необученной, спитой, какъ говорится, на живую нитку. Убѣдиться въ этомъ очень легко: стоитъ начальнику предъявить свою программу ученія, чтобы увидѣть, что рота обучена только известнымъ построениямъ и очень слаба, напримѣръ, въ перестроеніяхъ и въ разсыпаніи на заднюю шеренгу, въ выстраиваніи фронта по 4-му взводу и т. д. Между тѣмъ для всѣхъ такихъ перестроеній подаются обычныя команды, но люди, не утвержденные въ основаніяхъ строя, не приученные къ рефлексивному исполненію этихъ командъ, непременно будутъ сбиваться и производить въ строю беспорядокъ.

Позволяемъ себѣ думать, что причины многихъ недочетовъ въ полевыхъ занятіяхъ слѣдуетъ искать именно въ такомъ обученіи строевому уставу, ибо опытъ и наблюденія проводятъ насъ къ слѣдующему заключенію: *съ ротой, усвоившей техническія основанія строя, легко утвердиться не только въ уставныхъ типахъ, но и въ самыхъ неожиданныхъ ихъ видоизмѣненіяхъ, т. е. въ прикладномъ уставѣ; а съ ротой, которая готовилась къ смотру, не усвоивъ этихъ основаній, всегда будетъ происходить путаница не только на тактическомъ, но и на простомъ ротномъ ученіи, если начальникъ захочетъ провѣрить эту роту по всему уставу.*

Все вышесказанное относится къ средствамъ для достиженія ближайшей цѣли, а именно для утвержденія въ уставныхъ порядкахъ; но анализъ нашей работы на этомъ останавливаться не долженъ: обучающій всегда долженъ имѣть въ виду и общую цѣль, чтобы не увлечься выполненіемъ частной задачи въ ущербъ главной. Эта общая цѣль заключается во всесторонней подготовкѣ солдата къ бою. Ближайшій анализъ

этого въ высшей степени сложнаго предмета показываетъ четыре основныхъ его элемента, очень зависимые одинъ отъ другого и иногда сталкивающіеся, повидимому, противоположными интересами, согласованіе которыхъ возможно только при сознательномъ отношеніи и постоянномъ вниманіи къ этимъ предметамъ со стороны военной школы.

Назовемъ эти элементы: 1) физическое здоровье солдата; 2) нравственное развитіе въ военномъ смыслѣ; 3) умственное развитіе для осмысленнаго отношенія къ дѣлу; 4) техническая сторона дѣла или навыкъ въ постоянныхъ для военнаго дѣла приемахъ.

Не трудно понять, что собственно искусство слагается изъ двухъ послѣднихъ элементовъ, т. е. изъ навыка и умственнаго развитія; два первыхъ—здоровье и нравственность—служать ему только матеріаломъ, но такъ какъ искусство въ рукахъ человѣка нездороваго или ненадежнаго не имѣетъ цѣны, то становится яснымъ, что только хорошимъ состояніемъ всѣхъ поименованныхъ элементовъ обеспечивается полный успѣхъ въ нашемъ дѣлѣ. Нездоровый человѣкъ отстанетъ въ походѣ, не выстоитъ на часахъ, уйдетъ въ неспособные; ненадежный, какъ въ мирное, такъ и въ военное время будетъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, а въ худшемъ случаѣ употребитъ свое искусство во зло; неразвитой, какъ въ мирное, такъ и въ военное время безъ толка употребитъ въ дѣло свое оружіе; не имѣющій навыка будетъ дѣйствовать хотя и со смысломъ, но неискусно.

Всѣ извѣстныя намъ изслѣдованія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ, по вопросамъ о солдатской школѣ и наши личныя наблюденія приводятъ насъ къ убѣжденію, что главный недостатокъ въ военно-учебномъ дѣлѣ заключается въ одностороннихъ увлеченіяхъ, въ предпочтеніи, оказываемомъ одному изъ поименованныхъ элементовъ въ ущербъ другимъ.

Иногда такія увлеченія бываютъ совершенно искренни, исполнены желанія принести пользу дѣлу; иногда подкладка ихъ гораздо сомнительнѣе. Въ первомъ случаѣ они основываются на простомъ недоразумѣніи; во второмъ—на сознательномъ пользованіи слабостями начальника.

Образчикомъ послѣднихъ увлеченій можетъ служить приведенная выше дурная школа; а вотъ примѣры простыхъ недоразумѣній:

1) Одни изъ обучающихъ слишкомъ увлекаются здоровьемъ солдата и черезъ это теряютъ въ выучкѣ, избѣгая очень нужныхъ для дѣла, но рискованныхъ (преимущественно гимнастическихъ) упражненій, къ которымъ, при извѣстномъ умѣнии, всегда можно подойти исподволь, не только не рискуя здоровьемъ солдата, а, напротивъ,—способствуя его развитію. При этомъ совершенно забывается, что солдатъ, привыкшій къ рискованнымъ упражненіямъ, т. е. не ломающій на этихъ занятіяхъ рукъ и ногъ, будетъ застрахованъ отъ этого и въ походѣ во время преодоленія боевыхъ препятствій; а это весьма важное требованіе въ нашемъ искусствѣ,—у Суворова оно всегда было на первомъ планѣ и сослужило большую службу при самыхъ рискованныхъ штурмахъ.

2) Другіе, увлекаясь выучкой, особенно при занятіяхъ съ новобранцами, часто обременяютъ человѣка непосильными требованіями, увеличивая процентъ неспособныхъ къ службѣ людей.

3) Третьи, увлекаясь умственнымъ развитіемъ человѣка, совершенно не понимаютъ того, что развитіе въ искусствѣ даетъ только понятіе объ исполненіи, но не даетъ мастерства, которое приобрѣтается навыкомъ.

4) Наконецъ, четвертые всю силу видятъ въ одномъ искусствѣ, тогда какъ въ дѣйствительности искусство важно только въ надежныхъ рукахъ: непріятель побѣждается преимуще-

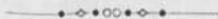
ственно стойкостью войск, результатомъ ихъ нравственнаго развитія, «ударомъ отъ сердца», какъ выражается генераль Драгомировъ; а искусство даетъ только вѣрное направленіе этой силѣ или, такъ сказать, наивыгоднѣйшіе способы для удара.

Итакъ, обучая солдата, слѣдуетъ очень заботиться и о его нравственномъ воспитаніи, которое даетъ въ результатѣ хорошую военную семью, готовую къ охранѣ своей чести, ко взаимной выручкѣ и т. д. Искусство въ рукахъ части, гдѣ каждый солдатъ проникнуть хорошими военными принципами и гдѣ здоровье чловѣка не принесено въ жертву его выручкѣ, — вотъ идеаль военнаго воспитанія, къ которому стремились всѣ знаменитые вожди нашей арміи. Пусть же къ нему стремится и наша современная военная школа.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Муштровка, какъ элементъ искусства (по поводу примѣчаній М. И. Драгомирава къ статьѣ Эрцъ-герцога Іоанна)	3
Причины болѣзненности въ войскахъ	25
Духовныя бесѣды въ войскахъ	74
Мысли о солдатскомъ искусствѣ	81
О подготовкѣ роты къ бою	95
Нѣсколько словъ о духѣ устава	126

Apr. 22nd 1899
IX

23-15

ПОСТОЯННО ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА:

РАЗВѢДЧИКЪ

Первый частный еженедельный воен. журнал. Годъ изд. XXI-й.

Служа интересамъ русской арміи путемъ живого обмена въ печати мыслей по вопросамъ военного быта и службы, „Развѣдчикъ“ чуждъ политической партийности и ставитъ своимъ девизомъ: „Правда и законность“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой на годъ 6 руб., на $\frac{1}{2}$ года 4 руб.; за границу на годъ 8 руб., на $\frac{1}{2}$ года 5 руб. Разсрочка допускается только на годъ: при подпискѣ 2 руб.; къ 1 марта 2 руб.; къ 1 мая 2 руб. Черезъ войсковую часть разсрочка по соглашенію. Доставившему 10 экземпляровъ — одиннадцатый бесплатно.

ВИТЯЗЬ

Журналъ для нижнихъ чиновъ еженедельный

Годъ изданія

== III-й == Витязь ставитъ своей задачей

развить умственный кругозоръ нижняго чина, сообщая ему полезныя свѣдѣнія о военномъ дѣлѣ, излагая путемъ бесѣды знанія общеобразовательнаго характера и возбуждая уваженіе и любовь къ чтенію.

ВИТЯЗЬ установитъ вполне ясный и твердый взглядъ на понятія о долгѣ, трудѣ и

у солдатъ сознательное отношеніе къ дѣлу и утвердитъ его въ преданности Царю и Отечеству.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., за границу 6 р. Доставившему 10 экзempl. — одиннадцатый бесплатно.

ВѢСТОВОЙ

Журналъ военно-библіографическій. Выходитъ еженѣсячно. Годъ изданія XV-й.

Каждому офицеру необходимо быть освѣдомленнымъ о всѣхъ выходящихъ изданіяхъ по военнымъ вопросамъ, и наилучшимъ руководствомъ въ этомъ дѣлѣ можетъ служить „Вѣстовой“.

„Вѣстовой“ сообщаетъ все, что касается военной литературы, предупреждаетъ о всякихъ случайностяхъ и переѣмахъ въ изданіяхъ, о выгодахъ подписной цѣны, о прекращеніи изданій и т. п.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою

30 коп. въ годъ.

Подписку адресовать въ Редакцію журналовъ:

С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.

4853

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Н. БУТОВСКАГО.

- О подготовкѣ учителей молодыхъ солдатъ, 4-е изд. . . . . 40 к.
О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата.
Томъ I. Изд. 4-е. . . . . 80 к.
Томъ II. Изд. 4-е. . . . . 85 к.
О производствѣ ротныхъ ученій. Изд. 2-е. . . . . 30 к.
Промахи молодого офицера. . . . . 30 к.
Прежняя служба и настоящая. Изд. 2-е. . . . . 40 к.
Отець-командирь. Изд. 2-е . . . . . 40 к.
Новое направленіе въ смотровыхъ требованіяхъ. . . . . 40 к.
Очерки современнаго офицерскаго быта (офицерскіе типы).
50 к.
Командиры (типы современныхъ начальниковъ въ положительныя и отрицательныя). . . . . 50 к.
Наши солдаты (типы военныхъ людей нашего времени въ рисункахъ, очеркахъ и сценахъ). 2-е изданіе . . . . . 1 р.
Статьи на современные темы. . . . . 1 р.
Пособіе для составленія аттестацій . . . . . 50 к.
Отрывки изъ бесѣдъ съ молодежью (посвящаются выпускнымъ юнкерамъ). . . . . 30 к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ: *а*

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.

PKT
M3

2011096607